ДМИТРИЙ
МАНАСЫПОВ

13 УЧАСТОК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Наша работа — раскрывать преступления. Только они порой очень необычные, как и совершившие их. А сейчас… сейчас нам, копу с жетоном и агенту СК, службы контроля, Алексу Кроу и Агнессе Роецки, надо найти чудовище, убивающее ради странных ритуалов… Я Алекс Кроу, детектив 13 участка Ночного Города. Никогда не спящего NY, давшего пристанище Другим расам, ведьмам и колдунам Нового и Старого Света, чудовищам в человеческом облике и людям, прячущим внутри демонов. Я почти всегда один, а мои напарники молчаливы и не имеют души, ведь это Кольт 1911 и "Астра", испанский лицензионный "Маузер". 45 калибр кольта и 9 миллиметров Астры — это моя гарантия. Гарантия выживания, а не просто выполнения задания. Я живу в мире технической революции и магии альвов, дирижаблей у Крайслер-Билдинга и гоблинов-слесарей, хрома автомобильных дисков и кукол Вуду негритянского квартала. Я… Лёха Воронин, попавший в другой мир, время с местом, и просто пытающийся здесь жить. И, дьявол, мне здесь нравится.

- Дмитрий Манасыпов
  - Пролог
  - Глава первая: молчаливая красавица и удивительно трезвый ирландец
  - Глава вторая: немного о себе и всяких странностях
  - Глава третья: поганый лях, еврей-бабник, наводка и поцелуи со сплетнями
  - Глава четвертая: Маленький Китай, старый убийца и пара разбитых носов
  - Глава пятая: обнаженные красотки, поганая жирная жаба и неожиданная дырка
  - Глава шестая: черное с лиловым, шоколадно-черное, ментол и запах женщины
  - Глава седьмая: прекрасные виды, Вороны и ночная кровь
  - Глава восьмая: зубастая милашка, нужные разговоры и запах Востока
  - Глава девятая: ставки, ночные жители и мягкое золото
  - Глава десятая: взвешенные слова, немного обоюдной неприязни и чёртовы фрицы
  - Глава одиннадцатая: полукровка, старый лес и ведьма
  - Глава двенадцатая: самая прекрасная из женщин, оплеухи, тумаки и добро с кулаками

- Глава тринадцатая: горцы, ярмарка и руны
- Глава четырнадцатая: ругань, дым, пыль с пустотой и запекшаяся кровь
- Глава пятнадцатая: человеческий гений, неожиданности и щелчок по носу
- Глава шестнадцатая: милый дом, мисс Китти, пани Ковальска и лембергский сырник
- Глава семнадцатая: разговор по-мужски, пушки и сова
- Глава восемнадцатая: Институт без студентов, тёмные воды и доктор Шмурге
- Глава девятнадцатая: обидная подстава, свинец против клыков и лунное серебро
- Глава двадцатая: негодяй на негодяе, ствол у виска и мокрая ворона
- Глава двадцать первая: пальба, кровища и запах "Иранской яшмы"
- Глава двадцать вторая и последняя
- Эпилог
- Читателям

Дмитрий Манасыпов
13 участок. Чужак

Пролог

Её ночь пахла опасностью, сталью и духами "Иранская яшма". Так себе аромат, если честно. Но из-за него моя воняла кошками, улицей и десятой подряд "Лаки Страйк". И звучала саксофоном из вентиляции ночного клуба, на чьей крыше я ждал эту опасную чёртову суку. Я…

Я Алекс Кроу, детектив 13 участка Ночного Города, ждущий под дождем и в темноте суку, убивающую, когда звучит «Прогулка черной кошки». Я Лёха Воронин, попавший в другой мир, время и место, и просто пытающийся здесь жить. Пусть и не особо просто.

Моросило. Неудивительно, это осень, пора привыкнуть, верно, дружок?

Внизу играл Луис, седой морщинистый чернокожий, любящий свой сакс, бурбон и ночную жизнь. Скоро должны начать выступление «Моррис, Моррис и Мак-Кейн», отличная блюз-банда, переехавшая в Город из Орлеана. Ребята здесь уже второй месяц и каждую пятницу собирают полный зал, а «Прогулка чёрной кошки» стала настоящим хитом. Наверное, скоро стоит ждать пластинку с двумя белыми и одним чёрным лицом, на троих — пара улыбок и одна недольная рожа. Мак-Кейн, вроде бы, никогда не улыбался.

Мы со Звездочкой, ждем другую черную кошку. Наша обожает гулять ночью. Каждая чертова прогулка заканчивается смертью, и, сами понимаете, не её. Давно стоит прекратить эти моционы, потому и приходится торчать здесь, под мороящим дождём, слушая пронзительную и рвущую душу музыку Луиса. Старый пердун просто виртуоз, пользуется этим, катаясь как сыр в масле. Винченцо, хозяин «Вероны», понимает ценность древнего негра и платит даже больше, чем достаточно.

Луис подбирается к концу, саксофон, грешный, как жизнь его хозяина, то ли плачет, то ли смеётся. Звук идёт через вентиляцию, чуть дребезжащий и дерганый. Совсем как переливающаяся лампами и красными бликами витрина салона приватных танцев «У Лу», напротив клуба. Пара ламп почему-то работают плохо, и красотка, смотрящая в ночь, как будто призывно подмигивает. Нет, детка, сегодня я не твой клиент. Но это так глупо и мило, что подмигиваю в ответ.

Дождь моросит и моросит, остается лишь радоваться немокнущему пальто. Оно кожаное, но не портится и не промокает. А вот чья кожа пошла на него — спрашивать у старого Мейхера не принято. Вот только не подумайте какую глупость,

человеческая кожа, если ее не провощить, мокнет не хуже остальных. Мейхер, лучший портной Ночного Города, говорит цену и ты соглашаешься, если хочешь получить отличную вещь. Пуговицы костяные и мне выпало немало удивительных минут, проведенных в лаборатории, где ребята пытались понять — чьи же кожа с костью? Но не сумели.

Пальто необходимо не только чтобы прятаться от дождя с ветром. Мейхер знает свое дело и пара постоянных спутников, Кольт 1911, суровый и надежный, как техасский рейнджер, и моя малышка Звездочка, хромированная испанская «Астра», прячутся под ним лучше некуда, совершенно незаметно. 45 калибр кольта и 9 миллиметров Астры — это моя гарантия. Гарантия выживания, а не просто выполнения задания. На улице темнота, кажущаяся живой и это не всегда лишь кажется. В Ночном Городе темнота прячет в себе не только карманников, проституток всех мастей, воров, наемных убийц, грабителей или толкачей дури. Здесь хватает всякого, не говоря об опасной кошке, любящей гулять ночами и пахнущей «Иранской яшмой».

Новая «Лаки Страйк» взрывается с легким шипением. Дым окутывает лицо, проходит в носоглотку и тонкими струйками улетает вверх, кружась вокруг шляпы. Здесь нельзя ходить с открытой головой, если, конечно ты не притворяешься деревенщиной, эмигрантом или парией из гетто. Галстук… галстук мешает и капитан ворчит, но терпит мои водолазки. Они не цепляются в ненужный момент и не дают шанса кому-то ловкому и тихому подкрасться, затянув узел потуже.

Да, во внутреннем кармане пальто есть значок детектива. Но, уж поверьте, публику Ночного Города этот значок порой лишь раззадорит. 13 участок, следящий здесь за порядком, любит малая часть горожан, обычно спящих днем и выбирающихся лишь к вечеру. 13 участок бельмо на глазу у многих и многих, любящих темноту.

Почему я так открыто курю, выжидая её, бесшумно ступающую опасность? Это часть игры и, надеюсь, она ей понравится. Надеюсь, неуловимая незнакомка, прячущая за дурманящим восточным запахом медь засохшей крови, захочет поиграть со мной. Самооценка порой подводит и очень-очень сильно, заставляя переоценивать себя. Может быть, она на самом деле сильна, быстра и ловка, сумасшедшая любительница боли и страха, кто знает.

Но я её остановлю. Просто потому что так надо, ради справедливости и покоя этих чёртовых улиц, не родных и ставших лишь чуть знакомыми.

А ведь неделю назад все начиналось как обычно… С

молчания и фотовспышек. Как всегда случается при убийстве.

Глава первая: молчаливая красавица и удивительно трезвый ирландец

Её глаза отражают яркие разряды от работающего «Кодака». Её глаза как зеркало, совсем не замутненные и даже красивые. Синие-синие, как подарочная бумага из универсального магазина для обертки на Рождество. Жаль, что они мёртвые.

Для фотовспышки некоторые до сих пор используют магний. Он чуть шипит, трещит и, бах, хлопок и все в белом сиянии. Магний опасен, но многие пользуются им до сих пор. Наш капитан сторонник прогресса и у Майки, нашего штатного эксперта, нормальная лампа. Она не одноразовая, Майки ее ни за что не выбросит, но для вида, когда рядом обычные копы, выкручивает.

Здесь холодно и поднятый воротник пальто в самый раз. Смешно, но он греет, а не создает иллюзию тепла. Пальцы мнут «Лаки» без фильтра, подцепив ее из зеленой пачки. Тут многое сперва непривычно, но это проходит и даже нравится. Здесь все настоящее, со сказочно прекрасным вкусом, даже эта самая никотиновая палочка. Она пахнет чуть подкопченным кентуккийским табаком, а когда того касается огонек зажигалки… Это наслаждение.

— Ты не можешь не смолить, Кроу? — Макнамара меня терпеть не может и старается придраться ко всему.

— Могу.

— Почему тогда опять куришь?

— Хочется.

Да, я его тоже не жалую, не с чего. Чертов веснушчатый ублюдок не взлюбил меня сразу и не нашлось ни одной причины, чтобы налаживать мосты потом.

— Эй, парни, идите сюда.

Майки, конечно, эксперт, но не главный. Наша главная звезда криминалистики высок, тощ, с ужасным характером и имечком ему под стать: Реджинальд Лафайетт Фиц-Урс. Ну, либо просто Фиц. И уж если Фиц решил подозвать самых никчемных работников участка, то есть детективов, следует нестись вприпрыжку и радостно помахивая хвостиком. Да только шиш ему.

— Кроу, дым мне мешает, — заявил Фиц и замолчал, ожидая реакции, чертов говнюк. Ладно, докурю на улице, заодно заставив их немного позлиться. Бедная девчонка подождет, ей-то все равно.

— Кроу, мать тв… — начал было злющий Макнамара, до кончиков ушей наливаясь алым.

— Сейчас вернусь, ребята, пару минут. И не смей поминать мою маму, Мак.

Фиц положил руку ему на плечо и Макнамара не закипел дальше. Хорошо, настроения махать кулаками не было.

Я вышел из подвала, прячущего в себе огромный холодильник. Моросило и из-под жестяного козырька над входом высовываться не хотелось. Подумать можно и тут, дождь никак меня не вдохновлял. Осень тут порой мерзкая, но снаружи все же теплее.

Холодильник прятался в нижнем этаже кирпичного дома в Маленькой Италии, в тесном проулке, заканчивающимся тупиком. Манхэттен застраивался плотно, кое-где не развернуться и сейчас теснота оказалась нам на руку. Убитую девушку нашли днем, понаехало копов, приманив зевак и репортеров. Сейчас вся эта шантрапа стояла за оцеплением, состоящим уже из наших ребят. Поздновато, конечно, но информация дошла до капитана слишком поздно.

Что мы имеем, детектив Кроу? Совсем немного, но даже этого хватит и вряд ли Фиц на месте расскажет больше. Бедняжку, застывшую в ледяной пещере холодильника, убил кто-то из наших клиентов. Наших, 13 участка, работающего по Ночному городу. Почему я думаю именно так?

Других вариантов, также, как и ждать приезда начальства, не наблюдалось. Местные ублюдки, конечно, мясники не из последних, но тут все ясно. Девчонку вспороли, как свинью на бойне, вскрыли от паха до горла, выпотрошили и оставили застывать, превращаясь в камень. Кровью, макая в неё руку, на стене выписали странное послание, где не встречалось ни одной знакомой буквы. Такое ни одному здешнему «солдату» не под силу, такое им и не снилось.

Да и холодильник подсказывал такое же решение, ведь…

— Кроу! — Макнамара возник в двери за спиной. — Давай быстрее.

Чертова жизнь, угораздило же попасть с ним в одну смену. Это все капитан, не иначе, старающийся держать нас в тонусе и создающий конкурентную среду среди своей стайки ищеек. Надо будет не забыть сказать спасибо.

Фиц ждал нас все там же, все с тем же брезгливым выражением лица и все также желавшей поделиться собственной мудростью, предназначенной для идиотов-детективов. Ну, лысый пень, лично я готов тебя слушать.

— Смерть наступила в результате кровопотери, нарушения

внутренних органов и болевого шока. Приблизительно около четырех дней назад, если не больше. — Эксперт поморщился из-за вспышки, Майки продолжал щелкать место преступления. — Точнее скажет коронер, а я подготовлю отчет для всех, включая кэпа.

— Это ясно, — фыркнул Макнамара, — тут и ребенок разберется.

Иногда Мак загибает так, что тянет закрыть лицо рукой. Конечно-конечно, старший детектив, если только ребенок гений. Либо отработал достаточно в полиции, повидав всякого и имея немного настоящего, уличного, опыта.

— Вот как? — Фиц вытянул свое лошадиное лицо в недовольной гримасе. — Может быть, мистер самый старший из умных детективов поделится мыслями о характере имеющихся ранений, включая летальные или даже сможет определить тип оружия, а также предполагаемую классификацию убийцы?

Как красиво завернул… Порой Мака стоило возвращать на место, чересчур уж много тот мнит о своей персоне. Но вряд ли в этом случае у Фица выгорит. К сожалению, Макнамара не ребенок и опыта ему не занимать. А случай, как и думалось под козырьком, явно наш и причин тут несколько.

Свои был готов изложить прямо сейчас, но стоит выслушать нашего умника.

— Кто-то из Ночного города, — фыркнул Макнамара, закинув пластинку жвачки. — Ритуальное убийство, из-за чего нам всем, включая этого хлыща, придется рыть носом землю. Никто из итальяшек не станет пачкать руки таким дерьмом, да они поголовно католики. А еще…

— А еще это холодильник Тони Бритвы. — пророкотало за нашими спинами. — Сам Тони в каталажке, и никто, из уважения к нему, сюда просто так не сунется. И, да, Мак, вы станете рыть землю, трясти всех и всё, но найдёте мне поганца хоть из-под земли, ясно?!

Начальство прибыло, совершенно неожиданно и весьма ожидаемо. Ожидаемо, потому как кэп не скрывал своего приезда. А вот что заставило нашего медведя выбраться из-под теплого одеяла и мягкого бока миссис О`Келли — это интересно. Если не сказать больше.

Ответ крылся в красотке, больше не освещаемой фотовспышками, это точно. Но почему?

— Что, Кроу, уже начинаешь, наконец-то, думать? — хмыкнул кэп, остановившись рядом и сдвинув шляпу на затылок. — Бедная девочка, какая же скотина могла сделать такое?

О, кэп, ты пока не знаешь точного ответа, но подозреваешь,

что знаешь. Да мы все здесь уверены в одном и том же.

В свихнувшейся твари, живущей среди Ночного города, недавно прибывшей, либо прятавшейся долгое время. Среди «наших» ребяток хватает всякого дерьма, а уж человеческая кровь для половины из них — как горчица с кетчупом для хот-дога. Без них обычная сосиска с булкой остается просто сосиской и не больше. Но добавь поджареного лука, выдави желтого с красным и оп, у тебя крохотный шедевр простой кулинарии.

Кэп, даже поднятый посреди ночи с кровати, блистал стилем: галстук, накрахмаленная сорочка, запонки и серый, в полоску, костюм-тройка. Миссис О`Келли, бывшая деревенская девчонка из страны картофеля, лепреконов и виски, страстно любила свою текущую жизнь. И все ее деловые проявления, как же без них.

— Кроу, когда ты, наконец, перестанешь носить водолазные свитера? — между делом поинтересовался Кэп, рассматривая мою любимую черную водолазку, предательски торчавшую наружу.

Вообще-то они все у меня любимые и черные. Вот только Кэпу все они не по душе, он же консерватор и республиканец. И католик, самой собой. И, как такое возможно, трезвенник. Непьющий ирландский коп, командующий участком, следящим за созданиями Мрака и Тьмы, рехнуться можно.

— Я собираюсь уйти в ночь на поиски, шеф.

— Сукин ты кот, Кроу, — Кэп явно пребывал не в лучшем настроении духа, ворчал и танцевал цирковым медведем, топчась по плитке на полу. — Сейчас прибудет хренова СиКей, а ты как всегда меня позоришь своим видом.

Макнамара, Фиц и я уставились на Кэпа. Майки, работавший с порошком и кисточкой, не остановился, но, судя дрогнувшим кончикам ушей, весь превратился в слух. Майки — полукровка, его заделал прачке из Квинса какой-то альв, и, видно ради шутки, силком притащил ту в Ночной город. Майки никогда этого не забывал и работал на совесть, ненавидя всех Старых. И пользовался всем арсеналом необычного, полученным от отца.

— Какого хрена здесь делать СиКей? — наплевав на манеры с субординацией удивился Макнамара. — Это же просто…

— Не просто, — кашлянул Кэп и нарезал кружок вокруг синеглазой красоты, навсегда уснувшей в холодьнике чертового Тони Бритвы. — Одна из секретарей в офисе мэра.

И достал фотокарточку, сунув Макнамаре в руки. Черт, теперь сомнений в рытье земли не осталось совсем. Стоило самому догадаться.

Шляпки рядом со светлыми волосами не оказалось. Немудрено, девчонку сюда либо затащили, потеряв ту по дороге, либо слетела, пока убегала от убийцы. Пальто, вернее его остатки

и относительно сохранившаяся юбка точно куплены не в «Сирс». Мастерская-ателье с Пятой авеню, судя по ткани и мастерству закройщика. Чулки и обувь тоже не из дешевых, значит, не из ночных бабочек. И тогда…

— Что она тут делала? — поинтересовался Кэп, закинув конфету-леденец в свою хлеборезку. — Это, как раз, вы мне и расскажете. А первые соображения, уважаемые детективы, жду к вечеру. Подключайте хоть весь отдел, берите патрульных, рыскайте, как и где хотите, но первый отчет каждый из вас кладет мне на стол вечером!

— Это мое дело? — довольно осклабился Макнамара, явно радуясь моему подчинению.

— Нет. — отрезал Кэп. — Это дело для вас обоих. И еще, совсем немножко, для Смита. Вы трое и каждый сам по себе, и чтобы быстрый результат. Мэр меня сожрет с потрохами.

— Почему мы о ней не в курсе? — взбрело поинтересоваться мне.

— Потому что! — рявкнул Кэп. — Я сам узнал только сегодня… Вчера… Да какая разница!

Вот, значит, как. Девчонка пропала, и, скорее всего, знала что-то интересное. А наш благостный мэр это «что-то» наружу выпускать не хочет.

— Мэр может спать спокойно. — хмыкнул Макнамара. — Ее принесли в жертву вместо козла или петуха, всем же ясно. Все его секреты теперь упокоились вместе с ней.

Я посмотрел на нее. Постоянно открывающаяся дверь сделала свое дело. Пусть снаружи осень, но там теплее. Ледяные стены потихоньку подтекали и разница температур делала свое дело: от краешков синих глаз, по белой пока коже, бежали поблескивающие дорожки. Она оттаивала, и скоро вся эта застывшая красота Белоснежки, сломанной и брошенной в ледяном гробу, умрет окончательно.

И…

— Кроу! — стеганул голос Кэпа. — Это твоя работа, к слову, хорошо оплачиваемая. И таких девочек Город за год сжирает не меньше пары-тройки сотен. Ты готов мстить за каждую?

Я? Пока еще не уверен, но все возможно.

— Займитесь архивами везде, включая офис прокурора, копов, Портового управления и даже пожарной службы! — Кэп поморщился, закинув следующий леденец. — Проверьте такие же убийства, ищите концы и найдите мне ублюдка.

— СиКей нам не помогут? — поинтересовался Макнамара.

СиКей, Служба Контроля, прокуроры и ФБР Ночного города,

могла многое. И даже имела в штате самых настоящих ведьм. Вот только помогать 13 участку никогда не спешила.

— Нет. Все, парни, валите работать. — Кэп ткнул Фица в грудь. — А ты, пока с коронером не сделаете все нужное, домой не уедешь.

Кто бы сомневался.

На улице всё также моросило. Макнамара, не попрощавшись и не пожелав удачи, отправился к своей машине. А я…

А я закурил и уставился на стену, напротив себя. «Лаки» потрескивала, дымок вился вокруг и мысли уже начали собираться в нужный клубок.

Любое расследование начинается с фактов и слухов. Факты подготовят эксперты, а вот слухи — это моя личная забота. И хорошо, когда есть к кому обратиться за ними. Ночной город, даже когда кажется спящим, видит всё и вся, никогда не забывая даже ерунду. Главное здесь — знать, у кого спросить нужное тебе.

А у меня такой человек был. Ну, либо не совсем человек, тут уж как посмотреть.

Глава вторая: немного о себе и всяких странностях

Быть обычным — просто прекрасно. Обычные люди стандартной внешности, нормальной жизни и типового мышления имеют мало проблем. Спокойно занимаются своими делами, не бросаются в глаза, не привлекают ненужного внимания и просто живут.

Я был обыкновенен до серости. И это меня вполне устраивало. Пока как-то раз не решил сходить за сигаретами в круглосуточный магазин.

— Кроу, ты долго будешь торчать тут? — поинтересовался Абак и нажал на сигнал. — Счетчик крутится, деньги мутятся.

Абак обладает несколькими яркими чертами, незаметными рядовым гражданам Города. Абак относится к древнему и благородному роду Воронов, обожает строить из себя серьезного бандита и разговаривает на странном сленге, заставляя подозревать его в умении управлять временем. Проверить догадку не так просто, он же из, сами понимаете, древне-благородного рода.

Вороны, всем своим небольшим сплоченным семейством, обитают в Квинсе. Воронам плевать на ряд правил Ночного Города, их собственная черноперая магия позволяет творить что в голову взбредет. Чаще всего им взбредает просто жить среди людей, наслаждаясь покровом иллюзии, позволяющей ничем не выделяться и порой делать карьеру там, где не ожидаешь. "Бред" и "взбредёт" имеют один корень, верно?

Ну, может ли значится в помощниках начальника Портового Управления города Нью-Йорк и штата Нью-Джерси высоченная, целых шесть футов с парой дюймов, черная как смоль и говорящая на трех-пяти языках, птица? Птица, обожающая сигары, шляпы-цилиндры, галстуки и даже трости? Наверное, никак не может.

Но старший кузен со стороны двоюродного деда нашего Абака, Скарк, занимал именно эту должность. Чертовы Старые, с их умением наводить морок и пудрить людям мозги, верно? Скарк имел все разрешения от СиКей, Службы Контроля, и, наверняка, ими же был подсажен в само Управление.

— Кроу! — каркнул Ворон.

Когда Ворон дымит самокруткой, прищурившись от дыма и наполовину высунувшись из «бьюика», поневоле прислушаешься.

Абак недовольно покосился на меня, присевшего со стороны пассажира на переднее сиденье, но даже не фыркнул.

Почему детективу 13 участка отправляется по срочным делам на такси? С водителем Вороном? Потому что машина в ремонте, вот и все. А положение полиции Ночного города дает свои привилегии. Например — меня с относительным комфортом повезет куда надо таксист-Ворон.

Дождь не прекращался, дворники гладили стекло с ужасно противным звуком, но зато мы ехали. Я еще не сказал куда мне? Конечно, просто Абак не хотел стоять на месте.

— В «Тихий Лес», Абак. Хотя…

Абак хрустнул клювом. Одуряющие зрелище со звуком эти вот самые его привычки, уж поверьте. Вас раздражает хруст пальцами? Попробуйте представить птицу ростом с человека, трещащую собственным, кости долбить можно, крепчайшим клювом.

— Да, ты прав. Пока ещё рановато, профдеформация, не иначе.

— Хрена ты словечки знаешь, фраерок… — поделился Абак мыслями.

Говорил же — что-то не то с этим крылатым, откуда здесь и сейчас возьмется этот «фраерок»?

— Поехали позавтракаем. Пока доберемся на тот берег, как раз у Стиви начнут подавать блинчики.

Клюв Абака щёлкнул одобрительнее, что-что, а пожрать он не дурак. Светало, но все же ехать к моему информатору стоит соблюдая приличия. Клуб открывается в десять, будем вежливы и уважительны, подкатим вовремя. Какой клуб? «Тихий лес», принадлежащий самому настоящему польскому дворянину и отставному поручику Межинскому. Кто там мой информатор и почему? Все просто, однозначнее однозначного.

Чертов эмигрант, утверждающий о своем бегстве в связи с несогласием по ряду вопросов, выдвинутых «красной» половиной российских Советов, на самом деле колдун. Хороший, мать его, чернокнижник, по праву занимающий достойное место в иерархии Ночного города. Владелец загородного клуба, магазина антквариата и букинистических жемчужин на Седьмой, а также пары-тройки ломбардов. Не говоря о подпольной винокурне, гонящей настоящую «вудку» и торговец оружием.

Почему я его до сих пор не сдал Кэпу? Потому как бесполезно, Межинский торгует стволами и остальными совершенно легально. Америка, сука, страна возможностей, все знают.

— Задумался о своей горькой судьбинушке, Кроу? — каркнул

Абак. — Или зажилил платить за блинчики?

А, чертова курица, вырвал из мыслей… И хорошо. Недосып давал о себе знать.

— Я плачу, черт с тобой. Поехали.

Он затянулся, выпустив целый клуб дыма, шевельнул своей бородкой из перьев и выкрутил руль, развернувшись прямо посреди улицы. Вороны, как и все Старые, обожают игнорировать людские правила, а уж касаемые дорожного движения для них ровно как сметана на кухонном столе для кота. Как кот наплюет на обязательно прилетевший тапок, так и Старые нарушат их при первой возможности. Так и живем, уважая древних и благородных, да страстно желая снова преподать им урок. Желательно, пожёстче.

— Включить радио, Кроу?

Мне было все равно. Здесь еще любили джаз, хотя блюз становился все популярнее, а до рок-н-ролла и Бадди Холли с Королём, по ощущениям, оставалось совсем немного.

«Бьюк» мурлыкал двигателем, мягко покачиваясь на вполне себе хорошей дороге, ведущей в сторону тоннеля Хобокен. Литтл-Итали, с её макаронниками, вечно небритыми выродками в шляпах, кричащими красивыми брюнетками и одной мертвой блондинкой, оставалась позади.

Иногда меня так и тянуло подойти к кому-то из заносчивых ублюдков, намеренно гундосящих с сицилийским акцентом, подойти прямо посреди обеда с домашним хлебом и вином, обязательной пастой, пахнущей чертовым пармезаном и, выдохнув сигаретный дым, рассказать немного правды.

Что Чайна-таун и черные, ставшие афроамериканцами, пожрут Маленькую Италию полностью. Что всего через сто лет никому не будет дела ни до Тони-Бритвы, ни до Корноухого Винченцо, ни даже до самого Вито. Никто их не вспомнит и не поплачет над могильными камнями. Красный кирпич их аккуратных домишек покроется граффити, переулки, вместо хлеба и сыра станут вонять мочой, а в аккуратных бакалейных лавках, вместо базилика и золотистых связок лука к лазанье станут продавать замороженных готовых цыплят по-кентуккийски и сырные шарики.

Порой мне жутко хотелось это сделать, когда в очередной раз наши дела сводили с местными копами и вся эта сраная романтичная тарантелла рассыпалась из-за новых трупов, найденных синими после garotta, удушенных из-за неуплаты дани или плавающих в крови из-за «сицилийского галстука», глотки, вскрытой от уха до уха и языка, специально вытащенного через нее наружу.

Но, учитывая все новости, свалившиеся на меня в первые полгода, новости о мире и всякие странные изменения в истории, точно ли сбудутся мои слова? То-то же, потому пока я терпел, хотя руки чесались неоднократно.

— Кроу, красоту нельзя убивать просто так. — каркнул Абак и уставился вперед, вдруг нацепив синие круглые очки.

Чёртов Ворон, прикидывающийся, как они все, бездушным наблюдателем за жизнью короткоживущих человечков. Брякнул, потому как даже Старых порой задевает жестокость их собственных товарищей по Договору, заставившему древние расы жить постоянно прячась.

Задевает, особенно, когда им известные подробности. Задевает далеко не всех, кому-то лишь бы посмаковать подробности, как сливочное мороженое после обеда. А вот нашему Ворону, закрепленному за участком, не все равно. Но, так уж у них устроен взгляд на мир, больше из него ничего не вытянешь. Будет молчать, курить и сидеть чучелом, глядя в ночь через темные стекла. Хренов черноперый ублюдок.

К Старым, мне было привыкнуть очень сложно. Сложнее всего остального. Зато закончилась обычность.

Обычным быть прекрасно. Живи себе припеваючи и наслаждайся жизнью, что может быть лучше? Все по расписанию, давно известно и измерено во всех физических плоскостях.

Понедельник — день тяжелый, главное тут не опоздать в офис. Утренний кофе из сушеных тараканов, плюшка, перехваченная в ларьке по дороге. Оперативка, нарезание планов с задачами, все знакомо до запятой-ссоры с бухами и восклицательным знаком из-за клевой новой девчушки соседей по этажу.

Среда — маленькая пятница. Можно задержаться домой, заодно зайдя в гипер и прикупив жратвы до выходных. Качнуть пару сериальчиков, рубануться в сетевую или потупить в монитор, рассматривая новую киношку. Снова лечь хрен пойми во сколько и не выспаться в четверг, опять забив на зарядку с лишними кэгэ, насиженных на жопе ровно.

Пятница-развратница, благая долгожданная тяпница с баром, клубом, пивасиком у типа друга в ипотечном скворечнике и такси втридорога поздней ночью. Как говорится — если повезет, тогда и триппер, а нет, так Порнох… ну, всяко в жизни случается.

Выспись я с воскресенья на понедельник последней недели Дома, глядишь не натупил бы в среду, зайдя в магаз. У меня рядом со съемной хатой сразу «Пятёрочка» с «Магнитом», а еще недавно открылась «Лента». Выбор нормальный, но я упороto

тупил из-за желания поспать, не купив свой обычный блок сиг на неделю.

В пятницу, вполне себе трезвый, так, размялись вискарем с пацанами после работы, приперся домой и, часа через два, крутя в руках пустую пачку, понял — придется. Придется, мать его, выйти на улицу и переться через переход на ту сторону улицы, в круглосуточный, выбирая между их «Парламентом аква-блю», «Винстоном» и пролетарскими «2222».

Там-то, в переходе, меня и нашел Блэкстоун.

Кто такой и почему Блэкстоун? Тут все просто.

Блэкстоун потому что очень пафосный. Как и положено, мать его, демону или кто он там. А Блэкстоун, прорвавшийся к нам отсюда, был первостатейным аристократом среди поклоняющихся древней Тьме, когда-то почти уничтоженной половиной Старых в союзе с людьми. Но «почти» не означает «навсегда», верно?

Меня чуть покачивало, ведь накидались мы неплохо. И кто-то, идущий прямо ко мне, сперва оказался принят за мента. Но менты, сука, как крабы — всегда ходят парочками, а тут один.

— И хера ль тебе надо, — пробурчал я под нос и постарался обогнуть позднего прохожего по дуге. Не удалось.

— Мне бы немного вашего огонька, — поделился хрен в стильном пальтишке и с видневшимся галстуке. И для чего-то стянул перчатки, эдакие черно-эсесовские перчатки.

А я не придумал ничего лучше, чем протянуть ему жигу. Пальцы, коснувшись ладони, обожгли холодом, тут же сменившись настоящим пламенем. Потом стало больно, ведь эта сука схватила мое запястье до хруста и, не дав ничего не сделать организму, утомленному алкоголем, второй рукой вцепилась в горло. Я захрипел, дурно раззявив рот и уставился прямо в его глаза.

А те полыхали пламенем, разгораясь алым все сильнее. Тут-то я и отключился.

— Охренеть… — сказал я сам себе через пять минут, сидя на заднице в переходе. — Охренеть.

И тут меня подняло и потащило в сторону моего же дома, хотя, помнится, до сигарет так и не добрался. Потащило с спринтерской скоростью, преодолев половину перехода за несколько секунд.

«Беги, раб! — полыхнуло в голове. — Беги!»

Испугался ли тогда? Да я бы обмочил свои «ливайсы», если бы эта тварь, сразу вспомнившаяся, не рулила мной как куклой, как-то оказавшись внутри.

— Пошел ты нахер! — заорал я и попробовал остановиться.

Меня скрутило в три погибели, до хруста позвонков и боли почти рвущихся мышц с сухожилиями.

«Бегом, раб! — звенело в голове. — Бегом!»

Нам обоим, катающимся по бетону, не пришлось никуда бежать. Пять минут назад слова «боевые маги» казались мне чем-то из разряда глуповато-пафосных сказок для взрослых. Оп, с трех сторон, влажно разорвав пространство, разом открылись те самые ярко светящиеся порталы из игр. Выскочившую шестерку, работающую совершенно по-ментовски парами, мой наездник встретил во всеоружии и настоящем облике.

Черного, воняющего серой и тухлятиной, демона, изукрашенного рогами, шипами и наростами, скалящего крокодилью пасть и следящего за ними сразу двумя парами глаз. Когда один, развернувшись в вытянутой впадине, уставился на меня с явным обещанием пожрать не только тело, но и душу, стало страшно. Не, не так.

Жутко. Дико и безысходно жутко.

Мне почти повезло. Шестеро личностей, мужчин и женщин, знали свое дело туго. Магия, с трудом справляющаяся с защитой от нее здесь, у нас, развернулась во всю Ивановскую.

Чертового беса исхлестали плетьми-молниями, стреножили огненной сетью и желали добить огромной кувалдой, выросшей в руке тонко-костной мелкой девчонки лет семнадцати-восемнадцати. Она почти успела, когда черно-рогатая мразь, разодрав сеть, скакнула в портал, по дороге прихватив меня за шкирку.

— Очнулся. — мрачно заключил кто-то в белом халате и отошел, пропуская к моему телу еще кого-то.

«Кого-то» оказалось трое. Здоровенный мужик в кожаной летной куртке и шляпе, второй, такого же роста, но тощий и усатый. И красивая женщина неуловимого возраста. Общим у них оказалось одно: все рассматривали меня также, как я любовался щенками да котятами в зоомагазине, сидящих в стеклянном ящике.

— Как тебя звать мы уже знаем, — заявил усатый, — отправить назад не сможем. Блэкстоун разодрал Пространство своим порталом и, уходя, оставил несколько проклятий-капканов. Без проверки СК портал в твое время никто не откроет. Вопрос простой, сынок — какого черта нам с тобой теперь делать?

— Отпустить? — робко поинтересовался я.

— Это проще всего, — фыркнул усатый, — иди куда хочешь. Только тебе придется худо. И недолго.

— Почему?

— На тебе метка, Блэкстоун зацепил тебя ей. И не только ей. — сказала женщина. — Ты не помнишь, что было в переходе?

— Он мной командовал.

— Ты идиот? — спросил усатый.

— Он не понимает, — ответила за меня женщина, — в переходе между мирами, что было там? Хотя, уже понятно, что ты не помнишь.

— Тебя взяли с собой чтобы перекусить, — хмыкнул молчавший бородач, — а ты не дался и даже смог…

— Ему это знать не нужно. — одернула бородатого непонятная красотка. — Но мы ему благодарны. Уильям, определи нашего гостя к делу, что явно его.

— Это какое? — почему-то разозлился усатый Уильям.

— Он остался жив в переходе и с демоном, — вздохнула моя доброжелательница, — как думаешь, чем ему заниматься в городе? Тем более, он точно один из нас.

Город оказался сразу в двух ипостасях. Нью-Йорком тридцатых…вернее, что-то типа того. И Ночным, полным совершенно нечеловеческой жизни и ее представителей.

Та женщина носила имя Майан, входила в Ковен, тесный круг ведьм и ведьмаков, представляющих людей в Договоре со Старыми. Мистер Уильям Каттинг заведовал СиКей, Службой Контроля, чертовой смесью ФБР, прокуратуры и спецназа, следящей за Договором и его сторонами. Бородатого звали Карлом и больше мы с ним не виделись. Жаль, говорили, именно он смог справиться с Блэкстоуном, вывалившимся сюда. Дядька был одним из тех самых боевых магов, обычно почти не встречающихся.

А, да: как они разобрались в моей принадлежности к ним? Все просто. Я простой русский Лёха Воронин, заслуженный офисный манагер, к своим тридцати знать не знал даже английского. И, оказавшись в Ночном городе, понимал и разговаривал на общем, понимаемом всеми. Вот такие дела.

Дальше все завертелось куда там центрифуге летчиков-космонавтов. 13 участок, стажер-патрульный, просто патрульный и, совершенно неожиданно, взбесившийся Рыжий Смитти. Бешенство Смитти вылилось в кровавый след, но тогда никто не понимал — кто его оставил. А я…

Хренов Блэкстоун, оставивший на мне метку, явно оставил что-то еще. След Смитти, не замеченный никем, кроме меня, привел к этому ублюдку. Было жарко, даже чересчур, и именно тогда решил завести не 38 «полис-спешиал», а что-то круче и ядренее. Но я справился, правда, снова оказался в том самом госпитале, где очухался после перехода.

Вернувшись на работу — получил значок детектива. Вот и всё. Ничего необычного.

— Кроу! — каркнул Абак. — Просыпайся, приехали. Я есть хочу!

Глава третья: поганый лях, еврей-бабник, наводка и поцелуи со сплетнями

Кофе, не иначе, придумал сам дьявол. Ничем иным не объяснить странную привязанность к нему, с каждой чашкой убивающему твой желудок с сердцем. Если глушить галлонами, конечно. Когда-то, еще Дома, мне нравилось писать глупые блоги, козыряя фразой про выдумщика из Преисподней.

Здесь и сейчас порой нужно хорошенько взвесить слова, прежде чем произнести. Мало ли?

Кофе в закусочной оказался неплох и приятно горчил. Редкое дело — найти здесь именно хороший кофе, с привкусом молотых и крепко обжаренных зёрен. Чаще попадается едва пахнущее варево, густо сдобренное молоком, сливками, сахаром до состояния просто чего-то сладкого. Его даже не хочется звать «он», наплевав на правила и обзывая оно… Местное кофе, чаще всего, оно. Едва пахнущее варево, густое от ненужной сладости.

В забегаловке, обычно принимавшей таксистов, водителей грузовиков, фермеров с деревенщиной, едущих в свой Джерси, кофе оказался на высоте. Как и все остальное.

Блинами называть здешние панкейки — просто грешно. Хотя, в целом, весьма неплохо, особенно убрав кленовый сироп и попросив самых обычных сливок. Добавь сахара и наслаждайся. Абаку было все равно, Ворон закидывал один за одним, поливая чертовой патокой, окуная в мой молочник и даже, порой, густо перча. Черный клюв ритмично двигался, блинчики исчезали, а Ворон совершенно не менялся во взгляде. Гипнотизировал черного паренька за стойкой, смотрящего на нас, единственных посетителей.

Не знаю, кем Ворон казался этому «джимми», но явно не самим собой. Иначе, думаю, мы с Абаком услышали бы удаляющиеся вопли, едва только зайдя. Нет, а как еще, когда в твою забегаловку вваливается огромный ворон, ходящий на лапах и дымящий сигаретой?

Но Абак был Вороном, а Вороны умеют многое. Так что мы сидели, ели, пили и дымили. Никаких законов, ограничивающих табачный дым тут не знали и в помине. Сигареты — яд? С вами все в порядке? Тут курили все, вот только табак тут был именно табаком. Хотя главное различие мира, куда меня затащил Блэкстоун, само собой другое.

Магия.

Можно называть само явление как угодно, суть не меняется. Она повсюду, скрытая от большинства обычных людей и порой недоступная даже Старым. Верно, не все Старые владеют магией, хотя частенько являются ее порождениями.

Здесь магия ресурс. Трудно и редко восполняемый, имеющий критически-точный объем и свыше него магии не случится. Когда уходит в небытие кто-то из магического народа, то крупицы достаются остальным, прочее — растворяется в ней, текущей в мире невидимо и неслышно. Потому в этом мире так мало настоящих волшебников, магов, ведьм и прочих кудесников. Ведь когда на свет появляется новый малефик — свободной магии становится еще меньше.

Это и спасло от порабощения сам мир людей. А ещё — разрозненность самих Старых, порой по-детски чванливых и глупых, совсем как дворяне или политики с кинозвездами. Про Войну Договора мне говорили неохотно, чужакам не сливают тайны, а чужака во мне чуяли все жители Ночного Города. Даже люди.

Договор между людьми, ведьмами с чернокнижниками и частью Старых, особенно хитрых приспособленцев-дворфов, мог уничтожить древние народы. Мог, но он, заключенный как мера противодействия против союза нечеловеческих существ, их же и спас. Поселил в резервации, заставил носить невидимый ошейник, но оставил в живых. Сталь, порох, паровые машины и мастерство дворфов почти помогли людям стереть Старых в порошок. Но…

Но вот я сижу в кафешке у тоннеля Хобокен, курю «Лаки», пью вполне приличный кофе и смотрю, как Ворон уничтожает уже третью порцию сраных блинчиков.

— Слишком много думаешь, Кроу, — каркнул Абак, — и не о том.

Надо же, огромный грач учит меня жизни.

— И о чем я думаю?

— О ненужном. Загонишь себя, Кроу, нужно иногда отдыхать. И не надо пытаться понять принадлежащее не тебе. Живи себе, служи, и не лезь разбираться в наших делах.

Говорю же — чужак, пусть с жетоном и стволами под пальто.

— А если решу разбираться, помешаете?

Иногда меня так и тянет провоцировать Старых. Их заносчивость с чванливостью для меня — как валерьянка для кота, так и тянет прикоснуться и потом прыгать как ужаленному, крутиться клубком и орать дурным голосом, нарываясь на неприятности.

— Не ссы в трусы, родной, — Абак решил поделиться мудростью, — ворон вороне глаз не выклюет.

Загадка и как-бы оскорбление в словах поддержки, представляете? Нет здесь таких поговорок, но Абак рубит ими постоянно. А ворон с вороной?

Я как-то не думал о своем новом имени, когда меня вытурили из госпиталя и направили в 13 участок. Ляпнул сразу про Кроу и только потом понял, мог бы стать Рейвеном, например. Рейвен, с английского, и есть ворон. А Кроу — ворона. В моем далеком детстве старшие порой ставили фильм про парня, вернувшегося с того света для мести со справедливостью. Так вот он назывался «Ворона», хотя старшие обижались на меня, малолетку, учившегося в английской школе и говорящего правду. Обижались и продолжали называть «Вороном».

Вот и этот туда же…

— Твой Межинский точно имеет что сказать, — продолжал удивлять Абак, — поговори с ним.

Я, надо полагать, еду в «Тихий Лес» исключительно пообщаться о том, о сем?

— Не растрать пыл зазря, Кроу. Нужно отдыхать и ставить верные цели.

— Ты повторяешься.

Абак не ответил, опустив на нос свои очки. Это у нас с ним сигнал такой, раз нацепил синие окуляры, то все — конец разговорам, пока сам первый не начнет.

— Наелся?

Думаете, Ворон молча встал и ушел без благодарности? Вы не ошиблись.

До «Тихого леса» десять миль тихим проселком, с вязами, грабами и гикори. Грабы не должны тут расти, но Ночной город умеет удивлять, даже если речь про одного единственного польского эмигранта, сумевшего заселить имеющий лес взрослыми красивыми деревьями.

Правильно говорить Межинский. Наш шляхтич имеет древние корни, гордится ими и всем видом порой подчеркивает — я вам не чета. Сложно спорить, Америка страна свободных людей, каждый ведет себя как хочет. Ворон не стал бы просто так говорить о нем, значит, меня впрямь может ждать удача. И это хорошо.

Солнце вскарабкалось на небосклон, но так и не выбралось из-за низких туч. Осень вступала в права все сильнее, показывая ужасный характер. Никакого золота с багрянцем, только мокрые от мороси желто-красные листья, вот и все.

Желтое и красное прекрасно сочетаются в огненно-рыжий. А

это уже опас…

— Мама!

Вопль прилетел из-за поворота, куда мне и нужно. Высокий, яростный от боли, скрывающемся в нем. Кричал кто-то взрослый, а взрослые зовут маму не так часто и, к сожалению, частенько перед смертью.

Черт, что-то мне подурнело… Вопли перешли в неразборчивые, с акцентом на «а-а-а» с влажным звуком раздираемой плоти. Если бывали в мясной лавке, наблюдая за работой мясника, разделывающего тушу, то не перепутаете. Например, прямо сейчас кому-то, хрустко и быстро, вырвали из сустава конечность.

Меня хватило на несколько секунд и ровно две глупости. Секунды потратил на размышления, а глупостями оказалось высунуться из-за угла и собственное оружие. Меня заметили, а мощности револьвера «полис-спешиал» против рыже-красно-бледной громады, ринувшейся на меня, тупо не хватило.

Тварь, смахивающая на циркового медведя, привыкшего ходить на задних лапах, даже не рыкнула на попадания. Только прикрыла ручищей голову и оказалась рядом в два прыжка.

Было жутко больно. А как еще, когда почти звериные когти вспарывают бок, тянут на себя и швыряют внутрь проулка-тупичка? Вот так, никакого геройства и подвигов. Как же вышло, что я жив, здорово и даже цел? На то имелось целых четыре причины.

Рыжий Смитти подхватил вендиго. Да, злобного вечно голодного духа, вселяющегося в людей. К моменту, когда я напоролся на чудовище семи футов ростом и рвущее людей руками, Смитти уже был мертв. И вместо, пусть неприятного, боксера-тяжеловеса — меня атаковал неупокоенный мертвец. А стерший детектив Макнамара ошибся, приписав все убийства в Бронксе кому-то из немногочисленных оборотней Ночного города. И бросил все силы на них. Это причина первая.

Джон Доу, охотник за головами и мастер в убиении нечисти, гастролирующий по всем Штатам, быстро смекнул что к чему и приперся в Ночной город угробить тварь. В его пятизарядном карабине имелось пять пуль из мертвячьих пальцев, залитых серебром. Доу отыскал вендиго, пока детективы искали лохматых злых тварей, разбежавшихся по окрестностям, а мне, как патрульному, Макнамара был неуказ без одобрения Кэпа. Доу отыскал вендиго и из-за случайности погиб первым, успев заорать «мама». Это причина вторая.

Чертов Блэкстоун и его непонятный подарок, случившийся в

переходе между мирами, не дали мне умереть от болевого шока и не потерять сознания, когда шлепнулся прямо у карабина Доу. И все пять зарядов ушли в цель, отправив вендиго к чертовой матери, а Рыжего Смитти, после осмотра его нашими коронерами и экспертами — в топку при участке. Такая вот причина номер три. И, на самом деле, никаких подвигов, чистое везение.

Но как было больно…

— Эй, большевик краснопузый, утомился искать злодеев? Не поверишь, насколько сильно мне хотелось выдрать лист из записной книжки, скрутить и воткнуть тебе в ухо, чтобы поджечь. И посмеялись бы, и накопившаяся сера вытекла. А ты проснулся.

Ха-ха-ха как смешно.

— Иди к черту, лях поганый.

Межинский не оскорбился. Мы с ним частенько общались на одной волне. Не знаю, порадовался ли он моему приезду, но вышел встретить лично.

— Уважаемый Ворон, не желаете кофе?

Значит, я все же заснул, в черт пойми какой раз просмотрев свое незабываемое знакомство с фауной Ночного города. Да… такое не забудешь.

Я прикурил, нащупав сигарету с зажигалкой.

— Кроу, глупый ты чекист, ты убьешь сам себя, ты в курсе? — Межинский, не отходя от машины, все похахатывал.

— Пше очень неприятно.

— Не умеешь пользоваться самым красивым языком нашего мира, так не суйся. Пойдем, поговорим, ты же не просто так приехал?

Да, не просто так.

Я выбрался, глядя на него, как всегда в аккуратной тройке, с галстуком в тон жилету, с аккуратным пробором, офицерской выправкой, породистым лицом и ухоженными усиками. Усики, на мой взгляд, были чересчур блестящими, но кого волнует мое мнение?

Межинский приглашающе махнул, уступая дорогу. Абак уже скрылся за тяжелой дверью клуба и мне стоило поторопиться. Неизвестно, сколько я спал, но солнце подбиралось к зениту. Прав Ворон, стоило больше отдыхать.

— Информация? — уточнил, с места в карьер, Межинский.

— Да. Ритуальное убийство, тело нашли в Маленькой Италии, в подвале-холодильнике Тони Бритвы.

— Он расстроится, когда узнает.

Конечно, расстроится. К его делам мертвую красивую секретаршу не пришьешь, но осадок из-за ублюдков, загадивших

кровью его собственность, пока сам Тони за решеткой ждет суда… Я бы точно расстроился.

— Считаешь, я что-то знаю?

Я даже не смотрел на него, чтобы определить эдакую поганенькую фирменную ухмылку.

— Очень уверен в этом.

Межинский не ответил и приоткрыл дверь. Человек воспитания, что и говорить.

Межинский считал меня русским с первой встречи. Мы даже подрались, сильно разойдясь и расколотив угол пивной Мак-Брайана, где я искал наглого типа с Ночного Города, явственно занимавшегося обыденным рэкетом. Чернокнижник против странного ублюдка, сумевшего не погибнуть между мирами, схваченный демоном. Мы умылись, понаблюдали за ссадинами, проходящими на глазах и как-то зауважали друг друга.

Межинский сразу начал считать меня русским, по своему обычаю именуя «большевиком», «чекистом», «комиссаром» и прочими эпитетами. Я, кроме поганого ляха, ничего не мог придумать, а Межинский, обычно, криво хмыкал и не обижался.

В большем зале «Тихого леса» оказалось прямо пустынно. Зеленели красивые длиннолистные пальмы в кадках, темные стропила потолка и такие же колонны оплетал вьюнок, начищенный паркет блестел, скатерти резали глаз белизной, и над всем царством респектабельности мягко плыли звуки рояля.

Да, в углу, выключив звук, скучал какой-то тощий тип в очках и с самым настоящим орлиным профилем. Звук он выключил у напольной махины «Зенита», блестевшей красным лаком деревянных панелей и латунью уголков. Техническая революция пошла тут странным путем, одновременно совместив кое-где катающиеся паровозы и телевидение.

— Людно…

— Вечером появится народ, — хмыкнул Межинский, — официанты с ног собьются, а Эмилю совершенно не захочется что-то играть.

— Он, смотрю, в хорошем настроении, играет печальное?

Межинский странно кхекнул и показал на стол в дальнем углу.

— Присядь пока там, подойду.

Если приехал за информацией к уважаемому человеку — следуй его правилам. Тем более, дальний угол хорошо прятал все лишние звуки, кроме совсем небольшого и специально сделанного оконца в малый зал. Обычно там усаживались телохранители серьезных людей, собравшихся обсудить что-то за обедом, через него те присматривали за боссами. Как в таком

случае можно кого-то охранять — было для меня тайной, но такой, ненужной.

Усевшись и ожидая хозяина, я посматривал на экран «Зенита». Показывали новости, и в них вовсю демонстрировали Родину. Ну, как Родину? Немного незнакомую.

Выступал премьер-министр. Здесь, после закончившейся Великой войны, императорская семья оказалась самой настоящей ширмой и установилась демократия. С, само собой, партиями. К самой серьезной, «красной», Межинский меня и относил. К ней же относился и премьер, беззвучно и жестко вещавший с экрана.

Надо же, насколько порой бредово и реалистично мешается совершенно несмешиваемое. Премьер мало чем отличался от себя самого моей настоящей истории. Темные густые волосы с проседью, щетка усов, френч военного образца. Наверное, в каком-то кармане лежит трубка. Казалось бы — какое мое дело, это не мой дом, но становилось немного страшно за будущее. Кусок его уже был определен.

Эмиль, компаньон Межинского, чернокудрый австрийский еврей, бежал из страны из-за нацистов. Эти тут тоже имелись, к сожалению. И вот от такой параллели и становилось страшно.

— Сейчас принесут кофе. — хозяин сел за свой стул и уставился на меня.

— Ты слышал о той девочке?

Межинский кивнул.

— И сможешь помочь?

Опять кивок.

— И…

— Подожди. — Он принял у официанта кофейник, чтобы собственноручно налить мне еще одну проклятую чашку проклятого кофе. Хорошо, хоть здесь его варили просто прекрасно.

— Чего ждать?

— Ответной услуги.

Редкий случай, когда мне захотелось прописать ему тумаков. И дело вовсе не в сомнениях насчет собственных сил и результата. Просто…

У меня нет друзей. А этот хитрый поляк хотя бы подходит на роль собутыльника, собеседника и сопереживальщика. Хотя сопереживать моим терзаниям насчет тяжести службы Межинский не спешил. Видно, ему самому в свое немало досталось.

— Какой?

— Я еще не придумал. — признался проклятый лях. — Давай просто поговорим. Мне совершенно не хочется, чтобы наши

отношения превращались в какой-то тупой бизнес. Я тебе сливаю интересные вещи, зарабатывая хлипкие дивиденды на будущее, когда, возможно, мне потребуется твоя полицейская помощь. Давай поговорим.

— Твою… — я закурил, а «Лаки» оказавшись в уголке рта, начала потрескивать, плюя искорками.

— Не нервничай. — посоветовал Межинский. — Всему свое время. Тебе нужна информация о смерти той глупышки, оказавшейся не вовремя не в том месте. Я могу ее тебе дать, потерпи.

— Откуда тебе что-то известно? Про запас собирал?

Межинский ухмыльнулся. Как всегда — фирменно.

— Друг мой, я всегда коплю все про запас. Поверь мне, выходцу из несчастной Польши, это полезно всегда и всем. Даже самым отпетым большевикам вроде тебя. Я же знаю, что когда тебя прижмет, ты появишься тут и скажешь — Межинский, ты же шляхтич, ты должен помочь другу! Я отдам тебе последние злотые, веру в себя и почти жизнь, оставив лишь фамильную саблю.

— Скучно тебе?

— Очень. Вот, правда, веселье за стеной.

И он показал на оконце, что с той стороны выглядело зеркалом. Явно желал, чтобы я глянул и оценил. Я глянул.

Женщины. Самые обычные горожанки, правда, почему-то наполовину разбавленные настоящими сельскими жительницами. Это заметно сразу, даже если нацепить платье модного цвета «бордо», все равно поймешь. Прикрой широкие плечи боа, натяни перчатки, настоящее проступит, как не прячь.

Как говаривала Сейди, секретарь Кэпа, гранд-дама всего Участка и внучка своей мудрой бабушки, говорила, цитируя её, великолепнейшую миссис Раневски:

— Прежде чем пользоваться красным лаком, девочки, сперва ототрите пемзой свои пятки.

Именно, захотелось мысленно согласиться с источником мудростей для своей внучки, Кэпа с его женой и всего 13 участка. Именно, девочки, пусть и не пятки, но оттереть стоит. Или просто быть самими собой, не корча дам полусвета там, где не стоит.

— Это кто?

Межинский, перегнувшись через стол, конспиративно прошептал:

— Сплетни и поцелуи, мой друг комиссар, сплетни и поцелуи.

Надо же… «Сплетни и поцелуи», они же «Пинк-маг», самый популярный еженедельник города, недавно перешедший в формат

три раза в неделю и выдающий на-гора самые востребованные литературные шедевры окружавшей меня современности. Пухлый бульварный журнал, упакованный в обложку вырвиглазных оттенков лилового, украшенную томными красавицами в мужественных объятиях суровых и настоящих мужчин.

Проще говоря — любовные романы. И не просто любовные романы, а от домохозяек.

— Знаешь? — почему-то удивился Межинский.

Пришлось изобразить странную фигуру пальцами. Да, знаю. Почему? Пока не скажу, всему свое время.

— И кто тут кто?

— Смотрю, мсье знаток? Даже не подозревал.

— Я их не читаю. И «Мечи с карабинами» тоже не читаю.

«Мечи и карабины», полная противоположность «Сплетням и поцелуям», журнал для мужчин, гордо именующий сам себя «серо-стальным», под цвет обложки, а среди газетчиков пользующийся определением «голубой».

— Ну… — Межинский прищурился, явно вспоминая посетительниц. — У них тут собрание, вроде Ковена на Лысой горе. Заказали малый зал за неделю, самый популярные авторы, как всегда — раз в месяц собираются, перемывают кости, когда другим, когда друг другу, планируют — против кого дружить дальше и, конечно, обсуждают высокое.

— Литературу?

— Можно, и так сказать. В основном — межличностные отношения.

— А, мужиков, что ли?

— Ничего от тебя не утаишь, на то ты и детектив, большевик. Вон, видишь, Кейт Карриди, очень популярна.

— Вон та милая бабушка?

— Бабушка разве не женщина?

Мне даже стало стыдно.

— Элеонора Оссетин, эмигрантка с твоей красной родины. Обожает писать настоящее порно, потому скрывается под псевдонимом, считая, что так ее не привлекут, если что. А вон мисс, или миссис, Грин. Искренняя домохозяйка, верующая в светлую любовь в четвертом браке. И…

— Хватит. Посмеялись и хватит. Вон тот, в очках, в общем зале, ревнивый муж кого-то из дам, либо поклонник, ждущий автографа.

Межинский едва сдержал смех.

— Это Д. Черри, автор «Сплетен и поцелуев»… под псевдонимом, конечно.

Я кашлянул и решил не продолжать.

— Тебе нужен мальчишка-разносчик, продавец китайской лапши, само собой китаец, — вдруг сказал Межинский. — Его ищут, ищут умело, но те, кто хочет, все замечает. Найди его, так получишь ответ на вопрос по девчонке. Он видел кого-то и понял — что этот кто-то… либо эта, чересчур страшно для него.

— Ты уверен, что китаец?

— Да.

Черт…

Почему я чертыхаюсь? Потому что китаец, мальчишка и разносчик лапши в Ночном городе — ведут в одно место и к одной личности. К гребаному Мен-Хва. В Чайна-Таун.

Глава четвертая: Маленький Китай, старый убийца и пара разбитых носов

Вместо моего Ворона, за его столиком, меня ожидали три чашки с гущей на донцах и пустой кофейник. А еще, написанное пером и где-то найденным джемом прямо по белой скатерти, предупреждение — «Надо уехать».

Абак уехал, забрав машину и совершенно забив на мои потребности. Старые, что с них взять, какое им дело до моих мелких человеческих нужд, верно?

— Штопаный гон…

— Ай-ай, большевик, остановись! — Межинский похлопал меня по плечу. — Не стоит хулить Ворона, дороже выйдет. Вороны разбираются во многом, включая пространство.

— И время?

— Наверное, сам спроси у кого-то из их ребят.

Действительно, стоило подумать самому, это же просто — взять и распросить кого-то из Воронов про их отношения с временем и пространством. Чертовы пернатые ублюдки, включая кинувшего меня водителя.

Вопрос сейчас один — как выбраться в город? И…

— Дамы еще не в полном составе, — поделился Межинский, — я скажу швейцару, чтобы не отпускал такси.

— Спасибо. Я выйду на задний двор, меня там найдут, не забудут?

— Не переживай. Выпей кофе, взбодрись.

Сволочная польская рожа, пусть и правая в своем предложении. Меня опять клонило в сон, вторые сутки на ногах… Или третьи? Да какая разница, ведь кофе как нельзя кстати. Особенно сатанински-крепкая смоль, выдаваемая клятым ляхом за кофе. Крохотный наперсток мейссенского фарфора с хреновой и едва различимой пастушкой, гулявшей своих бяшек по лужайке. А в ней, тонкостенной, сожми сильнее и лопнет, чашечке — натуральный венский кофе.

Я приподнял шляпу, посылая благодарность Эмилю, бросившему мучить свой рояль рыдающими пассажами и сварившего мне этот энергетик. Втянул запах носом, понимая, что сейчас внутрь меня вольется живой огонь, отдающий солью, перцем, кардамоном, корицей и еще чем-то. И все это густое варево снова поставит меня на ноги.

— Как его романтические похождения?

Эмиль не любит обсуждать личную жизнь с кем-то, кроме Межинского, но любит интерес к своей персоне, обязательно распрашивая о себе, должном мелькать в разговоре.

— Применяет стратегический подход к какой-то очередной фемм-фаталь, роковой любительнице философии и авто.

— Серьезная смесь.

— Наверное… — Межинский усмехнулся. — Твоя, кстати, родственница по стране происхождения. Очередная эмигрантка, прибывшая, правда, через Японию. Эдакая дама полусвета, так сильно старающаяся казаться аристократкой, что сразу подозреваешь в ней обычную, пусть и высокого уровня, этуаль, обожавшую флотских офицеров Тихоокеанского флота Его Императорского Величества. Да еще и кокотка, обманывает Эмиля о своем возрасте, молодясь.

— Что выдает?

— Коллоквиализмы, мой друг чекист, то есть характерные выражения, име…

— Я знаю, пан поручик, что такое коллоквиализм. Сдается мне, в данном случае речь просто о сленге, характерном для времени и места. Эмиль уже понял, что она старше заявленных лет где, минимум, на…?

— Десять. — Межинский пригладил усики. — Но зато их имена звучат просто в унисон… Эмиль и Эмили. Он любит свой рояль, писать философские эссе, пить сухое красное, а она обожает авто, скорость и набивать себе цену. Удивительно подходящая парочка.

— Да и ладно, лишь бы ему было весело. Я пойду, подышу воздухом.

Дышать воздухом и курить — созданы друг для друга. Даже небо чуть посветлело, залив деревья солнцем. Красиво, черт, канадские клены и березы, алое, багряное и золотое. Кофе подействовал, на заднем дворе стоял бодрый «я», готовый к свершениям и подвигам. Чайнатаун? Куда деваться, если необходимо…

Маленький Китай место непростое, как и его население. С ними, одновременно, проще и сложнее. Причина простая: они не делят два мира вокруг себя, они живут в одном. И там же, вместе с торговыми лавками, заправками, лапшой и опиумными курильнями, живут отшельники-даосы, легко разговаривающие с демонами, сами демоны и даже чертов Сунь У Кун, царь обезьян и сволочная скотина, любящая повеселиться в человеческом мире. Нет, я его не видел, только слышал байки.

А меня ждала встреча с Мен Хва, а это, скажу честно,

настоящее испытание.

Мен Хва, живущий в Драконьем саду, самом сердце Маленького Китая, стар. Он помнит многое и многих, его память также велика как жадность, и также тяжела, как сотни фунтов дряблого жира, которым Мен Хва заплывает все больше.

Мен Хва не передвигается на своих двоих, ублюдка перевозит и переносит целый отряд желтокожих обломов, плохо владеющих языком, зато отлично знающих хреново кун-фу. Мен Хва просто самое олицетворение Маленького Китая, со всеми оттенками охры толстой кожи, сплошь усеянной гроздьями бородавок.

Ненавижу наведываться к Мен Хва. Только деваться некуда.

Движение между тонких берез я заметил не сразу. Но, увидев, даже не подумал потянуться за кем-то из моих стальных друзей, снаряженных для стрельбы. Во-первых, стрелять в настоящих хозяев этих мест чревато, некрасиво и бескультурно, и, во-вторых, покушаться на такую красоту — просто кощунственно. Иногда именно вторым они, проклятые белыми суки, и пользовались. Подходили к часовым, сторожившим лагеря первопоселенцев, к часовым, застывшим от изумления перед смуглой обнаженной красотой индейских ведьм, подходили и спокойно перерезали горла, пропуская дальше мужчин с острой сталью и костью.

Никогда не называйте краснокожую женщину «скво», только если хотите обидеть. Скво отдавались белым за табак, виски и дешевые ножи с одеялами. А передо мной, все же не обнаженная, стояла самая настоящая краснокожая колдунья. Шаманка, дитя Леса, то ли кажущаяся молодой, то ли ей являющаяся.

В городе их не было и никто не говорил о живших в Джерси. Но вот, протяни руку и коснешься темного лица, прямого носа и острых скул, струящихся волос цвета вороньего крыла и…

— Мне ничто не мешает выстрелить в женщину, — решил предупредить я, справившись с собой и уткнув «астру» прямо в её пупок. Ничем, к слову, не прикрытый и очень красивый, глубокий, ровный и… — Прекрати!

— Хорошо, чужак. — Она улыбнулась. — Я хочу поговорить.

— Вот и не дури голову собой. Что ты хочешь и как меня отыскала?

— Ворон подсказал.

Ворон? Абак?

— Другой Ворон, чужак.

Я известная персона, надо же, если она, явно не живущая в Ночном Городе, знает что-то о Кроу. Впору загордиться.

— Говори.

— Мертвое Солнце опасно для всех. Помни об этом, чужак. И когда станешь искать зверя, убивающего в городе, помни об этом.

Мертвое Солнце, мать твою…

Она уставилась мне в глаза, и пришлось стиснуть амулет, вшитый в карман пальто. Красная, белая, черная или желтая ведьма, какая разница? Они все опасны, не через одну, не только пользующую Тёмную сторону, все.

— Я предупредила. Будь осторожнее, чужак и ищи лучше. Смертей будет больше, зверь почуял кровь и не захочет останавливаться, даже если его хозяин будет против.

Вот это уже интересно. И…

— Эй, большевик, тебе нужно отдохнуть. — Межинский подошел и уставился на кленово-березовую рощу перед нами. — Я звал тебя уже три раза. С тобой все хорошо?

Я кивнул. А что мне оставалось?

Мертвое солнце, зверь, вкусивший крови и имеющий хозяина, смуглая ведьма, одетая в выделанную оленью кожу. Может, стоит показаться врачу?

Ладно, разберемся позже. Пора отправляться к Мен-Хва и хорошо, что не придется тащиться до железной дороги на Хобокен. Машина, все же куда лучше. Особенно, если…

— К тебе пожаловал кто-то из Вандербильтов?

Огромный «кадиллак», сверкающий хромом спиц, решетки и отделки, благородно фырчавший перед «Тихим лесом», казался настоящим крейсером.

— Нет, — Межинский уже в который раз усмехнулся, успев надоесть за утро этими своими ухмылками, — просто прибыла сама Элен Стар, ей положена не бричка, комиссар, а настоящая карета.

Вот оно как, сама Элен Стар, повелительница умов дев, девчонок, девушек, женщин и бабушек. Тогда понятно.

— Думаю, если еще не поздно, вложиться в этот бизнес. — поделился Межинский. — Что думаешь?

— Думаю, что твой основной ассортимент есть всегда востребованная классика и на жизнь тебе хватит. Пополнение не предвидится?

Межинский кивнул:

— Позвоню. Обещают интересные экземпляры, даже европейские.

Обожаю пушки из Старого Света.

— Буду ждать. Бывай, лях.

— До скорого, москаль.

Я хотел сесть впереди, но передумал. До чертиков захотелось проехаться сзади, ощутить — каково это, быть миллионером? Туда-то и сел, повернулся к водителю и…

Твою мать, как он сюда смог поместиться? Это же бегемот, не

человек.

Бегемот, явно по ошибке природы родившийся все же среди людей, слегка повернулся, поворачиваясь ко мне. Синяя униформа, натужно скрипя швами, выдержала, не треснув.

— Куда едем, шеф? — почти пискнул он. А я едва не рассмеялся от такого диссонанса.

— Чайна, дружище. Это такси?

— Дорогое такси. Не для всех, но тебя, шеф, довезу бесплатно. Мне по пути, а хозяин этого места постоянно подкидывает работенку. Радио включить?

Я не ответил. Меня снова выключило, а последней мыслью оказалась тревожная «что-то со мной не так».

— Приехали, шеф. — тонко пискнула громада, остановив машину. Я кивнул, благодаря, и выбрался наружу. Плохи твои дела, братец Кроу, и, учитывая задание шефа, станут еще хуже.

Суетливо-пестрый Чайнатаун встретил меня как обычно оживленно. Местные, порой напоминающие поведением воробьев, голосили, мельтешили и занимались кто чем до поздней ночи. Прямо как сейчас, несмотря на вернувшуюся чертову морось. Я поднял воротник пальто, в который раз пожалел о перчатках и, надвинув шляпу, шагнул в гомонящее человеческое море, запрудившее тротуары.

Торгаши, рабочие, продавцы и поставщики уличной еды, уборщики, поденщики для джерсийских ферм, прачки, горничные… Маленькие жители огромного Китая, перебираясь в Америку, не любили жить отдельно. Чайнатаун, начавшись с рабочих-кули, рос, распухал в стороны и уже дотягивался до Гарлема, порой нервируя черных. И доставлял все больше неприятностей как обычным копам, так и нам.

Патрульные, сидевшие в стареньком простеньком «форде» в начале улицы, проводили меня подозрительными взглядами. Парней сложно не понять, белые суются сюда ради сомнительных удовольствий, а уж их тут предостаточно. От лихо-яркого театра-цирка, куда частенько перлась всякая деревенщина, потом устраивая пьяные дебоши, до курилен, где посетителям выдавали длинную трубку с опием и шлюху, прижимавшую одуревшую голову курильщика к уже потасканной груди. В опиумные курильни местные «драконы» отправляли «ночных бабочек», считавшихся старыми или болевших всякой дрянью. Кому какое дело до сифилиса, подхваченного наркоманом в притонах Маленького Китая? То-то, что никому.

Девчонки помоложе на улице не стояли, смешливо выглядывая со вторых этажей небольших ярких домиков и каждая

махала мне, идущему снизу. Нет, милые, ищите себя другого клиента.

Чем дальше оставались полисмены, тем громче становилась улица. Мне, безошибочно определив копа, ничего не предлагали, но и голоса убавляли лишь чуть-чуть. Вокруг хватало приезжих из города, пару раз мелькнули даже небритые рожи макаронников, за каким-то чертом оказавшихся на территории китайских коллег. Деловые переговоры? Меня это не волновало. Я слушал саму улицу, хотя и не надеялся найти в гомоне хотя бы что-то полезное.

Чайнатаун, ведущий меня к своему сердцу, Драконьему саду, предлагал многое. От недавно запрещенных к прямой продаже «томмиганов» до уведенной с армейских складов взрывчатки. Ворованное золото, яшма и жемчуг, опиум и рисовая водка на змеях, волшебно-лечебные порошки из перетертого носорожьего рога, слоновьего бивня и даже моржового хрена. Нефрит, поделки из кости, лаковые веера с шкатулками, плетеные кресла, жареные огромные тараканы и настоящий переливчатый шёлк. Сложно представить — какую дань снимали с китайцев деловые люди мэрии, закрывающие глаза на творившееся непотребство.

Я остановился два раза.

Первый — когда мне предложили уединиться с девчонкой-подростком, больше смахивающей на куклу и быстро показанную из-под покрывала. Неприятно-нагревшийся под пальто ствол «астры» причинил продавцу несколько неприятностей. Минимум три сломанных зуба во рту, грубо войдя в него мушкой и ожидаемую покупку новых брюк. Я бы на его месте точно сменил, не пытаясь отстирать заднюю часть.

Второй…

Мое путешествие, начавшееся затемно, растянулось от рассвета, перевалив через утренние блинчики в ланч, промелькнувший во время путешествия, и упиралось почти в полдник, намекая, что все чревато очередным поздним ужином. Есть хотелось неимоверно.

А я… а я находился совсем рядом с Мо. А уж лапша с кусочками жареной свинины, плавающими в кисло-сладком соусе дядюшке Мо, знаете ли, настоящий деликатес. Особенно после треклятых блинчиков, превратившихся в воспоминания.

Мо, сморщенный сухонький и древний, как кое-какие останки мамонтов, собственно не китаец. Он малаец, переехавший в Америку, коротать все же подкатившую старость, с Голландской Явы. А еще этот хитроглазый и юркий тип, мелко смеющийся всей своей темно-обезьяньей мордочкой, не человек.

Мо — ракшас, давно уставший от вековечной жизни и

повесивший свой кривой нож-кукри, черный от тысяч убитых душ, на стену. И готовящий просто чертовски вкусную лапшу со свининой, популярную и в обычном и в Ночном городе. А откуда, как вы думаете, мне так явственно представилась коробка с ней?

Я почти взялся за ручку двери, ведущей к нему, когда услышал поистине странные слова. И даже изумился от их наглости.

— Где мои деньги, обезьяна?

— Я плачу Драконам, шеф.

Это правда, Мо и впрямь поддерживает какую-то из банд яростных узкоглазых ребят, перебравшихся сюда вместе с честными людьми.

— Мне наплевать на твои дела с ними, мартышка. Ты знаешь, кто я, чертов выродок. А я знаю твою маленькую тайну, после которой, донеси я ее шефу, вернусь за тобой с серебром и огнем. Понимаешь, старый орангутанг?

— Понимаю…

Знаете, что меня напрягло на самом деле? Сразу несколько вещей, но главной в ней оказалось гортанное порыкивание, едва уловимое в обычно спокойно-низком голосе Мо. Какая может быть у него тайна, если за молчание о ней требует денег кто-то из Ночного города. И не просто из города…

С серебром и огнем приходит только СиКей. Мы, 13 участок, являемся просто с серебром, вгоняя его каждым вторым патроном. Серебро хорошо остановит и человека, а для больших жителей Ночного города серебро смертельно. Так, что же делать?

Взбесившийся ракшас, резавший людей сколько себя помнит, это страшно. Да и Мо мне нравился. Хотелось верить, что его тайна не связана с его собственными кулинарными пристрастиями, если туда входили деликатесы из человечинки. А раз так, то…

Дверь я пнул, нисколько не смущаясь. Выбить ее не выйдет, сделана на совесть. Закурил, прищурившись от дымка, потянувшегося к глазам и только потом вернулся к честной компании. Так, кто у нас тут кроме, само собой, Мо?

Двое крепких ребят, одетых как портовые рабочие, казались незнакомыми. Интересные дела творятся на территории, подчиненной надзору 13 участка. Шляются неизвестные типы, занимаясь рэкетом в сторону уважаемых Старых…

— Это не твое дело, Кроу! — рыкнул ближний и явно глупый.

Почему глупый? Да не стоило меня называть, выдав себя с головой. Теперь-то он не казался мне незнакомцем, как и его товарищ.

Договор разрешал людям заводить особые банды наемников,

чаще всего охотившихся за Старыми, нарушившими все его положения и удравших от моих коллег. Дело опасное, но среди людей знающих всегда находились лихие головы, жадные до легких денег. Пан или пропал, это их устраивало. Иногда таких наемников даже пользовала всемогущая СиКей, привлекая к своим темным делишкам. И эти двое как раз из таких.

Решили рубануть денег, узнав что-то про Мо, ясное дело. И не донесли ни в 13-ый, ни своим нанимателям из СиКей. Понимают, потому уже нервничают и страстно желают запугать детектива Кроу, оказавшегося тут ни к месту.

— Шли бы вы отсюда, ребятки, — посоветовал им я, — и не возвращались. Совсем.

— А ты дерзкий лягавый, как посмотрю, — усиленно заводил себя тот, что поглупее и крепче. — Не опасаешься, мать твою вперехлест, что дорожки пересекутся.

Этот прекрасный день скрывал в себе много нового. Например, сейчас я узнал целых две вещи, возможно, когда-нибудь дождущихся своего часа. Первая — один из наемников явно служил на флоте, либо просто ходил матросом в торговом. А вторая… он еще глупее, чем показалось сперва. Как можно оскорблять чью-то мать и думать, что ничего за это не случится.

Не так давно я, обычный офисный бурундук Лёха Воронин, еще подумал бы — ввязываться в драку с таким вот бугаем, либо нет. Но сейчас, после Блэкстоуна и остального, мой внутренний грызун давно стал боевым, порой превращаясь в самого настоящего медоеда. Африканского чертового барсука-медоеда, лютого и дикого.

Знания кунг-фу Блэкстоун мне не дал. Взамен, совершенно непонятно и не запомнившись, довеском мне прилетели скорость, сила удара и какое-то чутье, подсказывающее — куда нужно бить здесь и сейчас. Или стрелять, к примеру.

Нос напарника морячка хрустнул совершенно не музыкально, свернувшись набок. Детина отлетел к стойке, где маячила лысая голова Мо. А я занялся его глуповатым товарищем.

Тот, наверное, занимался боксом и даже засадил мне пару прямых. Первый прошел рядом с ухом, второй зацепил плечо. Его нос скорее чавкнул, для разнообразия вывернувшись в другую, в отличие от товарища, сторону. Ногой в пах, локтем промеж лопаток, коленом в бедро, в сустав.

Морячок загрохотал на пол, а я что-то разозлился, не останавливаясь. Наверное, и это же нормально, просто соскучился по маме, чересчур давно не видел из-за всего этого. А он…

Я остановился от мысли о втором. Почему он ничего не

делает? И глянул в сторону Мо, сразу все поняв. Ракшас все же прорвался, пусть и не полностью.

Мо, неожиданно нависая над стойкой, отрастил горб и свои руки, ставшие почти черными, разодрав кожу шипастой шкурой, прятавшейся под ней. Свой кукри Мо все же никуда не вешал, ни на какую стену. Кривой и черный, он уже летал вверх-вниз, пока разрезая одежду и кожу ублюдка.

— Мо, успокойся!

Ракшас, покосившись на меня вроде бы не изменившимся лицом, рыкнул. Но нож убрал.

— Мо, поставь его на место.

Ноги наемника болтались почти на фут над полом. Мо подтянул того к себе и страстно обнюхал, ворча через все же вылезающие клыки. Черт…

Кольт сухо щелкнул предохранителем.

— Мо!

Мо вздохнул и выпустил человека, уже явно назначенного себе на обед.

— Забирай засранца и валите из города. — выдохнул я, опустив ствол. — Быстро!

Они убрались. Как и ракшас, ведь, едва поднимаясь над стойкой, на меня смотрел Мо, как всегда спокойный. Вот как им, Старым, это удается?!

— Про какую твою тайну они говорили?

Мо почесал переносицу и свистнул. На плечо, блеснув красно-синими перьями, сел огромный попугай. И уставился на меня совершенно умными глазами.

— Давно-давно я убил целое судно голландцев. Этого, умирающего, пожалел. — Мо погладил попугая. — Поместил душу в птицу, тогда умел… иногда. Судно шло с золотом, Кроу. До него тяжело добраться, но если кто-то узнает, то…

— Мо! — рявкнул я. — Ты старый глупый пень. Каждый второй ваш знает о чем-то, но никто его не сдает в СиКей. Ты убил голландцев до Договора?

— Да.

— Если кто-то еще придет к тебе, чтобы вымогать, позвони в участок и попроси меня. Тебя просто развели, как ребенка. Никто не станет охотиться на тебя из-за этого. А… А ему разве хорошо жить попугаем?

Мо усмехнулся.

— Он живет со мной четыреста лет. Видит, как меняется мир и совершенно не хочет умирать. Считает, что попадет в Ад, ведь то золото оплачено чужой кровью.

Да уж… Ладно. Я достал новую «Лаки» и закурил. Открыл

рот, желая уже своей лапши со свининой, когда Мо выставил тарелку с настоящими сычуаньскими пельменями. Маленькими аппетитными поджаристыми крохами, обложенными золотистым жареным луком и политыми совершенно безумно пахнущим соусом.

Ну, как быть? Я посмотрел на часы. Нормально, времени еще навалом, а отосплюсь утром. Мен Хва никуда не денется, рабочий день у него бесконечный. А есть хотелось просто дико.

Глава пятая: обнаженные красотки, поганая жирная жаба и неожиданная дырка

Почему мне всегда трудно идти к Мен Хва? Он просто мерзок, вот и все. Но надо.

Представьте любую проблему, возникшую у вас, большой мерзкой лягушкой. Ощутите ее холодную липкую кожу в руках, подрагивающий зоб и глаза навыкате. Представьте, закройте глаза и сожрите, решая чертову сложную хрень. Полегчало? Молодчины.

Психологические тренинги никогда не входили в список моих любимых хобби. Там, дома, избегал как мог, а здесь они пока еще не вошли в моду. Коллеги решали проблемы самым доступным способом: походом в бар Вилли, накидывались там, как дикие свиньи и шли бить морды любой Старой шелупони.

Главной психологической проблемой в случае Мен Хва было отсутствие возможности представить себе лягушку и слопать ее, когда проблема решится. Почему? Все просто.

Мен Хва, старый, мудрый и мерзкий, был, натурально, демоном-жабой. Тем самым, притягивающим благосостояние в виде золотых монет. Вернее, если уж исходить из окружающих реалий, в шуршащих мертвых президентах. Какая разница, если разбираться?

Драконий сад прятался в квартале, по всем городским документам проходившем как «фабричный комплекс по переработке». Что перерабатывали, учитывая вес больших бумажных конвертов, заносимых чиновникам, никто и не спрашивал. Сад имел выход к реке, превращаясь в самую настоящую крепость с возможностью отхода. Никогда бы не поверил в подобное, пока сам в первый раз не увидел.

Я подошел туда уже почти в сумерках. До окончания суток, когда меня завернули с участка на место убийства, не дав заслуженно проспать хотя бы ночь, осталось всего ничего. И чертов день растянулся до однообразия: серый, промозглый, с вездесущей моросью, лезущей за пальто.

Абак не появился. Совершенно не сомневаюсь, что Ворон вполне знает — где меня искать, но появляться ему точно не хотелось. К повороту на вход в Сад дошел по плохо уложенной брусчатке, еще встречающейся в этом районе. «Пять углов», Бауэри, остальное… История города, трущая своими

несгибаемыми камнями мои ботинки.

Меня ждали прямо на повороте. Трое, аккуратные и чистенькие, светлеющие свежими сорочками и смотрящие на подходящего детектива Кроу как на… В общем, как «на…».

— Кроу!

Если бы ожидающие оказались макаронниками, хотевшими информации о вторжении в холодильник Тони Бритвы, или бутлегеры, пойманные две недели назад с двумя грузовичками бурбона, я бы не подумал переживать. С теми порой проще не разговаривать, сразу начиная стрелять. Вот только красавчики были из СиКей, давно примелькавшись своими наглыми рожами в участке.

А еще мне очень не нравилась темнота в переулке напротив. Густая и чересчур черная темнота.

— Мистер Смит?

— Приятно, когда тебя узнают.

Я не ответил. Зачем?

— Ты поедешь с нами, Кроу.

Ага, спешу, бегу и падаю…

— Ни хрена. Сам с собой езжай куда хочешь. Можешь сгонять в Центральный парк, там вечером красиво.

Мистер Смит, как водится у СиКей, немедленно выдавил дежурно-покровительственно-угрожающую улыбку. Эти парни очень любят сверкать зубами, скалясь по поводу и без, обожая ощущать себя крутыми. Ни хрена не сегодня, ублюдки, настроения зубоскалить в вашей говенной компании у меня отсутствует.

— Я сказал, Кроу — садись в машину.

«Лаки» хорошо помогают в таких ситуациях. Отвлекают, одновременно прочищая мозги и дают немного времени. Сигарета чуть стрельнула, разгораясь, дым пах испорченным вечером и неминуемым мордобоем. Возможно, даже выбитыми зубами.

— Я на службе, Смит, можешь направить запрос кэпу, можешь приехать в участок сам. Завтра, сегодня мой босс уже дома, занимаясь горячим рагу, цыпленком и пирогом.

— Ты избил наших людей, Кроу!

Да вы что? Неудобно как получилось.

— Каких людей, Смит? За последние… несколько суток вы первые из СиКей, кого я встретил.

— Что-то он мне надоел. — наконец-то решил вмешаться один из молчавших. — Заберем так.

И опустил руку в карман.

СиКей пользуются жезлами Гипноса, сильными артефактами,

выстреливающими сгустком непонятной энергии, едва заметно переливающейся голубом. Человек, Старый или существа, находящиеся посередке, вырубаются мгновенно. Говорят, последствия плохие, можешь несколько дней ходить под себя, гугукать и пускать пузыри изо рта с носом. Меня подобные перспективы никак не прельщали.

— Час назад ты избил двух наемников, работающих на…

Смит заткнулся. Еще бы тут не замолчать, когда на тебя, совершенно не смущаясь своей обнаженности, смотрит хромированная красотка «Астра», моя любимая девятимиллиметровая «Звездочка». Да, ребятки, не стоит прятать свои потные и, вполне возможно волосатые, ладошки в карманы.

— Смит, не стоило следить за мной. 13-ый никогда не отказывает вам в помощи. И уж совсем глупо было подсылать тех ублюдков к Мо, даже если вы знаете о моей слабости к старикам.

— Он демон, Кроу. — официально-холодно сообщил Смит. — А сейчас ты наставил свою пушку на офицеров СиКей. Это…

— Смит, нас трое, — поделился мудростью третий. — Он не станет стрелять, верно, Кроу?

Что им от меня нужно, вот в чем вопрос. Я ничего не нарушил и не собирался. Брать детектива вот так… что-то здесь не сходится. Да еще чертова темнота в переулке…

В переулке заворчал мотор. Фары, уже нужные в сумерках, вспыхнули, ударив прямо по глазам ребят из СиКей. Они зажмурились, прикрываясь руками, а там, в темноте, открылась дверка.

— Ты очень долго, Кроу. — каркнул Абак. — Я уже устал тебя ждать, фраерок. О… офицеры.

Подойдя ближе Ворон приподнял водительскую фуражку, висевшую где-то на боку. И нахлобучил ее назад, развернув козырьком на затылок. Прекрасное зрелище, что и говорить.

— Еще встретимся, Кроу, — фыркнул Смит и решительно полез в машину.

— Спасибо.

— За что? — удивился Абак. — Что-то случилось, пока я дремал? Ты хвастался им своей пушкой? Ну, убери, они уезжают. Вечно вы, люди, меряетесь длиной чего-то, глупо и смешно.

Он похлопал меня по плечу крылом и отправился назад. Вот и пойми — что это вообще было? Остается только писать рапорт кэпу, предупреждая ненужные вопросы.

Что такое Драконий сад? О, нет ничего проще и сложнее для объяснения. Только представьте: огромный город, национальный квартал, разномастно застроенный, вечно гомонящий и не

спящий. И в нем, за высокой стеной из камня, за второй из каких-то национальных деревьев, выращиваемых лет сто, прячется парк-лабиринт, утыканный кумирнями, статуями драконов со львами, кукольными беседками с крышами-пагодами, прудами с неизменными проклятыми зеркальными карпами и ручьем, горбящимся несколькими мостками через него. Представили? Это было самое простое. Сложное — дальше.

Если оказываешься здесь, главное — не удивляться. Ничему, включая потрясающие цветы-лотосы в прудах или взяткам, получаемым людьми в мэрии, разрешающим всей этой красоте занимать столько нужного места. Нигде больше, ни в Гарлеме, ни в Бронксе, ни даже в Квинсе, окружавшем Маленький Китай, нет ничего подобного. Не считая Центрального Парка. Но тот-то для всех, а тут только для своих. И все молчат, не лезут и разрешают. Воттак вот все не просто.

— Запомните, джентльмены… — каждый раз не выдерживал и шептал под нос, приходя сюда, — эту страну погубит коррупция.

Меня пропустили через незаметную калитку, как всегда заставив чуть подождать и выдав провожатого, китаёзу в одном из их вечных черных костюмов. Мен Хва не ссорится с властью города, даже с такой мелкой сошкой, как простой детектив. Китайская политкорректность и чинопочитание, олицетворенные в старом демоне. Поразительно…

Бумажные фонари и большие бронзовые жаровни светили не очень ярко, но не споткнешься, особенно на таких ухоженных дорожках. Светлый речной песок шуршал под ногами, а мы шли знакомым путем, в самую глубину Драконьего сада. Мен Хва не сидит в одном из красивых зданий из лакированного дерева, торчащих тут-там. Старая жаба прячется в огромной пещере, а вход в нее начинается сразу за каким-то из сотен кустов, растущих тут повсюду.

И еще у него всегда влажно и душно. Мен Хва не любит холода, потому забрался поглубже под землю, наслаждаясь своими тропиками.

— О-о-о, Кроу, мой друг, — забулькала желтая жаба, стоило мне показаться под аркой, ведущей к нему, — как же я рад видеть тебя, почтенный страж, проходи, присаживайся, сейчас я выйду к тебе.

Иногда мне кажется, что Мен Хва все же сорвется, показывая свою ненависть и презрение к людишкам. Ко всем, наверное, кроме своих земляков. Да, чоу, китайской части Ночного Города сильно везло: узкоглазые не делали разницы между людьми и нелюдьми, деля их только по качествам.

Огромная желтая жаба приносит успех с удачей, по большей степени являющимся расчетами, производимыми с огромной скоростью и умением анализировать крохи информации? Желтая жаба на самом деле потустороннее существо и рядом с ним иногда пропадают люди, оставляя лишь кровь или непереваренно-отрыгнутые косточки? Поверьте, чоу всегда сумеют разложить это по полочкам, совместить пользу с убытками и рассчитать прибыль. Доход больше убытка? Отлично, ведь в Китае, даже Маленьком, всегда найдется пара-другая ненужных молоденьких девчонок, не говоря о карапузах. Добрый Желтый Старик будет доволен и благость Небесного Императора продолжит изливаться на его слуг.

— Не смущайся, мой друг, не смущайся…

Да, такие мысли частенько посещали меня из-за выходок Мен Хва. Он мог попросить присесть на кушетку, крича откуда-то, а потом оказывалось, что кушетка стоит прямо напротив огромной выгребной ямы, где Жаба справляет надобности. Или пару раз меня сопровождали в опочивальню Желтого Старика, где гнида, несмотря на размеры и преклонный возраст, изволил отдыхать после излишеств. Хорошо, что излишества не оказывались гастрономическими, с уклоном в людоедство. Мен Хва знал, когда не стоит переходить черту. И балансировал на ней, стараясь причинять всяким мерзким людишкам, вроде меня, максимум неудобств. Паскуда.

— Может быть, присоединишься и мне не придется выбираться?

— Спасибо. Я подожду в кабинете. — Присоединяться? — Ты долго?

— Там… Там уборка, мой друг Кроу, большая уборка. Садись в кресло, вон оно, у столика.

Поганая сволочь явно наслаждался, понимая, что я никак не окажусь в его огромном бассейне с теплой водой, плавающими кувшинками, тиной и даже растущими камышами. И что я не смогу подвинуть кресло, огромную деревянную конструкцию, весящую очень много стоунов. И буду смотреть на него, не сидеть же мне отвернувшись, верно?

Брекекекс… именно так щелкало в моей голове каждый раз, когда я его видел. Смешно и глупо, но полностью передавая все чувства, вызываемые внутри меня Мен Хва.

Иногда мне кажется, что Мен Хва есть и в нашем мире. И, не иначе как, с ним знаком режиссер далекой-далекой галактики, потрясенный и создавший, как монумент памяти, своих хаттов. Разве что у Мен Хва есть ноги, слоновьи ножищи-тумбы, удерживающие весь его огромный вес на расстоянии в пару

десятков футов, больше он не проходит.

Желтый бородавчатый бегемот, облепленный почти десятком молоденьких голых девок-чоу, выбирался наружу, скользя по ступеням и вцепившись в мускулистые руки четырех охранников, тянувших тушу наружу. Складки тряслись, влажно чавкали, выпуская оставшуюся воду, свет красноватых ламп прыгал по наростам, рассыпавшимся по нему от самой шеи.

— Уф… мой друг Кроу, видишь, как я стар, болен и слаб? — рокотало чудовище, выбравшись и сев на подставленную скамейку. — Сейчас, мне лишь вытрут ноги.

Я не выдержал и отвернулся, увидев, как его девки принялись протирать господина. Они протрут жабенцию, закутают в почти сотню футов с лишним императорского красного шелка, украшенного золотым шитьем и потом…

— Здравствуй, друг Кроу, уф… — благостно протянул он, неожиданно быстро оказавшись рядом. — Чаю?

Откажешься — демон оскорбится и точно ничего ничего не скажет. Согласишься — опять получишь порцию странной жидкости, напоминавшей чай только цветом и неизвестно, расскажет ли Мен Хва хотя бы что-то…

— Да, мой друг, спасибо за гостеприимство.

— Очень рад видеть тебя, Кроу. Как твои дела, все ли спокойно в нашем прекрасном участке, отвечающем за мир, добрые деловые отношения и жизни граждан этого прекрасного города?

Лживая ты гнида, Мен Хва, старый врущий мешок давно сгнившей икры. Мир, добро, бизнес, какие чудесные слова… Такие же фальшивые, как чудеса фокусников на китайских ярмарках. Здесь, в Америке, чоу приватизировали древний заработок индусов — развлекать скучающих гуляк змеей и дудкой. Змеи глухие, все знают… вернее, не все. Но дудка продолжает и продолжает свиристеть, а змея покачивается. Все верят и кидают звонкие центы мальчишке, собирающему плату. Так и тут.

Договор не ограничивал деловые интересы Старых. И они, живущие куда дольше нас, давно нашли лазейку в мир людей, занимаясь темными делишками и торговлей всяким дерьмом. Контрабанда, бутлегерство, торговля запрещенными видами вооружений, азартные игры, проститутки и публичные дома… разломай любой из столпов криминального мира и увидишь уши Старых.

— Сегодня встретил в Чайне макаронников. Видно, вы все же решили договориться о мире?

Мен Хва заклокотал подкипающим чайником. Смотрелось

мерзко и смешно, учитывая все его подбородки, потрясывающиеся в праведном гневе. Алый шелк с драконами и карпами перекатывался волнами под напором всех его добротно-наеденных сотен фунтов.

— Проклятые дети собак! Вонючие островные овцетрахи! Помет своих проклятых шлюх-матерей! В моем городе, в моем… — Мен Хва надувался, явно готовясь лопнуть от злости. — Бледного Зайца, Красную Чешую и Топора ко мне, живо!

Ох, как разошелся наш головастик-переросток, надо же! И, как не прискорбно, снова пришлось убедиться в человеческой, и не только, лживой натуре, а также в обманчивости самых обычных стереотипов.

Не стоит думать, что если чоу зовется Красной Чешуей, то он склизкий и мерзкий тип. Нет, конечно, в случае с вызванным молодчиком, отвечавшим за боевое крыло чоу, эти качества есть на все сто. Но прозвище отражает другое. Красной чешуя становится только из-за повреждений, и вовсе необязательно из-за рыболовного крючка. Красной становится чешуя карпа, когда тот старается перелететь через водопад наверх. Ведь когда самая обычная рыба сделает это, то она станет драконом.

Заяц, живущий на Луне, хранит всю мудрость этого мира и советует великим героям, включая полубезумного Обезьяньего царя, как лучше поступить в любых ситуациях. И тощий длинный китаец в очках, что скоро появится тут, лучший стратег и тактик китайской мафии, что не зарождалась, а просто ждала своего главного выхода.

Ну, а Топор… Топор он и есть топор. Острый стальной предмет, нужный для самых примитивных действий. Тем более, что главный Топор Чайны вовсе даже тупой дуболом. И не больше.

А лживая нечеловеческая натура гостеприимного хозяина Драконьего сада, оскорбленного в лучших чувствах проклятыми овцетрахальными псами, явила себя лучше некуда. Старость не радость, даже если ты демон. Мен Хва, Мен Хва, неудели ты думаешь, что мне неизвестно о твоих шашнях с Мамой Джиа? Мамой Джиа, серым кардиналом сицилийских серьезных ребят?

Как-то раз, в баре у участка, случайно услышал треп патрульных. Парни спорили, доказывая, что итальяшки не имеют никакого отношения к Ночному Городу. Ведь они, не через одного, а поголовно — упертые и упоротые католики. Откуда среди них взяться тем, кого считают нечистью, либо как они могут связаться с ними?

Жаль, не мог помочь проспорившему Бобу, рассказав о Маме Джиа, помнившей, если верить архиву, одного невысокого

корсиканца, захватившего почти всю Европу? О Маме Джиа, у которой по струнке ходил даже сам старый-добрый Вито сов семи своими капо-ди-каппи? О Маме Джиа, входившей в Ковен и сидевшей в Совете Ночного Города? И владевшей, на паях с Мен Хва, третью всей недвижимости Манхэттена? То-то…

Но пора было переходить к делу, пить вторую чашку пойла отдающего лежалым сеном, мне совершенно не хотелось. В отличие от желания все же добраться до собственной квартирки и завалиться спать.

— Мой друг…

Мен Хва, заливавшийся соловьем, ожиревшим и потерявшим голос, тут же успокоился и масляно взглянул на меня своими выпуклыми буркалами.

— Я ищу мальчишку, продававшего лапшу… очень храбро продававшего лапшу в Литтл-Итали, у макаронников. Несколько дней назад он мог видеть убийство красивой молодой девушки и мне очень хотелось поговорить с ним. Ты, друг, знаешь и видишь все, творящееся здесь, в твоем Маленьком Китае. Помоги мне, и не останешься внакладе.

Мен Хва моргнул, правым глазом. Потом левым, затем быстро облизал дряблые губищи нечистым жабьим языком. И стало ясно — помощи тут ждать не придется. И, мало того, спать мне не придется тоже. Ведь мальчишка, судя по почти незаметному волнующемуся подрагиванию обрюзгшей гигантской жабы, не здесь. И даже если не искали, а такое вряд ли, то теперь станут искать вдвойне сильнее.

— В первый раз слышу… — Мен Хва совершенно по-человечески вздохнул и взглянул на меня как отец, жалеющий сына, сгоравшего на плохой работе. — Если узнаю, то сразу отправлю к тебе одного из наших людей.

— Спасибо. — совершенно серьезно сказал я, понимая, что больше всего мне хочется сделать ему какую-то дрянь. — Всегда верил в то, что именно такая мудрая личность, как ты друг, вполне понимает и разделяет — когда нужно помогать простым легавым, а когда молчать. Спасибо за чай, он был прекрасен. Я пойду, мой чудесный друг.

И я ушел, злой, но прекрасно понимающий — что ждет меня впереди в эту ночь. Чайнатаун, распросы, поиски и дрянной кофе под самый рассвет. Хорошо хоть здесь можно купить сигареты в любое время.

Меня проводил практически до самого выхода. Паренек в черном растворился, указав мне на калитку, а я закурил.

Моросило, с реки тянуло холодом, а ночь обещала быть

длинной и стылой. Ночь даже молчала, не откликаясь со стороны улицы своим вечным шумом. Темнота, почему-то не горящие фонари…

И моя тлеющая «Лаки».

Крик, на карканье, а именно крик ворона, прилетел сбоку. Чуть раньше, чем вспышка и грохот выстрела, возникшие в той стороне среди кустов. Тут же ударило выстрелами сзади и еще с какой-то стороны. Каркалка, спасшая мне жизнь, спасибо.

«Астра» оказалась в руке тут же. Двадцать патронов длинного магазина — это вам не шутки, это серьезно. Как и переключатель автоматического огня. Я вломился в кусты, стараясь скрыться хотя бы от одного из стрелявших. Вести огонь из засады по копу 13 участка прямо в Драконьему саду… небывалое по своей наглости дело. И вряд ли это ребятки Мен Хва, они же не идиоты, хотя от этого не лучше.

Я знал одно укромное местечко в заборе, где росло невысокое коренастое деревце. С него можно попасть на каменный гребень, ведущий наружу и спрыгнуть вниз, стараясь не поломать ног.

Пули раскидали щепу над головой, сбив несколько веток. Ребята охотились на меня серьезно, стоило поторопиться. Пригнувшись, почти добрался до нужного места, когда обожгло бок, тут же сменившись болью, проткнувшей во все стороны. Черт…

У меня получилось подняться и влезть на стену. Вниз упал как мешок цемента, приложившись плечом и понимая — надо уходить. А где…

На гребне возникла первая фигура, обычная человеческая, пусть и без шляпы на голове. Но тут вдруг вокруг сгустилась темнота и затянула меня в себя.

Хреновый вышел денёк. Правда, может он был и отличным… Чтобы помереть.

Глава шестая: черное с лиловым, шоколадно-черное, ментол и запах женщины

— Ты мне все кровью запачкал, Кроу! — каркнул Абак откуда-то из темноты. — Сядь!

Легко ему говорить, не у него же дырка в боку.

— Кроу! Не засыпай! Сядь, дурак! — продолжал скрипеть Ворон, а вместе с его ворчаньем жизнь вокруг приобретала звучание и все такое. Жизнь ревела движком, поскрипывала на поворотах и пахла соленой медью. А… она просто воняла моей кровью, верно.

— Сел?

Я сел, оказавшись на заднем сиденье такси.

— Куда?

Вопрос явно имел под собой место назначения адской гонки, устроенной Вороном.

— В участок! — каркнул Абак и повернулся ко мне, злобно блеснув глазом. — Ты же умрешь, если я не успею! Прижми к дырке и держи!

Прижать? На сиденье, темно-красная от крови и рыжая от масла, лежала обычная тряпка. Такими вытирают руки после копания в движке. Чертов Старый, засунувший мне её…

— Кроу! Кроу! — продолжал каркать Абак, а я почему-то очень плохо его слышал.

На очередном повороте меня ударило о стекло и я стек по сиденью.

— А, Морн тебя раздери, фраер!

Морн — первый Ворон, служивший каким-то давно забытым Богам. Фраер — это я, по-моему умирающий от кровопотери. Если, конечно, Старый не успеет попасть в участок.

А Абак странный Ворон, сдалось ему помогать мне, целых два раза за день, так? Старые, несмотря на Договор, никогда не спешат на выручку людям там, где можно подождать. По их, Старых, мнению. Умирает какой-то коп с 13? Да и пусть себе дохнет, в Договоре же не прописана обязательная помощь, помрет, так помрет. Абак несся, заставляя машину выкладывать все ее возможности по полной. Странно…

— Кроу, посмотри на меня!

Я посмотрел. Прямо перед глазами, странно медленно, плыло небольшое черное перышко. Вот оно добралось до моего носа,

коснулось, прилипло, почему-то хотелось чихнуть, но не выходило. Носоглотке стало очень щекотно, от нее разлилось тепло и боль немного отступила. Или страх? Помирать, знаете ли, как-то ужасно. Хотя мне стало почти все равно.

Абак точно пер в наш лазарет, кусок подвального помещения в здании Участка. Почему у нас имеется собственная больница? Ну, как еще…

Привези в обычный госпиталь патрульного, схватившегося с кем-то из клиентов и больше смахивающего на жертву лесопилки и?.. Лесопилка не станет драть всего человека, почикает куда дотянется и выплюнет остатки. Ненужные вопросы и обязательная, стопроцентная, гибель.

Доставь в окружную клинику детектива, выслеживающего пушера из, например, остатков диких альвов, напоровшегося на сиреневую паутину. Детектива, густо оплетенного лиловой липкой дрянью с ног до головы и?.. Смерть наступит за те пару часов, когда врачи станут пытаться срезать в него эту хрень, вместо того, чтобы сжечь и успеть спасти самого детектива. И… верно, ненужные вопросы и обязательная гибель.

Вот у нас и есть своя небольшая бригада коновалов, при чем не обязательно людей. Спасатели и спасители, вытаскивающие из Преисподней наши души. Или, все же из Чистилища? Вот и я не уверен, откуда.

— Везу Кроу! Плох, умирает!

О, Ворон совершенно распоясался в своей помощи кожаному мешку с требухой, называемому человеком. Разговаривает с диспетчером, вызывая бригаду к подземному въезду.

Тут, в мире Ночного Города, техническая революция, да и не только, шагнула вперед. Где серьезно, где только-только опережая мое время «дома». Мобильные радиопереговорники американцы, вроде, использовали на Второй мировой, всякие там огромные уоки-токи. Тут, не иначе как с помощью дворфов, радио появилось раньше и, пусть не везде, его пользовали экстренные службы. Такси ни хрена не такое учреждение, но это наше, 13 участка, такси, станция положена. И Абак сейчас каркнул еще что-то в самую обычную телефонную трубку, проводом уходящую в панель, откуда устройство подключалось к антенне.

Какой он молодец, это Старый.

— Катите его, катите!

А это уже Стеллан, усатый старый морж, старший врач лазарета, он же патологоанатом и коронер, полукровка, как Майки. Талантливый хрен с золотыми руками, на мое счастье оказавшийся на дежурстве, надо же… да мне прёт, как

утопленнику. Может быть, даже выживу.

— Кроу, смотри на меня, говори со мной!

— Док, вы похожи на тюленя.

— Что ты ему дал?! — рявкнул Стеллан, глядя на чернеющего вверху Абака. — Что это?

— Не повредит, — каркнул Абак и достал откуда-то синие очки, нацепив на клюв и пропал, явно остановившись.

— Наркозу не повредит! — донеслось его ворчанье сзади.

Лампа, еще лампа, белый потолок, трубы отопления, накрахмаленный колпачок на кудряшках сестры как-то её-там, седые вислые усы Стеллана, лампа, снова лампа… ох… я что-то совсем устал, пора…

Шлёп!

Я ошалело потряс головой, глядя на Стеллана, явно залепившего мне оплеуху. Тот подмигнул:

— Не смей спать, Кроу! Ты нам еще нужен. Тебе повезло, Кроу, ты знаешь? Нет, ты еще не знаешь, как тебе повезло. Только теперь тебе придется месяца три не попадаться на мушку к серьезным ребятам или встревать в заранее проигрышные поединки, иначе я тебя не спасу. А сегодня пасу, сегодня удача на твоей стороне, сукин сын, сегодня тебе фулл, сегодня тебе прямо благословение Господне, если тебя не смущает, что оно вовсе даже не от него… Сестра, физраствор и зафиксировать его ремнями, чтобы не покалечился.

Кто не покалечился?

Меня подкинуло и бросило куда-то, наверное, на операционный стол. Свет ударил с двух сторон, заставляя жмуриться, боль вернулась, слабость накатывала мягкой удушающей волной.

— Кроу, мне нужно твое согласие.

— На что?

Стеллан возник вверху, самолично затягивая какой-то ремень поперек груди.

— На использование артефактов, Кроу. На мертвую и живую воду. Иначе ты умрешь, я не умею спасать людей, потерявших столько крови и с наполовину разорванной печенью. Если бы не твой дружок Ворон, ты бы помер на мокрой улице, Кроу. Но он успел.

— Я согласен.

Стеллан довольно кивнул и, на миг, почудился странный блеск в глазах. Странный красноватый блеск. Он же полукров…

Слабость крикнула, треснула пополам и сбежала от обжигающей багровой волны, вдруг окатившей со всех сторон. Не знаю, как там печень, но больно стало так сильно, что я не

выдержал. И отключился.

— Кроу, Кроу… — проворковала жизнь голосом Сейди и накрыла меня с головой.

Я не спешил открывать глаза, втягивая в себя эту самую жизнь. Стерильность лазарета, собственный пот и засохшую кровь, густой запах крепкого табака и едва уловимый аромат жасмина. Два последних запаха не имели ко мне никакого отношения. Они имели полное отношение к Сейди, секретарю шефа, сидевшей рядом на стуле.

— Кроу, Кроу… — повторила она, явно пуская кольца дыма. — Влетит тебе от кэпа, и по делом, дурья голова. Был бы ты с напарником, было бы иначе… Наверное. Теперь тебе не отвертеться, придется работать с кем-то, наш гордый волк-одиночка.

Ох, Сейди-Сейди, как же ты права, чертовка.

Сейди — наш штатный ангел, э-э-э, наблюдатель всего 13 участка. Порой, не кривя душой, ее можно назвать и ангелом-хранителем. Она всегда сидит за своим столом у кабинета шефа, перехватывая звонки, не дотянувшиеся до занятых операторов. Её уголок частенько стучит пулеметной дробью, когда Сейди неуловимо быстро стрекочет по клавишам письменной машинки «Ремингтон», строча приказы, отписки в мэрию или Ковен, СиКей или Портовое управление, штрафы, всегда вывешиваемые в коридоре детективного отдела. Да, парней-патрульных шеф не штрафует, он считает их работу тяжелой.

Сейди и все ее фермерские фунты веса, объемно-плавные и не кажущиеся лишними и точно доставшиеся не от бабушки Раневски, воплощение стиля. Черное и лиловое, изредка алеющее каким-то оттенком красного, порой светлеющее белыми полосками шарфика с пояском, вот как выглядит Сейди. Волосы, всегда уложенные в нехитрую прическу, бордовый лак, прикушенная папироса.

Сейди обожает папиросы и специально для нее хозяин табачной лавки за углом держит их, несмотря на падающую популярность. Сейди дымит стуча по клавишам, скрипя ручкой с карандашом, читая сводку для шефа или наблюдая со своей наблюдательной площадки второго этажа за нашим муравейником.

Сейди знает всё, вся и о про всех, порой перебарщивая со сплетнями, но чаще всего помогая и подсказывая. Не знаю, как там себя ощущает миссис О`Брайен, супруга Кэпа, но на её месте стоило бы обеспокоиться. Ведь монументальность гранд-дамы 13 участка привлекает половину взглядов всех его мужчин. И, да,

взгляды Кэпа, брошенные и зацепившиеся за плавные покачивания кормовой части нашего ангела, видели многие. Но… пусть об этом думает миссис О`Брайен, верно?

Почему я гордый одинокий волк? Ну… Не сейчас об этом, не время и не место. Тем более, я чужак и это о многом говорит само за себя.

— Сядь, — приказала Сейди с вполне знакомым выражением, подхваченным у Кэпа. — И прочитай бумаги, подпиши и можешь быть почти свободен. Есть вопросы?

— Да. — Я пошарил вокруг глазами и наткнулся на свое пальто. — Дай мне сигареты из карманы и прикурить.

— Ты чуть не умер, дурачок, тебя спасли и ты снова собираешься курить?

Не стоит объяснять, что в Участке все точно знали о вреде курения, в отличие от обычных граждан великой Америки, так? Я тут видел рекламу моих любимых «Лаки», где бегунов уговаривали курить, чтобы сбросить лишний вес. Мол, без сигаретки-то никак, друзья. Да, мир тут замечательно-настоящий, но временами очень уж странный. Но я привыкаю.

Сейди не тянула кота за хвост и скоро мне стало чуть удобнее. С «Лаки» во рту пока мне еще намного лучше, чем без нее.

— Что за бумаги?

— Если бы ты днем наведался в участок, то уже подписал бы их. Новый уровень доступа, повышение тебя по внутренней лестнице и неожиданная удача.

— Опять… Сейди, Стеллан говорил про удачу, ты туда же. О чем речь?

Сейди странно зло и по-настоящему криво усмехнулась.

— Стеллан спас твою жизнь. Это не шутка, Кроу, ты бы умер, не примени он те… те…

Сейди католичка и свою службу воспринимает как службу не только людям, но и… Стеллан применил что-то, выданное Участку Ковеном, что-то редкое и очень сильное. И для Сейди это нехорошо, ведь такая помощь не от Господа Бога. Лишь бы она теперь не смотрела на меня как на прокаженного, зачем мне такое?

— Эта хреновина полагается не всем.

— Верно, — согласилась Сейди, — далеко не всем. Твой значок принесет лейтенант, он дежурит. Отдал его в мастерскую, значок немного изменится.

— С чего мне такое счастье?

Сейди пожала плечами. Значит, просто пришел приказ свыше, ясно… А дело-то с красоткой из мэрии куда серьезнее, чем

казалось поначалу. Хотя, после стрельбы у Мен Хва, каким еще оно должно мне казаться?

— Подписывай, Кроу. Я домой хочу, заждалась, пока ты проснешься. И береги себя, дурень, не напарывайся больше на неприятности просто так. Будь осторожнее.

Сейди забрала документы, подмахнутые мною не глядя и, плавно-величественно, удалилась. Но свято место пусто не бывает и запах лосьона после бриться подсказал — кого еще ко мне несет.

Огюст А. Сент-Клер, лейтенант 13, дитя своего мира и явное доказательство революционных веяний, начавшихся сразу после подписания Договора в середине прошлого века. Причем тут запах лосьона? Все просто, только Сент-Клер брился два раза в день: перед службой и на самом дежурстве, больно уж сильно росла его густющая борода.

Почему он доказательство иного развития этого мира? Еще проще. Сент-Клер — фамилия плантатора, сотню лет владевшего предками нашего лейтенанта. Да-да, Сент-Клер, порождение душной болотной Луизианы, самый натуральный негр. Шоколадно-коричневый, огромный, прячущий за душой, по слухам, много тайн и очень любящий сорочки, всегда застегнутые на все пуговицы. Даже в жару и даже в компании своих ребят.

— Лови. — Сент-Клер кинул жетон и сел на стул, еще хранящий тепло Сейди. — Очухался, идиот?

— Ну и почему я идиот?

— Только идиот сунется к Мен Хва в одиночку. И не заливай мне про Ворона, Ворон просто тебя возит. Ничего, Кроу, тебя уже ждет напарник, да такой, что ты сам прибежишь ко мне и знаешь, зачем?

Конечно, это было тайной о семи печатях, что и пришлось изобразить всем своим понурым видом. Вид, кстати, был непритворный. Я, наконец-то, добрался до одежды и теперь рассматривал полностью убитую водолазку и дырку в пальто. Дырки, мать их.

— Чтобы припасть к моей, Кроу, добросердечной груди, полной души и, заливая её слезами, аки собственную мать, попросить дать тебе кого угодно, хоть Макнамару, лишь бы не её.

Сент-Клер потешно подевал губами, понимая, что сам только что испортил весь сюрприз. Её, значит? Заниматься дедукцией мне совершенно не хотелось, но мысли имелись. В конце концов, при всей прогрессивности этого мира, кое-что тут пока почти неизменно. Кое-что и пока.

— Сукин ты сын, Кроу, — сообщил Сент-Клер и достал из кармана бумажный пакетик. — Я бы дал тебе его на память, но

тут доказательство. Дело уже завели, отдам его стажерам, дело о чуть не погибшем детективе Алексе Кроу.

— Там пуля?

Сент-Клер недовольно запыхтел. Вообще, наш лейтенант, по здешним меркам, живая легенда. Единственный черный коп на всю округу, заставляющий цепенеть и вытягивать изумленные лица обычных патрульных из Департамента, глядящих вслед ему и его жетону. Мы с ним сошлись, если можно так сказать о Сент-Клере. Мне ничто не мешало относится к нему как к самому обычному человеку. Но вот, к примеру, Макнамара…

Говорили, что лейтенант появился у нас совершенно не зря. Говорили, что у него свои счеты со Старыми, особенно с некоторыми. Говорили, что предплечья Сент-Клера украшены шрамами, крестами, вырезанными ножом, по одному за каждого убитого Старого. Говорили, что в машине лейтенанта, у водительского сиденья, закреплены сразу два «томми» и он стреляет из них с обеих рук. Врали, конечно, удержать «томми», когда тот поливает все вокруг одной рукой? Даже лейтенанту, а он у нас огромный, такое явно не под силу. А остальное…

Важнее другое. Лейтенант был настоящий голова, умница и чертов сукин сын, удачливый черный сукин сын. И его мало кто любил именно из-за цвета кожи. Вроде как на Западе с этим проще, там весь девятнадцатый век люди просто выживали, пусть и обращая внимания на цвет кожи, но не так сильно, как здесь.

В общем, с лейтенантом мы сошлись крепко и он мне вроде как доверял. Так что если сидит и пыхтит, то снова расстраивается из-за моих незаурядных качеств, как детектива. Хотя, чего там гадать о природе штуки, прячущейся за вощеной бумагой? Ничего другого там не поместится.

— Пуля? — еще раз уточнил я.

— Да. Вторая, которую ты и не подумал достать, когда помирал. Первая прошла насквозь, вторая зацепилась ниже. Ну, заодно док вырезал тебе аппендикс.

— Я рад, честное слово. То-то, думаю, у меня тянет низ живота. А почему я сижу и даже ходу?

— Это к доку. Дело в пуле. Она из «люгера», сынок. Понимаешь?

Даже так? Конечно, понимаю, лейтенант.

Американцы, вот ведь, патриоты. Всякие штуки, стреляющие пулями, у них свои и только свои. Британские «вебли» здесь редко в ходу, не говоря про французов или немцев, таких, как «парабеллум», чуть не отправивший меня на тот свет. Мне, чужаку, простительно, потому у меня есть «астра» из Испании, да еще и копия с «маузера».

А вот Старым, тем, кому нужно оружие, европейские поделки часто по душе, они же сами оттуда. Из старушки Европы. Так и так ясно, что в Драконий сад могли проникнуть только Старые и тогда становится еще более понятно — кто станет моим… моей, напарницей. Хотя сейчас это не играет никакой роли. Сейчас мне хочется отдохнуть.

— Лейтенант, я устал, приеду сразу, как высплюсь и напишу рапорт.

— Да, сынок, понимаю… — Сент-Клер хлопнул меня по плечу. — Тебя отвезут патрульные. Ворон куда делся, сказал, что ему надо уехать.

Кто бы удивлялся, верно?

Машина патруля скрылась за дождем. Я закурил, рассматривая улицу и даже чуть радуясь ее пустоте. И, вместо того, чтобы подняться на крыльцо, шагнул в проулок, выводящий меня в ту сторону, куда сейчас хотелось.

Усталость накатывала все сильнее, но идти нужно не меньше получаса, так что пришлось собрать волю в кулак и шлепать по лужам. Дождь явно не собирался заканчиваться, обложив город со всех сторон и надолго. Ну, что поделать, такое случается. Нет плохой погоды, есть плохо одетые люди. И плохо обутые, а мои ботинки явно не собирались просить каши. Вместо водолазки пришлось нацепить рубашку, найденную парнями из патруля. Ничего, потерплю. Там, куда я иду, всегда есть немного моей запасной одежды.

Я добрался, как и рассчитывал, за тридцать минут. Огляделся, выжидая слежку, но никого не заметил. Ключ от входной двери у меня давно имелся свой, а вот чтобы попасть в квартиру, прятавшуюся в башенке, когда-то скрывавшей чей-то склад, придется стучать. Но это правильно.

Лестницы тут полностью прорезинены, да еще накрыты дорожкой. Тут не принято громко стучать каблуками и подошвами, ведь здесь, в одном из домов конца прошлого века, живут респектабельные люди. Дельцы с Уолл-стрит, владельцы магазинов на центральных улицах, прочие недавние богатеи. Этот дом как маркер, как анализ на высокий доход и скакнувшее вверх положение в обществе. Только одну-единственную квартиру, ту самую, одну на площадке, занимает совершенно другая личностью

Тут, в доме со своей котельной и бойлером, всегда горячей водой в трубах и батареях, за двойной дверью и под кровлей из настоящей черепицы, живет Леди Ди. И она мне сейчас нужнее чего угодно. Даже если это очень и очень нечестно с моей

стороны по отношению к ней. Да, вот такая я скотина.

Тук-тук… туктук. Правильнее, конечно, кнок-кнок, но это такие условности.

— М-м-м, кого кошка принесла, — промурлыкала она, открывая дверь и поправляя без того идеальную челку своей египетской стрижки «клеопатра». — заходи, мой дорогой детектив…

Тепло ее квартиры пахло так, как и было нужно: кофе, каким-то сладким кремом, чем-то вкусным и ментоловыми сигаретами. Их она курила через мундштук, красиво и как-то декаденствуя. Декаданс, чаще всего скрывался в практически полном отсутствии на ней одежды. Ну, как-то так выходило. Сейчас вот, например, одежда была. Тонкий шелковый халат, смахивающий на японский, придерживаемый пояском где-то в районе пупка и расходящийся в стороны вверху и внизу. И не прячущий ее очаровательных коленок.

Я шмыгнул носом, неожиданно ощутив, что замерз. Прогрессивность Ди давно дошла до самой смелой, по текущим мерками мира, черте открытых женских ног. Это если в обществе, а вот если наедине, то…

— Мне почему-то кажется, Кроу, что ты в очередной раз пришел воспользоваться мною из-за эгоизма и моего к тебе расположения. — фыркнула Ди и оглядела меня с ног до головы. — А что это с твоим пальто, ты решил устроить в нем вентиляцию?

— Это меня убивали, Ди.

— Плохо старались?

— Старались хорошо, я почти и умер.

Она кивнула, блеснув своими, как-же это штампованно звучит, изумрудными глазами. И затащила внутрь.

— Я набрала ванну и она еще не остыла. Иди туда, ты воняешь скаковой лошадью и скотобойней.

Ди не любит мурлыкать просто так, изображая ласковую податливую кошечку. Ди порой резкая и острая, как хороший нож. Вот прямо как сейчас, но я точно не был против. И от ее ожидаемых дальше острот и от горячей ванны и, уж тем более, возможного и такого нужного сейчас продолжения.

Я окунулся с головой, задержав дыхание и наслаждаясь теплом. Промозглая слякоть на улице пробралась в меня полностью, только сейчас дав себя ощутить. Горячая вода баюкала и тянуло в сон, стоило вынырнуть и попытаться прийти в себя. Обязательно попытаться.

— Заказала вчера вина, — поделилась Ди сбоку и, судя по звуку, отхлебнула прямо из горлышка. — Итальянское и вроде бы

хорошее. Но тебе не дам, ты заснешь. Дай-ка руку.

Я дал.

Пальцы нащупали горячее, сухое, упругое и гладкое. И даже не стоило поворачивать голову, чтобы понять — одежды на ней, даже чертовых чулок, нет. И это прекрасно. Ди подошла ближе, надавила на мою руку, опуская ее вниз. Ну… нос меня тоже не подвел.

Чтобы там не говорили о запахе женщины всякие эстеты, запах женщины — это не парфюмерия, пусть и из Парижа. Это запах ее самой, когда она совершенно не скрывает своего желания чувствовать тебя своим мужчиной.

Усталость? Подождет, как и сон. Точно не сейчас.

Глава седьмая: прекрасные виды, Вороны и ночная кровь

— Кроу! — раздалось в трубке и как-то сразу стало не по себе. — Живо в участок!

Ну, и кто же меня все-таки сдал? Вернее, нас с Ди? А утро начиналось просто красиво…

Красота — понятие избирательное, личное и не годное к навязыванию другим. Кому-то вернисажи модных экспрессионистов, кому-то классика, для кого-то нет ничего красивее осеннего кленового леса, кому-то подавай любоваться закатами с берега острова Мэн.

Я счастливчик, мне точно известно — какая красота самая лучшая. Это же так просто, это женщина. В платье, в ночной рубашке, в фартуке на кухне или в пальто под только-только полетевшим снегом. Хотя мне куда приятнее смотреть на женскую красоту, прикрытую минимум одежды. Наверное, есть какое-то специально выдуманное психологическое или психическое расстройство. Эротомания или еще как-то, не знаю. Если есть, так совершенно не против страдать от такого. Куда лучше клептомании или социопатии.

Ди занималась делом, может, не самым любимым, но точно нужным и хорошо оплачиваемым. Редактировала, в черновую, тексты. Да, эта мурчащая кошка работает редактором, редактором пресловутого «Пинк-маг», порой делясь творящимся там.

Сейчас, лежа на животе и болтая ногами, она вроде бы делала пометки на очередном шедевре, принесенном через трубу пневмопочты. Да, район брокеров и торгашей, дома, оборудованные всем для комфорта и… и дела. Кроме котельной с бойлером, дом обладал всем остальным, служащим бизнесменам. Телефонный кабель, аппараты в каждой квартире, говорили, что у одного типчика, занимающего целых полэтажа, подведена прямая трансляция с биржи. Врали, наверное.

Ди, как-бы одетая в любимую лесорубную рубашку, скомканную и прикрывающую лопатки и немного спины, болтала ногами и нагло торчала вверх пятой точкой. Красивой и дерзко вздернутой пятой точкой, заставляющей думать о самом плохом. Например — явиться в участок куда позже ланча. Несколько взглядов, брошенных на меня, так и сигнализировали об этом. И…

Тут зазвонил телефон.

«Кто говорит? Слон…» — сказала интуиция и не ошиблась. Почти.

— Слушаю… — мурлыкнула она в трубку, скорчила рожицу и протянула ее мне. Вот так так…

— Кроу! — раздалось в трубке и как-то сразу стало не по себе. — Живо в участок!

Шеф ревел медведем, грохоча кулаком по столу.

— Кэп…

— Я тебе ноги выдерну, засранец! Не кэп, а сэр, не просто сэр, а мистер О`Брайен, Кроу! Ты обнаглел, как посмотрю! Сколько времени на твоих красивых часиках, чересчур дорогих для обычного детектива, скажи мне!

Черт… я бы сказал, но где мои лётные, подаренные хитрецом Мак-Гинли, хозяином ломбарда, не сказал бы. Зато это точно знала Ди, уже застегнувшаяся на все пуговицы и даже натянувшая милые домашние панталончики. Часы чуть не ударили меня по носу, ловко и метко брошенные несколько разозлившейся кошкой, вот-вот потягивающейся в лучах утреннего солнца.

— Молчишь, подонок?! А я знаю, что ты просто наглая сволочь, решившая, что ей все можно после вчерашнего! Так вот, сынок, тебе теперь даже в сортир можно будет отлучаться по моему приказу, как в школе, ясно тебе?!

— Да, сэр, мистер О`Брайен, я понял.

Спорить с кэпом, когда тот в гневе — себе дороже.

— Кроу… — Кэп, как и обычно, сделал две вещи: перестал орать и не подумал извиниться.

Я ждал продолжения. Судя по дыханию, наш старик не просто зол. Он еще и растерян.

— Кроу, срочно выезжай на место.

Черт…

— Опять?

— Снова, Кроу, снова! — кэп начал заводиться. — Машина уже выехала, ты же не соизволил забрать собственную, верно? Одевайся, засранец и бегом вниз. Дело плохо… Тварь пришила Старую.

Плохо? Дерьмово, я б сказал. Старые могут драться, могут подставлять друг друга и даже устраивать войны, используя людей, как пушечное мясо. Но друг друга они все же берегут. Чересчур мало их осталось после Войны, прекращенной только Договором, чересчур много погибло и после, пока все приходило в норму. И если какую-то из Старых выпотрошили таким образом, то нам надо поторопиться.

Старые могут не дождаться конца расследования, могут

начать собственную игру против старых противников, их-то вражде не десятилетия, а века. Такой огонь тлеет незаметно, но подкинь дровишек и вспыхнет до небес. И зачем нам такое? Правильно, совершенно ненужно.

— Все, жду на месте. И приготовься рассказать — что вчера такое случилось. Мен Хва с самого утра отправил юриста, чуть не съевшего мой мозг из-за стрельбы. Старая жаба хочет официальных извинений за уничтоженные молодые криптомерии. Я отправил Майки, не разрешил поехать отдохнуть, отправил снять следы и проверить — ты их вытоптал, либо нет. Жду, Кроу.

Кэп отключился.

— Что-то случилось? — совершенно обычно и лениво поинтересовалась Ди, затягиваясь сигаретой.

— Да. — Я надевал брюки и смотрел на нее. Смотрел и неожиданно боялся.

Переживать за нее, живущую в обычном доме, мне никогда не приходило в голову. Связь Ди с Ночным городом стала ясна почти сразу после знакомства. Мы и познакомились в баре, куда обычные люди и не заходили. А потом…

А потом, чуть ниже шеи, увидел татуировку. Женщины этого мира, да и большая часть мужчин, пока еще не додумались баловаться этой забавой. Татуировки были табу, общество принимало их на моряках, на неграх, на индейцах, но не на белых. Ди относилась к тату спокойно. И правильно поступала, ведь её, небольшая и черная, служила меткой защиты.

Морн, черный первый Ворон, украшал кожу Леди Ди, и такая картинка зачисляла ее в клан. Переживать за женщину, пользующуюся покровительством Воронов не пришло бы в голову. До звонка Кэпа. Если убийца убивает своих, то…

— Будь осторожнее.

Она непонимающе уставилась на меня. Нет, милая, я тебе ничего не скажу, не могу. А вот предупредить — обязательно.

— Ночью старайся не выходить. Не выходить без меня или без кого-то из твоих…

Я порой не знал, как следует называть Воронов, принявших ее в клан. В клане Ди совсем как я, чужая, если не хуже. Кто они? Хозяева, покровители, партнеры? О причинах не спрашивал, не стоило.

— Хорошо, — легко согласилась она. — Без тебя или охраны ни шагу. Только ты учти, что теперь должен бывать у меня чаще. Мне же надо гулять… Хотя бы изредка.

Это верно. Еду и многое другое, когда Ди занята, доставляли обычные курьеры. А занята она частенько.

Она закрыла дверь, не прощаясь. Я тоже никогда не спешил

разводить объятия с поцелуями, и, возможно, правильно делал. Ну и, все же, я еще тот подонок.

Абак, черневший в машине, уже нацепил очки. Да и черт с ним, доеду молча, заодно покурю и подумаю. Смотря в окно, где, привычно и надоедливо, моросило.

В Нью-Йорке хватает мостов. Город, разросшийся за полвека, уже начал стремиться к статусу столицы мира. Только с Манхэттена вело несколько, соединяя с Джерси и остальными районами. Старую нашли под… под одним из старых, еще стоявших кое-где каменно-деревянных, до сих пор не снесенных Портовым Управлением.

Мосты не только соединяют два берега. Мосты часто служат обязательным домом для существ мира, живущего параллельно человеческому. Старая оказалась самой обычной дриадой, не сильно старой, но и не молодой, прибывшей в Город пару лет назад из Европы. Как ее занесло на самую окраину, где жили только крысы в развалинах фабрик, доков и складов?

Все уже приехали. Макнамара сверлил меня взглядом, не выспавшийся лейтенант глядел волком и явно желал как-то наказать и унизить. Сволочи, уже забывшие, как вчера я героически сражался за свою жизнь и чуть не помер. Вот они, последствия службы в 13, жив — и хорошо, дырки затянулись — никакого больничного, тебя лечили магией, сынок.

— Специально для тебя заново пересказывать ничего не стану. — фыркнул Фиц. — Все прочитаешь в докладе, когда с ним закончит шеф.

Я не спорил. Да, прочитаю, тем более, что-то подсказывало — зацепок они не нашли. Нашли, не торчали бы тут почти всем свободным отделом. Но осмотреться стоило, вдруг именно мне повезет и увижу что-то еще, кроме самого обычного трупа необычного существа.

Ее, кстати, уже накрыли, дожидаясь кого-то из Лесного народа. Без их разрешения Фиц и остальные не имели никакого права копаться в дриаде, даже ради пользы следствия. Чертовы правила Договора, как еще?

Река текла неподалеку, остатки пирса, уходившие в грязно-серую воду, хорошо виднелись отсюда. Кирпичные развалины, редкие кусты, никаких деревьев. Что могло понадобиться живущей в лесу здесь? Глупость какая-то…

Под ногами чавкала глина, порой почти засасывая ботинки в себя. К огороженному куску я не подходил, хотя многое ли найдешь на земле, поливаемой и поливаемой уже несколько суток? То-то, что практически ничего.

— Когда возьмешься за китайчонка? — спросил лейтенант.

Я не ответил. Понятно, сразу, как мы закончим совещание, а сам вопрос — чтобы мне стало стыдно. Меняются времена, города, даже миры, а люди остаются одинаковыми. Особенно, если ты подчиненный, а он начальник.

— Стыдно тебе? — фыркнул Сент-Клер.

— Очень. Я был с красивой женщиной, а меня выдернули и не дали еще пару раз доказать ей мою любовь. Лейтенант, откуда известен номер? За мной кто-то следит?

— Спроси у своего дружка, Кроу, — лейтенант фыркнул еще раз, как всплывший гиппопотам, виденный в зоопарке. — Шеф устроил мне взбучку, а твой пернатый товарищ просто написал ему цифры и сказал, что поехал за тобой.

А, и как я не подумал?

— Мне непонятно — что она тут делала?

Сент-Клер пожал плечами:

— Никому пока неясно, Кроу, ты меня не удивил. Пойдись между флажков, посмотри, какой интересный натюрморт нам оставили.

— Кто нашел?

Сент-Клер заворчал, раздувая ноздри.

— Тебе это так важно? Все уже внесено куда надо.

— Кэп дал задание трем детективам, лейтенант. Если читать, потрачу время. Документы уже в офисе.

— Конечно. Все заполнили сразу, мальчонку, собиравшего тут всякий хлам, доставили в обычный участок. Будет думать, что нашел просто красивую миз, испугался и ему почудилось, что у миз кожа зеленого цвета.

— Все случилось ночью?

— А когда еще?

Наши, а до них обычные парни из ближайшего участка, натоптали дорожку, не ошибешься. Я прошел по ней за длинную стену древнего пакгауза, заметив брезент. Дриада лежала в единственном сухом огрызке, видневшимся в округе. Бедную Старую резали под остатками крыши, висящей на честном слове и пяти стропилах. Сволочь, орудовавшая сталью, любит комфорт. Или…

Не знаю, к какому выводу пришел Мак и Смит, уже уезжающий по своим делам, но что-то тут не клеилось. Девчонку из мэрии нашли в Литтл-Итали, дриаду — совершенно в другом месте. И…

— Лейтенант!

Сент-Клер разговаривал с Фицем, но обернулся.

— Мне никто не сказал — были еще похожие случаи?

Он кивнул и показал три пальца. То есть, получается, что убито минимум пять человек, вернее, четыре человека и Старая, а мы пропустили саму возможность ритуальных убийств у нас под носом? Черт…

Я заметил разводы на стене. Очень характерные разводы, встречавшиеся в Городе пока еще редко. Боккоры и брухо, исповедающие вуду, селились на Юге, стараясь не покидать собственных болот, трясин и акаций, облепленных бородами испанского мха. Гарлем привечал других чернокожих, в основном с Западного побережья или даже начавших прибывать с самой Африки. Гаитянцы и остальные, жившие на Карибах, не стремились в Нью-Йорк, им хватало Флориды с Луизианой.

Но такие рисунки мне уже доводилось видеть. В одном единственном деле, где замешался подросток, учившийся у боккора и удравший от него. Нас со Смитом отправили тогда в Джерси, где искали похитителя и убийцу птицы да собак. Мальчонка тащил тех отовсюду, где мог, потом полдня шагал до заброшенной мельницы и там резал, измазав все стены защитными завитушками. Иногда он не успевал к вечеру и местные отыскали его рисунки на заброшенной ферме, торчавшей прямо посередке между городком и той самой мельницей.

Ему, кстати, не помогло. Учитель, не простивший ученика, дотянулся до парня на наших глазах. Стена вдруг родила полупрозрачно-синего змея, высунувшегося из нее и откусившего мальцу голову.

— Лоа, — сказала наша куратор, Майан, получив доклад. — Не вмешивайтесь, офицеры, сами решим. Лоа не попадут в Город и не причинят никому вреда.

Не причинят, черта с два. Но они не причинили, ведбма Майан держала слово. И вот сейчас, во второй раз за все время службы в 13, я рассматривал странные завитки, перемеживающиеся какими-то детскими фигурками людей, зверей и чего-то непонятного. Прямо на меня, распустив длинный ребристый хвост, смотрел глаз, украшенный щупальцами и рожками. Неприятное зрелище, несмотря на примитивизм художника. Наверное, дело в материале, кровь у дриад, как ни странно, с красноватым оттенком. Хотя куда больше смахивает на густую коричневую патоку.

Здесь мне нечего было делать, а прочитать доклад Фица смогу и в участке. Терять время не хотелось, а малолетний китаёза, видевший убийцу, прятался где-то в городе. Оставалось что? Верно, подключать информаторов, деваться некуда. И плевать на Мен Хва, если я найду мальчишку, то смогу узнать правду и тогда кому какое дело до желтой жабы и его права на

разговор с пацаненком-разносчиком? То-то же, что никому.

Макнамара, все также нудно торчавший рядом с лейтенантом, старался не смотреть на меня. Видно, тощей оглобле не повезло и он вообще ничего не нарыл, справедлив опасаясь гнева кэпа. Хотя, конечно, пусть Мак и не самый лучший человек, но служака годный. Он ищет не ради денег, получаемых за работу, неясной перспективы стать лейтенантом, нет. Макнамара имеет за душой какую-то боль, из-за нее-то и оказался в 13.

Старые, лишенные многих своих прав, вовсе не бедные овечки в загоне или индейцы в резервации. Старые, связанные Договором, умеют многое не нарушая его. Так что мне вполне верилось в трещину на душе нашего рыжего. Но лезть в нее, в душу и выяснять — не собираюсь.

— Кроу!

Я повернулся к ним и увидел кэпа, нависавшего над всеми, умудряясь сделать меньше даже Сент-Клера.

— Иди сюда.

Кто бы мог подумать о чем-то другом.

— Первое — езжай за машиной, Ворон нужен в самом городе. Второе — вечером, во сколько бы ты не освободился, едешь в участок и все, случившееся вчера и сегодня, излагаешь в читаемом виде. И без всяких мне лишних заумных фразочек!

Кэп уставился на меня с изрядной долей кровожадности. А я виноват, что он не знает определение «психологический портрет предполагаемой жертвы»? Понимаю, что оно ему не нужно, кэп мечтает о пенсии, потому и не пищу больше.

— Ворон довезет тебя до мастерской, чтобы ты не схитрил и не болтался где-то до вечера, обманывая начальство ради… Ради какой-то юбки!

Я не оправдывался. Виноват, капитан, исправлюсь, сделаю все, как нужно. Тем более, что сейчас уеду, а вы тут делайте что хотите.

— Иди. А, да…

Что-то в его голосе заставило насторожиться. Если кэп смотрит на тебя как на родного непутевого сына, так жди подвоха, это все знают.

— Твоя напарница прибудет завтра, с Восточным экспрессом. Дело не мое, но я бы на твоем месте встретил мисс помог бы довезти вещи до квартиры. СиКей, конечно, отправит за ней своих людей, но работать-то вам, вдвоем…

Так… Капитан точно знал — кого мне подкинули из Службы Контроля, кто станет заставлять меня работать на побегушках и приносить кофе. И тянул резину, явно наслаждаясь моментом.

— Кто она, сэр?

— Роецки, Кроу, твоя любимая мисс Роецки.

О, да. Сегодняшний день, начавшийся так здоров и красиво, к обеду подошел с еще одним поводом выпить вечерком. Агнесс Роецки, милейшей души создание, служащее не на страх, а на совесть, ярая католичка и ненавистница Старых. Лучше напарника мне точно не найти.

Мы работали бок о бок два раза. Господь явно любит троицу и хотелось верить, что этот раз станет последним.

Роецки, все ее неполные пять футов роста, поджарая фигурка и большие голубые глаза — есть одна стервозная конченая дрянь, любящая только себя, семью Роецки и священника, принимавшего у нее исповедь. Как прикажете с ней налаживать мягкий контакт с Ночным городом, такой необходимый сейчас? Я пока не знаю. Ну, и ладно, разберусь по ситуации.

Я закурил, пряча «Лаки» в кулаке. Морось чего-то разошлась, грозясь перерасти в дождь, сигарета чуть обжигала ладонь, но зато не мокла. «Бьюик» Абака виднелся за патрульными машинами, маня своими теплом и сухостью сиденья. Так что, видя кэпа, навалившегося в порыве гнева на Сент-Клера с остальными, предпочел уйти по-английски. Сказано — рыть землю, я отправляюсь это делать. Просто яволь, майн генерал.

— Кроу! — каркнул Абак, когда я сел. — У тебя с собой достаточно патронов?

И нацепил очки. Вот как, скажите, понимать создание, умеющее, если не врут слухи, договариваться со временем. Особенно после «достаточно патронов» и нежелания что-то объяснять. Как?

Глава восьмая: зубастая милашка, нужные разговоры и запах Востока

Кровососа можно остановить свинцом, загнав в башку пару пуль. Именно остановить, а не убить, сдохнет тварь только от серебра. Имеются ли такие патроны в моих стальных друзьях, ждущих своего часа в руках? Конечно, каждый второй.

Приходилось ли мне в одиночку охотиться на бесшумный ночной ужас, жаждущий человеческой крови? Нет, пока ни разу не довелось. Но все бывает в первый раз, так ведь?

Фу… яйца в кулак, сыкло и вперед!

Я выбил дверь ногой и шагнул в темноту.

Люди, во все времена и, оказывается, даже в разных мирах, устроены одинаково. Врут, гребут под себя и подставляют ближних, лишь бы слаще есть, мягче спать и жить не в конуре. Нет, я не осуждаю, жизнь штука сложная. Если кто-то считает, что у других, у Старых, иначе… то крепко ошибается.

Старые точно также глодают друг друга, разве что не до смерти, либо убивают, но чужими руками. Ищут место под Сол… под Луной, в основном, заводя бизнес, мутя темные делишки, отыскивая заработок погуще, а работу пожиже. Они, живущие рядом с людьми давным-давно, порядочно преуспели во многом.

Чертов «Пинк-маг», даже он запущен в оборот хитрецами Воронами на паях с кем-то из рыжих стервоз ши, удравших из собственной Ирландии. Кому, как не им, живущим веками, знать человеческие потребности?

Старые сплелись с человечеством в самую настоящую живую систему, где есть место всем. Именно из-за нее, густой паутины из денег, крови, магии и наживы, у нас есть работа. У нас, простых ребят из 13.

Я пинал покрышку «паккарда», забранного из мастерской. Живешь в Ночном городе? Имеешь преимущество. Бородатый широченный дворф, вытиравший лапищи тряпкой, тому доказательство. Моего бойкого вороного жеребчика, недавно поднятого с обочины, прямо не узнать. «Паккард», восстановленный низкорослыми технарями-кудесниками, лоснился лаком кузова, сверкал хромом, где тот был и рвался в бой.

— Счет отправляю в участок, Кроу?

Миккельсон, пего-рыжий хозяин мастерской, закурил сигару, вернее, свой обычный огрызок. То ли он их копил, то ли огрызок

никогда не заканчивался, постоянно перекатываясь во рту, но Миккельсона без него ни разу не видел.

— Да. — Я погладил вытянутый капот, беззвучно вздохнув. Кататься с Вороном, оказывается, мне нравилось больше. — Оплатят как обычно — в конце месяца.

— Хорошо. — Миккельсон, обычно терявший весь интерес сразу после слов про оплату. Не уходил.

— Что, лучший из механиков, да удлинится твоя борода?

Дворф, смешно и как маленький медведь, фыркнул, пожевав сигару:

— Думаешь, удобно ковыряться в двигателях с длинной бородой?

— Думал, о светоч механики, что тебе понравится.

— Хе… Кроу, ты не умеешь шутить, не пробуй, жалко тебя становится.

— Как скажешь. Что ты хотел спросить, Миккельсон?

Дворф мялся, не зная, с какого бока зайти и это удивляло. Не в характере этих суровых крепышей вести себя таким образом.

— Да говори ты уже!

— Слышал, вы начали находить выпотрошенных девчонок?

Вот так так… Слухи гуляют среди нашей паствы, слухи о волках со стальными зубами…

— От кого слышал?

Миккельсон отмахнулся:

— Да все говорят, Кроу, а нам это не нравится.

— Есть с чего? Ты верно заметил, находят только женщин, а вы своих прячете так, что…

— Арр-р! — рыкнул дворф, вздыбив короткие волосы совсем как цепной пес. — Кроу, ты молод и глуп, как все люди, да еще чужак. Человеческая память коротка, а наша нет. Мы много что помним, Кроу, даже вонючие трюмы кораблей, везущих нас сюда из дома! Ты разве не знаешь, как плохо без отчей крыши над головой?

Я-то? Я-то знаю. Тревога Миккельсона объяснялась легко: бородач боялся. Боялся, что мы не справимся, что убийств станет больше, что выползет наружу правда о Ночном городе с его жителями и…

И снова заполыхают костры, сталь станет красной от крови, а Старые уменьшатся еще на сколько-то голов, насаженных на пики. Как и случалось не так давно, когда Инквизиция работа с точностью машины и с ее же безжалостностью.

— Сегодня нашли одну из ваших.

Глаза Миккельсона дрогнули, расширились и превратились в щелочки.

— Точно? Да, точно, зачем тебе врать, Кроу…

— Ты знаешь что-то?

Миккельсон вдруг кинул дымящийся огрызок в ведро с песком, стоявшее неподалеку. Раздул ноздри, наливаясь кровью:

— Знал бы, Кроу, так сказал. Никто из нас не трус, но есть вы, вам и работать. Смогу чем помочь, так помогу. Езжай, чужак, мне пора делать чертов «спирит» длинных выскочек.

Вот и поговорили… «Сильвер спирит», явно принадлежавший кому-то из альвов, благородно переливался над смотровой ямой. Действительно, хватит отвлекать законопослушного налогоплательщика. Я не прощался, Миккельсон уже повернулся промасленным задом комбинезона и потопал по делам.

Не такой он и законопослушный. Слухи про подпольную мастерскую, доводящую до ума стволы, ходили давно. Но пока нас, детективов, не спускали с поводка, позволяя слухам витать в воздухе.

Ладно, пора ехать, искать следы. И сегодня стоит найти хотя бы что-то, пока не стало стыдно перед самим собой.

Что делать, если случилось что-то нехорошее и твое дело — отыскать виноватых? Много чего, на самом деле, перечислять устанешь. Эксперты подготовят умные выкладки, подскажут характер травм, укажут, приблизительно, чем кромсали на куски тех несчастных.

Парни-патрульные, отправленные кэпом, проведут первичные опросы, почти ничего не нарыв, а потом отдадут все это нам. Жизнь без Интернета и передовых технологий, а еще ГМО и ядерного арсенала многим хороша. Но многим и не очень, например, не посмотришь записи камер, натыканных Дома повсюду.

И остается немногое: ножками-ножками, трепать языком, добывая любую информацию и составляя версию за версией. Но мне повезло, у меня есть зацепка, слинявший от всех китаёза, наверняка толкавший не только лапшу в Маленькой Италии и его нужно искать.

И к кому же мне обратиться? Хм… это просто.

Я закурил «лаки», симпатично хрустнувшую от огонька и наполнившую салон своей неподдельной горькой сладостью. Закурил и уставившись на сигарету, усмехнулся. Бывает же такое… Ведь мне на самом деле нужна Лаки. Но не из зеленой пачки, а с улиц, где она обитает ночами. И, надо же, мне известно, где она отсыпается днем.

«Паккард», недавно прямо улыбавшийся мне своей решеткой, уже совершенно не радовался моему присутствию. Да, хреновый

из меня водитель, все верно. И хорошо, что в Ночном городе встречаются как-бы говорящие звери, вроде попугая старика Мо и совершенно не водятся умные механизмы.

Я ехал в Квинс. Почему? Потому как Лаки обитает именно там, а она мне нужна.

Старые разные. Кто на самом верху, из-за умения, мудрости и силы, как ведьма Майан или клан Воронов, а кто…

А кто, как старушка Лаки, на дне. И, вот странно, многих Старых такое устраивало, хотя не совсем нравилось нам, простым парням из 13 участка. Неудивительно, если знать, кто Лаки на самом деле. О, да, настоящая Лаки совершенно непохожа на себя, работавшую томными ночами в клубах и дорогих ресторанах с гостиницами. Истинная Лаки, сохраняя гибкий стан, полные бедра и тяжелую грудь, вряд ли привлекла хотя бы кого-то из клиентов, видевших лишь вывеску.

Сама она желает называться Лаки Демона. Она дорогая проститутка, ей не меньше трехсот лет и она эмпуза. Нет, Лаки не древний демон из Эллады, с ослиными ногами и тягой к поеданию младенцев или красивых юношей. На самом деле ей все равно, кого жрать или чьей кровью питаться, она обычный кровосос, сделанный кем-то из истинно древних кровопийц по какой-то прихоти. Аппетит к парящей плоти ей отбили очень давно и еще в Европе, но не лишили возможности пить кровь. Не убивая, само собой.

Лаки не может создавать таких же, как она сама. А гуляющие дельцы с Уолл-стрит, чаще всего попадающие в ее меню, не умирают. Лаки любит жизнь и не хочет покончить с ней из-за собственной жадной глупости. Перспектива оказаться нашпигованной серебром заставляет Лаки даже плакать, хотя её слезам мне не верится. Вы же не поверите плачущему крокодилу, верно?

Умница Лаки, работавшая на ночном Манхэттене, никогда не следила дома, в районе длинных и красивых кирпичных домов. Она жила там последние десять лет, явно готовясь переезжать в другой город. Жизнь веселой девчонки, продающей свое тело, не особо длинная даже тут, посреди ханжества, морали и начавших сыпаться остатков христианских ценностей 30-ых.

Лаки — кочевница, переезжающая по стране как перекати-поле. Десяток лет тут, следующие — там. В Ночном городе она задержалась, пользуясь размерами Нью-Йорка и постоянно росшим населением. Ей осталось дождаться доступных пластических хирургов и перестать метаться взад-вперед. Глядишь, заживет.

— Спасибо, дорогой…

Да, в нашу первую встречу я помог писаной красавице, стоявшей передо мной в разодранном коктейльном платье. Тогда уже не патрульный, а совсем зеленый детективчик, следил за подозрительной троицей, чересчур явственно смахивающей на охотников за головами.

— Я просто гуляла, офицер, а они…

Чутье на всякое дерьмо, явно доставшееся довеском от Блэкстоуна, не подвело. Троица суровых ублюдков, почему-то решивших разделать Лаки на сувениры, едва не успели довести дело до логического завершения. Только я успел вовремя.

Не стоит удивляться помощи эмпузе, дело не в моей извращенной доброте. Договор поставил точку во многих спорах. Пока эмпуза не убивает людей, не превращает их в подобие себя, ее не преследуют и не уничтожают. Закон и порядок, штука такая, работает в обе стороны. Шаткие договоренности между двумя мирами держатся на СиКей, треклятой Службе Контроля, каких-то боевых магах, редких особей штучной выделки и на нас, копах, занимающихся Старыми.

— Не поможете мне?..

Лаки, отдать ей должное, держалась молодцом. Охотники не были хорошими профи, нанятыми кем-то, любившим нарушать Договор и ненавидящим Старых. Такие личности есть везде и удивляться серебряным наручникам, застегнутым на ее запястьях, не пришло в голову. Охотник не были хорошими профи, но они старались. Разбираться с ними предстояло дальше, ведь они удрали… вдвоем. Причем тот, что меньше, дотащил до машины здоровяка. Третьего Лаки все же порвала, совсем, до смерти.

— Повернитесь спиной и стойте спокойно.

Мне тогда пришлось стрелять из кольта, разрывая цепочку. И все это время Лаки терпеливо сносила ствол «астры», упертый в ее голову. Ожидать нападения от эмпузы, чуть не убитой и убившей самой? Да, стоило. Лаки сдержалась, хотя ей было сложно.

С тех пор мы… дружим. Наша дружба крепко завязана на информации, сливаемой мне Лаки и на моих глазах, закрываемых на ее плутни. Ну, и на помощи, что регулярно возникает из-за них же. Я не ангел и веревочки, помогающие дергать некоторых куколок, всегда пригодятся.

— Кроу, ты ханжа!

О, моя сладкая прелесть с острыми зубками, ты неправа. Как неправа и в некоторых поступках, легко наказуемых некоторыми уложениями самого Нью-Йорка. В частности, тех, что касаются изготовления и распространения порнографии.

Да, да, здесь вовсю стояли тридцатые и женщины заходили в

океан в полностью закрытых купальниках с шапочками. Здесь разрешены бордели, приватные танцы, а проститутки платят копам, чтобы их не очень часто таскали за решетку. Но вот фотографии и даже фильмы подлежат запрету, порицанию и остальному, защищающему старую-добрую христианскую мораль.

А Лаки всегда была не против подзаработать пару-другую сотен долларов. Спрос порождает предложение, а мораль Старых куда проще, чем человеческая. Открытки с милым личиком Лаки, не говоря обо всем остальном, найденные в спортивных шкафчиках школ с кампусами, вызывали вопросы. Но на ее личном деле, действующем личном деле, давно имеющемся в общем архиве Полицейской службы, стояла наша отметка. И кэп, получив очередной запрос из Управления, ворчал, временами орал и отправлял меня к «своей гребаной шлюхе-кровопийце».

— Кроу, ты ханжа! — опять говорила Лаки, вздыхала и затихала на какое-то время, переставая светить точеными ножками, красивой грудью и остальным перед жадными глазками фотоаппаратов.

Мы, я и «паккард», остановились. Мысли иногда заставляют теряться во времени, честное слово. Долгая дорога в Квинс вдруг стала куда короче за воспоминаниями, совсем даже недавними.

Моросило, хотя небо вроде бы начало светлеть. Ланч подкатился незаметно и стоило подумать хотя бы о кофе и паре хот-догов. Есть у Лаки я бы не стал, даже если бы предложила. Хотя она ни разу не предлагала, да и в её квартирке был пару раз. Мы старались встречаться на улицах города, не светя ее жилье. Иногда осторожность не повредит… Прямо как сейчас.

Все время за рулем, несмотря на мысли, смотрел в зеркала, всей спиной чувствуя неприятный чужой взгляд. После пуль, полученных вчера, стоило быть аккуратнее, мало ли — вдруг детектив Кроу перешел кому-то дорогу?

Странно, но шеф ни слова не сказал о СиКей, за исключением Роецки. Не верилось мне, что Смит решил простить свою слабость под моим стволом, да еще под светом фар Ворона. Хотя… Черт с ним, разберемся, если что случится.

Я снова, как ночью, запетлял между домами старого квартала, приютившего Лаки. Пока здесь не стоило опасаться автомобильных краж с угонами, старая-добрая Америка, в каком-то смысле, еще держалась. Ее не подкосила Депрессия, не случившаяся тут в полной мере и люди не озлобились друг на друга, наплевав на заповеди с моралью.

У меня имелся ключ от черного входа, выданный Лаки. Дверь скрипнула, пропуская внутрь темного коридора, упиравшегося в

подвальную лестницу. Внизу находился старый котел, отапливающий дом и, судя по звукам, вовсю кочегарящий.

Я постоял, выжидая появления жильцов и не желая светиться. Тень, падающая от лестницы на второй этаж, прятала надежно.

Дом потрескивал старым деревом, шуршал крысами в подвале, попискивал ими же. Где-то наверху гомонили чьи-то дети, тек запах чего-то острого, подкипающего на плите. Небогатые районы очень похожи, что здесь, что Дома. Не коммуналка, но все же живут вместе, пока еще не приходя домой просто поспать, трахнуться, напиться перед телевизором или чего похуже.

Я шагнул в сторону небольшого поворота, прятавшего сразу три квартиры и…

На подвальной лестнице, свежая и темная, осталась кровь. И вовсе не как от случайного пореза, а целая дорожка, ведущая дальше… туда, где жила Лаки. Жутко захотелось закурить и набрать участок, вызвав пару машин с патрульными. А лучше — Сент-Клера. Почему? Ну, как…

Кровососа можно остановить, это мне известно хорошо. Успели научить.

Кровососа можно остановить свинцом, загнав в башку пару пуль. Именно остановить, а не убить, сдохнет тварь только от серебра. Имеются ли такие патроны в моих стальных друзьях, уже ждущих своего часа в руках? Конечно, каждый второй.

Я старался не скрипеть давно рассохшимся паркетом с едва заметным рисунком-елочкой. Добрался до двери Лаки и захотел курить еще больше. Надежды на кого-то из ее соседей, поранившихся по неосторожности, не оправдались. Темная дорожка из капель кончалась прямо у квартиры моей подружки эмпузы.

Приходилось ли мне в одиночку охотиться на бесшумный ночной ужас, жаждущий человеческой крови? Нет, пока ни разу не довелось. Но все бывает в первый раз, так ведь?

Фу… яйца в кулак, сыкло и вперед! Под дверью ничего не видно, ни полосочки света? Правильно, у нее всегда задернуты портьеры и опущены жалюзи. Вперед и не хлюздить!

Я выбил дверь ногой и шагнул в темноту.

— Кфоу? — донеслось изнутри квартирки.

Когда ты эмпуза, то кое-что помогает, не отнять. Например — чуять человека, не видя его, вот прямо как сейчас.

— Лаки, если ты стоишь, то лучше сядь и положи руки на стол. Я захожу и у меня наготове оба ствола.

— Зачем? — удивилась Лаки уже не с набитым ртом.

Сейчас увидим, зачем.

Она сидела с включенным светильником, закрепленным над крохотным столом её крохотной кухоньки. Смотрела на меня, вся такая удивленная, в домашнем платье и салфетке под горлом. Прямо-таки примерная хозяюшка, соблюдающая приличия даже при своем одиноком… ланче.

Так и было, если бы не «но». «Но» краснело свежей кровью, заляпавшей нижнюю часть лица и ту самую салфетку. И даже столовые приборы, а Лаки сидела с вилкой и ножом, прямо текли багровым.

Она жрала крысу. Жирную подвальную крысу, причем уже вторую. Третья, хвостик третьей, валялся на полу вместе с разодранной шкуркой. Эту, судя по всему, Лаки съела прямо на ходу, поднимаясь из котельной.

— Тебя видел кочегар?

Она замотала головой и повертела правой рукой с краснеющим шрамом. Почти затянувшимся.

— Я все за собой уберу. Мне просто надо поесть, Кроу. Я…

Интересно…

Пришлось подтянуть стул и сесть напротив нее, на удивление смущенно хлопавшей глазками.

— Хватит играть, Лаки. Я тебе не дурень из бара, чтобы строить милую кроху, ни разу не сидевшую наедине с мужчиной. Приятного аппетита, кстати.

— Спасибо, ты такой воспитанный.

Лаки, чуть разозлившись из-за очередного не сработавшего приворота, сросшегося с ней воедино, демонстративно потянула на себя что-то красное и блестящее, тянущееся за вилкой.

— Был бы благодарен, если бы ты перестала есть. Мне нужно кое-что узнать.

Она возмущенно пожала плечами и уставилась на меня очень, очень-очень, зло. Ая-я-яй.

— Задам вопрос, дорогая. Я закурю, ты же не против?

Лаки что-то там пробурчала с набитым ртом. Она глотала уже не жадно, но явно была голодной. Интересно…

— Скажи-ка мне, милая и сильная Лаки, крутящая своими… клиентами, как тебе хочется, почему ты жрешь, именно так и не обижайся, крыс? Мне кажется, что ты не, э-э-э, питалась уже с неделю. Ну, судя по голоду и кровище, ведущей напрямую к тебе.

Лаки смотрела в сторону, совершенно по-человечески. Если бы не красное, заляпавшее ее почти с головы до ног, то прям как будто поймали на краже сладостей из буфета у бабушки.

— Меня узнали, и я решила залечь на дно.

Врет. Врет, не краснея, если сейчас можно применить такую

метафору.

— Не вешай лапшу мне на уши, Лаки.

— Что?!

Да, иногда я забываю о разнице в воспитании, месте и дате рождения. Сленг и остальное, оставшееся со мной из Дома, иногда становятся непонятными всем вокруг.

— Не лги. Твои клиенты не помнят тебя. Кто-то из настоящих мормолик, обративших тебя по какой-то причине, кастрировал тебя во многом. Но научил забвению тех, кого ты не убиваешь, насыщаясь. Тебя не помнят. Лаки, ты боишься выходить?

Не знаю, что заставило меня задать этот вопрос. Гребаная интуиция, не иначе… и чутье, доставшееся от демона, затащившего меня сюда. Бинго, я попал в точку, если верить сразу расширившимся глазам, уставившимся на меня. Говори, Лаки, говори!

— Боюсь, Кроу. Не только я… Ночью что-то случилось, мы чувствуем.

— Ночью убили одну из Старых. Убили страшно, принесли в жертву. Но ее убили сегодня, Лаки. Сколько ты сидишь дома?

Она сглотнула. Ну?!

— Две недели… с половиной… почти три.

Твою-то мать! Значит, и это уже точно, убийца выходил или выходила на улицы с месяц, а мы не знали. И где-то, совершенно потеряв человеческий облик, нас ждет сюприз. И не один.

— Слухи или еще что-то? Ваши молчат.

Лаки вытерла краешек рта. Поджала губы, опять на миг став человеком. И решилась.

— Я видела что-то, мне даже пришлось драться и убегать. Я бы не справилась с ней.

С ней?! Ох, Лаки, девочка моя, ты не поверишь, насколько ты смогла помочь.

— Сейчас, Кроу. У меня кое-что есть.

И я остался ждать, пусть и недолго. Лаки вернулась, протягивая самый обычный лоскут какой-то ткани. Так… Плотная ткань, темно-синяя, смахивающая на рабочий комбинезон. Запах, какой-то странный запах. Я втянул его, сильный, сладковатый и глубокий, распадающийся на оттенки даже спустя две недели.

— Я случайно уцелела, заметила движение сзади и попыталась отбиться. Убежала, и только дома поняла, что оторвала вот его.

Лаки смотрела в стену.

— Странный запах, духи?

— Восточные благовония.

— Восточные?

Лаки хмыкнула:

— Поверь, Кроу, уж кому-кому, а не дешевой шлюхе в этом можно поверить. Это «Иранская яшма», дорогой аромат, его нечасто можно найти в городе.

Я закурил еще одну, смотря на ткань. И задал вопрос, из-за которого ехал.

— Где мне искать человека, совсем мальчишку, прячущегося от всех и знающего о Ночном городе. Китайца, Лаки. Чоу всегда прячут своих, а если свой не хочет попасться именно им? Куда он может удрать? Ты не знаешь такого места?

Она улыбнулась. Странно, но я порадовался.

— Знаю, Кроу. Только тебе туда просто так хода не будет. Только со мной.

Интересно…

— Так поехали.

Глава девятая: ставки, ночные жители и мягкое золото

Мастер ножа не достает его просто так? Не верьте, все люди разные, даже если они не совсем люди. Иной умелый ухорез просто обожает играться с ножом, а тот и рад слушаться. Это даже красиво, когда острая полоса вдруг превращается в змею, мелькающую среди пальцев, перетекая из руки в руку и норовя ужалить.

Мастер ножа, лихо вращающий своих стальных дружков, порой круче фокусников или жонглеров. А смотреть на него интересно и здорово. Если, конечно, не стоишь напротив, без ствола в руке, а вокруг гомонит, ругается и пьяно дышит толпа, ждущая твоей крови. Вот тогда совсем не весело. Но что тут сделаешь?..

— Сейди, дай мне шефа.

Трубка мягко хрипнула томным вздохом Сейди и я почти уловил запах папирос.

— У него СиКей, мой дорогой…

Ясно.

— Скажи, что мне нужно съездить по делу той девочки, есть зацепка. Если не появлюсь завтра утром — начинайте искать.

— Где?

Очень верный вопрос, моя дорогая, но знать бы — где… а я не знал.

— Не знаю, Сейди.

— Может, приедешь, Алекс?

Ого! Неужели мои дела со стороны так плохи, что Сейди переживает по мою душу? Если секретарь босса зовет тебя по имени, то причин для того немного. Вернее, всего две: ты в черном списке или ты ей близок. На плохих людей, разумеется, наплевать.

— Спасибо, Сейди, но… Я не хочу упускать момента. Есть шанс, надеюсь, оно того стоит.

— Удачи, Кроу. Проверь патроны.

Уже проверил, милая Сейди, но все равно — спасибо. Удача мне, возможно, не повредит.

Лаки наводила красоту, совершенно как обычная женщина. Я знаю, как она умеет меняться на глазах, без помощи косметики, без всяких пудр, мягких кисточек, туши, помады и остального. Ей достаточно пожелать и вы не устоите, уж поверьте. Нельзя

устоять перед влечением к голодной эмпузе, оказавшись рядом с ней и не понимая — кто перед тобой. Точно вам говорю.

День клонился к концу, серость за окном не мешала выбраться и раньше, но торопиться не следовало. Лаки не объясняла, но и так понятно: если она прихорашивается, то место там злачное и людное. Если «людное» можно отнести к Старым и их последышам со слугами.

Возможно, Сейди права и стоило заехать в участок, взяв пару ребят на помощь. Но… Лаки отказывалась светиться перед нашими, пусть и знал про нее только кэп. Появись там с ней и все, никакого визита в неизвестное раньше место. А так… а так у нас с Лаки какой-то новый уровень доверия и это хорошо. Скажи мне кто там, Дома, что стану радоваться возникающей дружбе с кровопийцей, годящейся мне в прапрапра… бабушки, я б посмеялся.

Еще одной причиной не щелкать клювом посреди коллег в 13, была СиКей. Вернее, одна из представителей Службы Контроля, нежно обожаемая и горячо любимая очаровашка Агнесс Роецки. Заноза, вдруг возникшая в моей любимой ноге и, еще не появившись, отравляющая настрой и настроение.

Миз Роецки, светловолосая и прозрачно, по-славянски, глядящая на мир своими светлыми изумрудами, самая настоящая стерва. Уж поверьте, она просто эталон стервозности во всем, что относится к ее ведению. Плюсом идет её несомненная нелюбовь к Старым, горячо отдающая взаимностью с их стороны. Старые, знакомые с Роецки, мягко говоря, детектива в юбке не любили. Хотя, как раз в юбке Роецки мне не доводилось видеть ни разу.

Именно так, мир, где меньше века назад подписали Договор, порой отличается от моего… бывшего моего, весьма и весьма. Суфражистки там, Дома, только начинали перерастать во что-то другое, а в Ночном городе в моду уже год как вошли женские брючные костюмы. Не сказать, что эдакое революционное веяние сильно радовало большинство.

Наш кэп, помнится, провожал ту самую Роецки, заявившуюся в участок, странно наполненными глазами. В них, влажно блестящих глазах настоящего ирландца, мешалось разное. Горе и плач по миру, явно стремящемуся к давно предсказанному Апокалипсису. Неверие в случившиеся, растоптавшее в труху все постулаты, полученные кэпом в детстве. Боязнь и переживания за собственную личную жизнь в случае, если миссис О`Браейн таки решится больше не носить свои прекрасные платья, подчеркивающие порой, о времена, о нравы, даже её икры.

Мы понимали, старались не выводить старика из равновесия еще больше и больше всех преуспела Сейди, за неделю

сменившую пять нарядов, делая и занося в его кабинет кофе каждый час. На четвертый день кэпу пришлось звать врача, понижать давление и отправлять домой отдыхать. А мы мягко намекнули Роецки о недопустимости нарушения функциональности 13 из-за чьих-то сбывшихся мечтаний. Думаете, сработало? Держи карман шире, наша изящная стерва решила добавить в костюм жилетку и галстуки поцветастее.

Но главное тут другое. Роецки, впрямь, искренне ненавидела Старых, умудряясь при этом работать в СиКей. И заметь она меня, если появилась, вцепится клещом и все, пиши-пропало, не видать мне нового тайного места Ночного Города.

— Кроу, может, мне стоит пользоваться накладными ресницами? — поинтересовались за моей спиной. — Как ты думаешь?

— Думаю, ты прекрасна, Лаки. — сказал я, наблюдая крайне любопытное свидетельство разности двух миров по телевизору, большому напольному «Филлипс» с небольшим черно-белым экраном.

Свидетельство занимало меня куда больше, чем внешность Лаки, и без того безупречная после смытой крови. Когда Лаки трепыхает ресницами, строя глазки глупенькой красивой дурочки, ее сразу хочется защитить не меньше, чем трем мужчинам в радиусе пяти-семи футов. Так и кажется, что ресницы взмахнут крыльями и взлетят, угу.

— Ты просто невоспитанный мужлан, Кроу, — констатировала эмпуза и отправилась примерять комбинацию. Да, само собой Лаки шлялась по квартирке в чем мать родила, в который раз играя со мной в игру.

Я потрогал медальон, висящий на груди и приобретенный как-то по случаю. Хорошая штука, спасает от многого в Ночном городе. Я бы порекомендовал кэпу выбить деньги на закупку таких штук всем, включая его обожаемых патрульных. Эмпуза старалась зря, явно подозревая о небольшом кругляшке на моей груди, но стараться соблазнить меня — не переставала.

Когда в ее спальне зашуршали шелк с атласом, я вернулся к свидетельству различия. А вы, скажите не милость, упустили бы возможность рассматривать российскую культурную делегацию, включавшую Есенина с Маяковским?!

— Я готова! — мягко и ненавязчиво поведала Лаки спустя рекордные полтора часа с начала примерки, а за окном тем временем стемнело.

Я, понятное дело, был готов всегда, в любое время дня и ночи. Вытерев слюну, тянущуюся к креслу, так мягко приютившему меня, закурил и прищурился, рассматривая её.

— Кроу, — Лаки совершенно по-человечески вздохнула, — нам пора. Поднимай свою ленивую задницу и поехали. Ты не накидал, по своему обычаю, полную машину мусора, да-а-а?..

Моросило. Проклятая осень, как по чьему-то заказу, настырно продолжала поливать город мелким промозглым дождем. То сильнее, то слабее, но постоянно в одном — не прекращаясь.

«Паккард», отдыхавший от моей персоны, явно застоялся. Он катил вперед так уверенно и хорошо, что я даже смог ощутить себя настоящим водителем. Лаки сидела сзади, как полагается даме и ворковала, указывая направление. Она могла не крутить хвостом, место назначения стало ясно достаточно быстро. И я даже не удивился.

Мы ехали в старые доки. Такие места есть везде, где присутствует порт, а уж в Нью-Йорке порт не просто присутствовал. Портовое Управление города иногда считается второй властной силой, порой вступающей в конфронтацией с мэром и его командой. А как еще, если им принадлежит куча земли, надзор и строительство мостов, не говоря о тоннелях? Плюс грузы, иностранные суда, таможня, находящаяся на их территории и даже свой собственный отдел полиции, не считая службы безопасности?

И уж где-где, а у них хватало зданий, пустырей и прочего, и выделить за… деньги, услугу, покровительство немного Ночному Городу? Совершенно не вопрос. Осталось только понять — где и что именно находится из нужного мне? Но этот вопрос я надеялся решить очень скоро.

Старые города иногда коварны. Они прячут в себе дороги с тропами, обросшие улицами, но забытые и редко пользующиеся. Какие-то опасны из-за разваливающихся домов, какие-то из-за стай собак, какие-то из-за… из-за тех, кто в основном живет ночью. Долго или коротко, но их начинают обходить стороной, дурная слава круче любых предупреждений от администрации или объявлений в газетах.

Сегодня мне даже немного повезло. Нам с Лаки не пришлось ехать на Стейтен-Айленд или даже в Джерси. Маячащая Либерти, светящая факелом, настойчиво виднелась впереди. Терминалы Южного Бруклина ждали нас, а я и не отказывался. Пока неизвестные мне убитые девочки заставляли самому искать опасность. Мои стальные друзья со мной, заряженные серебром и свинцом, так что… Так что я сделаю все, что нужно и найду кого надо. Мое дело — сталь и свинец, и я его люблю.

Свет фар прыгал между темными прямоугольниками складов, пакгаузов и каких-то совершенно непонятных развалин. И уперся

в глухую кирпичную стену, судя по кладке — конца прошлого века.

— И?

— Вперед, — сказала Лаки, — не бойся, Кроу.

Вот же черт… «Паккард», фыркая, наверняка соглашался с моими мыслями, ехать прямо на кирпич машине не хотелось. Но куда деваться?

Серое, царившее вокруг, сменилось мгновенной полной темнотой, тут же закончившейся. Ночной город прятал свои тайны умело, пользуясь мастерством и умением некоторых своих обитателей.

— Ты же знаешь, что меня ждет, если сдашь? — поинтересовалась Лаки.

Знаю, дорогая, не переживай. Я кивнул и не стал отвечать.

Иллюзия, наведенная на проход, ведущий к приземистому дому, явно стоявшему тут еще при Вашингтоне, не разрешена. Точно могли бы установить лишь эксперты СиКей, но тут использовалось какое-то темное колдовство. То самое, что легко превращалось во что-то более темное, чем сам морок, наложенный на казино Ночного города, стоявшее прямо передо мной.

Сдай я Лаки и ей не поздоровится, причем, в прямом смысле. Моя подружка исчезнет, но не спрячется в очередной раз, а исчезнет раз и навсегда. Старые нарушали законы также, как люди, и, также как люди, не любили стукачей. Я появлюсь здесь в компании Лаки, как до меня, наверняка, здесь уже побывали шишки из администрации, чины из Портового управления и прочие обычные люди. Все они молчат, раз я никогда не слышал про это место. Теперь придется молчать и мне, детективу 13 участка, и все ради одной единственной кровопийцы. Черная ирония судьбы.

На парковке, ничем не огороженной, торчало немало авто. От потрепанных «фордов» и редких такси, где среди водителей не виднелось людей и до нескольких дорогих моделей. По-моему, среди них виднелся тот самый «призрак», виденный мною в мастерской дворфов.

— Я открою.

Лаки, на удивление, дождалась. А когда ее рука в перчатке оказалась в моей, стало ясно — она боится. На самом деле боится.

— Тебе нужно найти Латифа. Это полукровка, хозяйничающий в доках. — Лаки шептала мне на ухо, полуобняв. — Когда кто-то хочет скрыться, он бежит в порт, к Латифу. И уходит с первым же кораблем.

Все верно, кораблем уйти порой проще, если знаешь, к кому обратиться. Дорог из города не так много и, готов спорить, люди Мен Хва сейчас осадили каждую, наверняка заплатив копам для усиления осмотра любого подозрительного авто. И, плюс, шерстят округу, рассадив секреты как лук-порей в ящик на подоконник.

— Как он выглядит?

Лаки виновато прикусила губу:

— Я ни разу его не видела, только слышала.

Ох, дела-дела…

— Хорошо. На всякий случай — оказавшись внутри мы расходимся. Одна ты сможешь уйти, если случится заварушка. Можешь уйти почти сразу, если не боишься привлечь внимания. Если не захочешь — просто держись подальше, Лаки. И спасибо тебе.

— Тебе спасибо. — сказала она серьезно. — Найди эту тварь. И убей ее, Кроу.

А разве кто-то собирался тащить сумасшедшую убийцу в камеру? Может, кто и собирался, но это не ко мне. Убивающий из неделю в неделю не успокоится, а остановит его… её, только маленькие подружки Кроу, прячущиеся в магазинах моих пистолетов.

— Вы у нас в первый раз? — поинтересовался крепкий детина на входе. — Мисс я помню, а вас — нет.

— В первый.

— Это заведение рода Хьорна. — продолжил он. — Мы не обыскиваем, если нет причины. Мы не одобряем применение оружия, здесь правила рода Охотника. Мы не мешаем поединкам, если они честные, таковы правила…

— Рода Хьорна-охотника, я понял.

— Хорошо. И — добро пожаловать в «Эльдорадо».

Господь милостивый, какая безвкусица! Не название, а какая-то чушь. Такая, знаете, пузатая и надутая из поддельного золота, блестящего куда там мягким переливам настоящего драгоценного металла.

Дом оказался настоящим дворцом, внутри, само собой. Он не казался здесь больше, он таким и был. Несколько огромных залов, соединенных в единое пространство, переливающееся мягким светом ламп, женским смехом и запахами дорогого алкоголя. Ночной город любил красиво жить и не стоило его осуждать.

Рулетка, столы для покера и прочих игр, включая кости. Здесь делали ставки, совершенно непонятные простым работягам города и просаживали состояния. Такие места одинаковы, пусть это и находится в тени Ночного города. Старые азартны не меньше людей, если не сказать, что больше.

Сцена в дальнем конце, настоящая концертная сцена, где сейчас весело пели саксофоны и невысокий щуплый артист, со стороны напоминающий смешную голенастую птицу с хохолком. За ним, весело покачивая вырезами с разрезами, совершенно точно наказуемых согласно Уложения о морали с нравственностью, выбрасывали вверх и в сторону свои точеные ножки самые настоящие альвы. Простые кочевые альвы, все больше оседающие в городах и меняющие свободу на достаток из-за собственной красоты.

Три зала, да, точно. Три высоких и длинных помещения с отдельными комнатами, кабинетами и прочими альковами, мягко блестевшими начищенными петлями с ручками дверей. Снующие официанты в бело-черных парах, девочки-разносчицы, торгующие сигаретами, шоколадом и крохотными букетами, несколько явных распорядителей, важно прохаживающихся в самых настоящих фраках.

Посетители бурлили настоящим калейдоскопом, мешая в нем всё и вся. Низкие дворфы гудели возле карточных столов, ставя на кон серебряных мексиканских «орлов» и собственные золотые прямоугольники старой чеканки. Альвы, глядящие на всех, как на низкородный скот, лениво тянули вино, высматривая партнерш среди женщин. Коллеги-родственницы Лаки, три замеченные штуки, собирали вокруг человеческих мужчин.

Одиноко переливаясь чернющими перьями, в смокинге и с красно-эмалированным крестом на ленте, за столом для виста сидел незнакомый Ворон в монокле. Агатовый глаз уставился на меня, Ворон незаметно скрипнул и остался сидеть. Но меня Ворон узнал, это точно.

И полукровки. Полукровок в Ночном городе много, они и есть Ночной город, создания тьмы и, очень редко, света. Их нечасто отличишь от обычных людей, а от своих Старых предков или родителей им порой достается самое настоящее уродство.

— Я… — Лаки вдруг странно вздрогнула, уставившись в толпу, гомонящую у предижистатора, вытаскивающую доллары из-за ушей зевак. Фокусница блестела цилиндром, карими глазами, черными волосищами до задницы и ей самой. Фрак плавно переходил в трико, обтягивающее ее прелести туго и ничего не скрывая. Само собой — нарушая все положения Уложения о морали с нравственностью.

Так, Лаки явно привлекла не эта девица, а кто-то еще. И, сдается мне, объектом вздрагивания Лаки был обычный прожигатель жизни с Уолл-стрит, с волосами, блестящими от бриолина и тонкими усиками. Он смотрел на Лаки, прикусив губу и недвусмысленно показывал на один из кабинетов неподалеку.

Вот так, значит…

Лаки, нетерпеливо облизавшись, виновато покосилась на меня. Детка, ты сделала свое дело, займись теперь собой. Постоянный клиент, расплачивающийся не только деньгами, но и кровью? Так и есть, судя по жадным глазам эмпузы, просящим меня отпустить ее.

— Спасибо. — шепнул ей я и пошел в единственно верное место, ждущее меня. В бар.

Бармены знают все. Но расскажут тебе ровно столько, сколько захотят. Но деваться точно некуда, хотя вариант подходить к каждому и спрашивать — не он ли Лафит, я не отвергал.

За стойкой, всегда наготове, стояла троица чернокожих ребят, похожих как яйца одной курицы. Ближайший, отличающийся от собратьев крохотной и переливающейся серьгой в ухе, незаметно оказался рядом.

— Бурбон? Текила? Ямайский ром? Что-то особенное?

Люблю понятливых ребят, ждущих наводящего вопроса и спокойно предлагающих свой товар.

— Выпей за мой счет. — Я положил на стойку пару долларов. — Мне нужен совет, приятель.

Долларов на стойке как-будто и не было, а джимми вдруг моргнул, сперва обычными веками, потом второй парой. Полукровка, что еще тут сказать?

— Ваш совет, что вы ищите, должен быть здесь?

— Возможно. Его звать Лафитом.

Бармен, незаметно все же налив мне стопку, опрокинул ее в себя. И подмигнул, одним глазом глядя на меня, а вот вторым скосив в сторону одного из карточных столов:

— Ваш интерес — чистое золото, сэр, уж поверьте мне.

Я незаметно посмотрел в нужную сторону. И узнал Лафита с первого взгляда.

Ему только что не повезло и выигравший почему-то вжался в стул. Лафит молчал, буравя его взглядом, постукивал острыми зубами и ярко-рыжим хвостом с белым кончиком. Да, в Ночном городе есть не только Вороны и их древне-благородный клан. В Нью-Йорке, где мне пришлось жить и служить, есть не менее древние и благородные Лисы. Ну, во всяком случае они считают, что именно так. Мы, да и многие другие, причем не обязательно копы, думают совершенно иначе.

Лисы всегда остаются лисами, пакостными, злопамятными и опасными сволочными зверюгами, хитрыми пройдошистыми бестиями, так и ждущими — как бы похрустеть вкусной курочкой. Даже если сами Лисы почти семь футов ростом, ходят на задних лапах, а курочек предпочитают вкушать вилкой с ножом. Да, и

непременно на фамильном фарфоре.

Лафит успокоился и как раз махнул моему бармену, явно желая приглушить расстройство из-за проигрыша. Как раз вовремя, я бы сказал.

— Две порции его любимого пойла, пожалуйста.

Бармен выставил две рюмки с чем-то зеленоватым. И показал два раза по пять пальцев.

— Абсент?

— Нет, что вы. Лафит предпочитает шартрёз.

Чертов гурман, любящий монастырское пойло, почему-то обзываемое ликером.

— Спасибо.

Я повернулся и уставился прямо во внимательные лисьи глаза, рассматривающие меня с ленцой и профессиональным вниманием мясника, глядящего на свежепривезенную свинку. Пока еще живую свинку.

Этот Лис оказался чёрнобурым.

— Ба-а-а, — он перекинул, из одного уголка рта в другой, золотую зубочистку, — запахло легавой. Самой настоящей легавой, интересующейся моим братцем.

Что-то кольнуло меня пониже пупка. Хотя, почему что-то, когда это вполне ощутимый и хорошо наточенный узкий нож? Нож, удерживаемый крайне умелыми пальцами. Раз — нож блеснул рыбкой и пропал. Два — и тут же вернулся. Красота, честное слово…

Мастер ножа не достает его просто так? Не верьте, все люди разные, даже если они не совсем люди. Иной умелый ухорез просто обожает играться с ножом, а тот и рад слушаться. Это даже красиво, когда острая полоса вдруг превращается в змею, мелькающую среди пальцев, перетекая из руки в руку и норовя ужалить.

Мастер ножа, лихо вращающий своих стальных дружков, порой круче фокусников или жонглеров. А смотреть на него интересно и здорово. Если, конечно, не стоишь напротив, без ствола в руке, а вокруг гомонит, ругается и пьяно дышит толпа, не обращающая на вас никакого внимания. Вот тогда совсем не весело. Но что тут сделаешь?..

Глава десятая: взвешенные слова, немного обоюдной неприязни и чёртовы фрицы

Некоторые любят боль. Это правда, даже среди моих знакомцев с знакомыми есть любители смачно получить по заднице хлыстом, краснеть от воска, капающего на соски и хрипло сопеть после тугого связывания. Но это их дело, да и боль у них… Немного ненастоящая.

Настоящая разрывает тебя тройным рыбацким крючком, прижигает горящим веником по живому и скрипит по кости ржавой пилой. Вот это — настоящая боль, мать её…

— Решил нарезать торт? — я убрал взгляд от ножа. — Или ты им чистишь ногти?

— Ух… — протянул чернобурый. — Экий храбрая у нас легавая, надо же. Мой братец желает пообщаться, пёс. Ты же ему не откажешь?

Смотрите, какой уверенный в себе тип, а? Я чуть поднял крепкий, хоть металл травить, зеленый ликер:

— Я к нему и собирался. Проводишь, взяв под руку? Так я не красотка, мне такое не польстит.

— Если хочешь, — чернобурый перекинул зубочистку, прикусив с уловимым треском, — могу ускорить, легавый, как буйволов — чем-то острым в задницу.

Мериться длиной и толщиной мне уже надоело, но терять лицо перед Старым, торча перед ним безоружным прямо посреди кучи полукровок и прочих его братьев с сестрицами, да еще в месте, куда людям нет доступа? Увольте, это не ко мне. Осталось найти способ не стушеваться и решить вопрос взвешенно. Смелость и дурость — не одно и то же, а нож у Лиса острый. Даже чересчур.

Случай пришел сам.

— Давай его сюда! — донеслось со стороны стола. И Лафит, мягко встав, тут же оказался подальше, за столом между двух перегородок. Эдакое уютное гнездышко, чтобы пошептаться. Чернобурый оказался не один, двое самых обычных людей-наемников уже подпирали дерево, обшитое тканью, не подпуская никого близко.

— Еще встретимся, легавая, — чернобурый подсыпал яду напоследок, — пока иди.

Спорить не стоило, тем более, что с Лафитом и его людьми мне стоило говорить. А уж никак не драться, доказывая собственную силу. Да и не знаю, как обернулось бы дело, схлестнись мы с чернобурым.

Лафит дымил сигарой, скучно рассматривая меня. Можно, наверное, прожить в Городе всю жизнь, но так и не привыкнуть к кое-кому из Старых. К тем же Воронам или, вот, к Лисам. Гибко-опасным, высоким и тонким рыжим, хотя и не только, хитрым ублюдкам. Таким, как Лафит, соблаговоливший допустить меня до своей особы.

Он переливался червонным золотом, топорща жесткие усы над белой шерстью морды. Из белого у Лафита оказалась она да кончик хвоста. Хотя наверняка говорить не стоило, Лис сидел напротив в отличном костюме-тройке в мелкую полоску и даже с галстуком, не разглядишь.

— И что привело легавую ко мне в гости? — Лафит покрутил протянутый тумблер и отпил. — Бармен подсказал?

— Просьба о помощи. Да.

Лафит перекатил сигару по рту и прищурился. Смотрелось это поразительно — огромный лис, щурившийся на меня.

— Не обижаешься на легавую? Мой братец не сильно тебя… подколол.

— Пока не обижаюсь. — Я сам хлебнул его любимого пойла и постарался не морщиться. — Не сильно. Мне кажется, тебе стоит кое-что понять, Лафит.

— И что же именно, детектив…

— Меня зовут Кроу.

Лафит расплылся в пакостной ухмылке:

— Надо же, мы с братцами слышали про тебя, легавая.

Сложно быть лисом, пусть и огромным, умным Старым лисом и не любить охотничьих собак. Я его даже понимал, чуть-чуть, самую малость.

А он явно решил взять разговор в свои лапы. Украшенные, кстати, вполне красивыми перстнями.

— Так что мне стоит понять, Кроу?

Я наклонился вперед, доверительно подмигнув:

— Я ни хрена не братец Кролик, лисичка…

Наверное, не стоило приставлять «астру» к его яйцам. Наверное, это даже было бы чересчур. Но он меня немного достал. Хотя его братец Чернобурый, слегка задержавшись, тоже успел кое-чего достать, стоя прямо надо мной и уперев нож мне в горло.

— Говорят, Лис, что мертвое дело успевает сделать несколько движений. Ну, ты же наверняка грыз в курятниках больше кур,

чем требовалось. Ради потехи, да? Они же бегали без головы?

Лафит снова расплылся в ухмылке:

— А он точь-в-точь такой, как о нем говорили, верно, братец?

Наверное, что чернобурый кивнул, ведь нож чуть дернулся, проколов мне кожу.

— Какая-то странная ситуация, — сказал я, глядя в медово-желтые глаза Лафита, — мы как в кино про парней с револьверами и мексиканской дуэлью.

— Это когда все понимают, что сейчас сдохнут, но не убирают стволов, на что-то надеясь?

— Ну, в целом — да. И мне очень хотелось бы, чтобы наши переговоры все же состоялись. Зря, что ли, я приперся сюда ради встречи с тобой?

— Конструктивно, — заметил Лафит, — он мне нравится, братец. Убери-ка железку от его шеи, а то мы уже привлекаем внимание.

И он помахал кому-то рукой:

— Нет-нет, это всего лишь дружеская забава, мы не собираемся выяснять отношений!

Нож исчез. И мне, как бы не хотелось обратного, пришлось убрать «астру» на место.

— Ты не робкого десятка, Кроу? — Лафит хмыкнул и затянулся. — Ладно, человек, стоит уважить храбрость легавого, пришедшего сюда на свои страх и риск. Выкладывай.

Я выложил, стараясь быть убедительным и совсем даже не просителем. С такими, как Лафит, нельзя показывать слабину.

— … ты поможешь мне, а я, такое же все равно случится, тебе, Лафит. Всего лишь намекни, где мне искать мальчонку-китайца, ищущего помощи у тебя. Все в плюсе, ты ничего не теряешь, а лишь получаешь почет и уважение. Понимаешь?

Лафит, все это время внимательно слушавший подперев морду лапой, задумчиво покивал.

— Гладко, сладко, с вложенным смыслом, — он выпустил красивое колечко дыма, — но ты, Кроу, кое-чего не понимаешь.

— Чего именно?

— Если я помогу тебе, то пойдут слухи. Они пойдут, уж поверь моему опыту. Скажут — Лафит продался легавым, Лафиту нельзя доверять, он потерял хватку и сдал человеческого ребенка 13 участку. Знаешь, что это будет означать для меня и моей немалой семьи? Всем моим дедушкам, бабушкам, красавице Шарлотте, моей супруге и всем нашим с ней двенадцати отпрыскам?

Ясно. Все сразу стало ясно, и то, что он ничего не скажет, и то, что из следов у меня остался только запах чертовой «Иранской

яшмы». Чертов Старый с его новыми гангстерскими понятиями о криминальной чести.

— Но! — Лафит оттопырил рыже-золотой палец с острейшим черным когтем. — Я дам тебе кое-что, детектив Кроу и ты останешься мне благодарен. Ровно тот результат, что ты только что так красиво описал, так красиво, что мне захотелось обнять тебя и пригласить в гости Ты любишь пироги с ревенем? В этой варварской стране их умеет делать только моя прекрасная Шарлотта.

— Я люблю блины, Лафит. — Было жаль потраченного времени и несбывшихся надежд. — Но благодарю за приглашение. Так что же ты хочешь мне всучить вместо необходимого?

Лафит подмигнул и отвернулся, окутавшись дымом. А Чернобурый, стоящий все также рядом, зашептал, очень странно и тихо, но так, что мне слышалось каждое слово:

— Мы ждали кого-то из вас, легавые. Нам тоже не нравится кровь на улицах, но лезть в это мы не станем. Мы думаем, что убийства и пропажа кое-кого из Старых связаны. Вам никто этого не скажет, но Старые пропадают. Иногда полностью, иногда оставляя куски от себя. Выпотрошенные туши, откуда извлекли все нужное. Старое негритянское кладбище, Кроу, тебе нужно туда. Это все. Уходи.

Лафита напротив уже не оказалось. Он ярился и плевался слюной за карточным столом, умудрившись не пропустить раздачу. А когда я оглянулся, рядом уже не было Чернобурого. Вот такие вот дела…

— Уже уходите? — поинтересовался детина у входа, переместившийся внутрь.

— Да, вспомнил, что поставил вариться суп и не выключил конфорку.

— Доброй ночи, детектив Кроу.

Я ему не ответил.

Морось чуть утихла, зато ветер пробрал сразу до костей. Я поднял воротник, надвинул шляпу поглубже и отошел в темноту, нахохлившийся как мокрый ночной сыч. Козырек, опоясывающий «Эльдорадо» по всей длине, лениво ронял капли, но стоять было можно.

«Лаки» хрустнула, занимаясь от огонька, я затянулся, вдруг поняв — ни разу не закурил, пока был внутри. Нервы, напряженные с самого входа в казино, потихоньку расслаблялись. Разговор с некоторыми из Старых никогда не бывает «просто так».

А уж с Лисами, по хитроумию, жестокости и кровожадности легко дающих фору макаронникам, так тем более.

Да, что-то прояснилось… Например — простой ответ на вопрос «а не видели мальчишку-разносчика?». Ответ меня не устраивал, но ничего не поделаешь. Зато Лафит подкинул информацию по поводу странных событий, происходящих в Городе и связанных со Старыми. Мы рыли носом в убийствах, а пропустили киднеппинг. А ведь… А ведь, если вдуматься, Старые, живые и целые, либо мертвые и по частям, очень ходкий товар. И вряд ли речь шла о китайской нетрадиционной медицине, с их толченым носорожьим рогом, моржовой половой костью или печенью тигра. Нет, это все не то…

Стоило побыстрее сваливать, не дожидаясь, пока у Лис вдруг переменится настроение. Старые с хвостами — совсем как обычные их сородичи, причем, во многом. А лисы, если кто не знал, крайне склонны к бешенству.

Машина виднелась в свете одиноко горящего фонаря. Шлепать по лужам — та еще забава, но здесь вам не аккуратное покрытие и даже не брусчатка. Парковка была засыпана обычным гравием, просевшим над землей, раскисшей от недельного дождя.

Если бы моросило сильнее, то вряд ли что услышал. А так…

Иногда интуиция подсказывает что-то в самый неподходящий момент. И только твое дело — слушаться, либо считать странный позыв глупостью. К своим «немного за тридцать» вроде выучился поступать правильно. И не обращать внимания на чужие косые взгляды, порой считающие меня за полного придурка.

Я шарахнулся в сторону, поглубже в темноту и под защиту того самого красавца-«призрака». Ударился коленом, порвав брюки и явно распоров кожу, проехался ребром ладони, стараясь удержаться. «Астра» уже оказалась в руке, когда грохнул первый выстрел.

Зеркало «призрака» разлетелось, блеснув алмазами крошева. Я вжался в дверку, стараясь понять — не ошибся ли, когда слышал звуки с двух сторон?

Не ошибся.

Второй стрелок ждал с другой стороны, и стрелял чуть хуже. Пули простучали по металлу, хрустнули стеклом и кто-то влажно хрипнул.

«Водитель, — подсказала моя совесть, — у такой машины всегда есть человек за рулем, ждущий хозяев».

Разбираться — кто стрелки, выследили меня или их кто-то позвал — стоило потом. Сейчас требовалось выжить, а это казалось сложным. Пусть второй и не отличался меткостью первого, но в рогатку они меня взяли четко. Пока — не

высунуться.

И, да… у входа в «Эльдорадо» было пусто. Никого, ни одного секьюрити или вышибалы. Как вымерли, не появляясь на самые обычные выстрелы. Дела, так дела.

Со стороны первого, прятавшегося в полной темноте, раздался шорох. Парень начал двигаться, явно желая поставить точку в такой странно-неприятной ситуации. Хорошо, умник, двигай сюда. Стрелок ты отличный, а вот терпения не хватает, в отличие от товарища, пока никак себя не проявившего. Рвешься добраться до Кроу и прихлопнуть, заработав какие-то непонятные мне очки? Ладно, как хочешь, поиграем.

Последний фонарь потух, погрузив парковку в полнейшую темноту. Небо, затянутое тучами, никакого света, ведь вывеска, только-только переливающаяся яркими красками, вдруг тоже отключилась. Зато заскрипели тяжелые ставни, подозрительно напоминавшие себя же, но только с приставкой «ролл». Таких здесь пока не водилось, но это в нормальном Нью-Йорке, а в Ночном городе — все возможно.

Зато кое-что стало совсем ясно.

Мы, трое или, что было бы совсем плохо, теперь самые настоящие звезды спортивного соревнования. Эдакого, знаете ли, боя без правил, поединка ганфайтеров, как на Диком Западе. Ну, разве что в полнейшей темноте, со спрятавшимися зрителями всех мастей и в неравном положении. Сволочи Старые, не зря я их не люблю… Пусть и не всех. Все равно скоты и сволочи, неожиданно получившие гладиаторский бой и решившие насладиться им на всю катушку.

Со стороны второго щелкнуло осторожным выстрелом, заставив крадущегося товарища остановиться. Он на самом деле замер, не давая мне уловить точного места своего нахождения. А я… а я не торопился стрелять, как и он сам. Выпали первым, так выпустишь заряд в пустоту, зря сожжешь патрон. И выдашь себя, вспышкой и звуком. Глаза еще не привыкли, бежать не выйдет, и он это понимает. Станет палить в ответ и может попасть.

Так что… так что ждем.

Нет, не помощи откуда не возьмись и уж, тем более, не со стороны посетителей казино. Лаки, надеюсь, уже упорхнула хлебать свою «Кровавую Мэри» первой группы и не станет смотреть, как меня загоняют в угол. Остальные? Кое-какие фразы между мной и Лисами кто-то да слышал, а кому какое дело до копа 13, попавшего на чей-то крючок? В результате они все уверены, результат тут один — никто ничего не узнает, концы в воду Гудзона и все. Зато какая потеха, верно?

Я тихонько достал кольт, готовясь начать действовать.

Прикинув «за» и «против», решение выбрал единственно верное — прорываться к машине. И пытаться удрать, добравшись хотя бы улиц с патрулями. Пусть обычными, но все же своими парнями. Опасался я одного — что в машине, а ублюдки прибыли сюда на ней, есть третий. И третий, где-то в темноте, точно также ловит звуки, опустив стекло. Попадись в перекрестье фар, так сразу можно писать некролог по дураку Кроу, желавшему работать только в одиночку.

Кстати… кстати отказываться от напарника, пусть даже Роецки, меня сейчас совсем не тянуло.

Мои глаза, после перехода в компании Блэкстоуна, тоже получили небольшой подарок. Нет, никакого кошачьего зрения, просто вижу в темноте немного лучше, чем раньше. На этом самом «немного» мое решение и основывалось.

Страшно? Да. Тут сам себе не наврешь и не надо вспоминать адреналин в крови и все такое. Мне, сука, было по-настоящему страшно. Пуля, как известно, дура, но мозги вышибает крайне просто.

В темноте проступили машины, а в небе вдруг посветлело. Луна не смогла пробиться через серое непотребство, густо затянувшее бедный Нью-Йорк, но чуть света она нам подарила. Всем троим, чего уж…

Я рванул с места в три прыжка, стараясь выбраться ближе к дальнему ряду авто, надеясь укрыться за ними и пробраться до своей. Судя по звукам со стороны второго — помешает он мне только стрельбой, вряд ли успев раньше меня. Тем более, что раз засада была на выходе, а не у «паккарда», мою машину они не знали. Либо там просто кто-то еще, спокойно дожидающийся лопуха Кроу.

Загрохотало сразу, глаза привыкли у всех и они стреляли мне вслед. Кольт грохотал, стараясь прижать первого, стрелявшего лучше, а «астра» пыталась дотянуться до его напарника. Стрелять на бегу — еще та забава, никому не пожелаешь.

Я не ошибся на насчет машины, не по поводу ждавшего меня у «паккарда». Двигатель рыкнул в самом конце парковки, желтый свет разрезал темноту и помог уже мне. Черный силуэт впереди вскинул руку, но «астра» оказалась первой.

Данг! Данг! Данг!

В моем испанском «маузере», прячась в длинном несъемном магазине, двадцать гладких патронов. Два попали в стрелка-неудачника, в грудь и в голову. Он упал назад, а шляпа отлетела, вместе с целым веером заметных брызг. Я достал ублюдка.

Вот только тот самый первый достал меня. В спину, прошив насквозь, заставив пулю выйти через брюхо. Мать твою!

— Ich habe den Bastard erschossen! — каркнулоиз-заспины.

Это что еще такое?!

— TötediesesArschloch! Rudi, töte ihn!

Немцы?! Немцы?!! Да какая разница сейчас, Кроу!

Как же больно…

Некоторые любят боль. Это правда, даже среди моих знакомцев с знакомыми есть любители смачно получить по заднице хлыстом, краснеть от воска, капающего на соски и хрипло сопеть после тугого связывания. Но это их дело, да и боль у них… Немного ненастоящая.

Настоящая разрывает тебя тройным рыбацким крючком, прижигает горящим веником по живому и скрипит по кости ржавой пилой. Вот это — настоящая боль, мать её…

Держись, Кроу, держись! Не смей падать, не смей ронять стволы!

«Паккард» я не запер и это меня спасло. Я ввалился в машину, умудрившись попасть ключом и, по-настоящему крича от боли, завел, тут же газанув и выкатываясь вперед. Пришлось падать набок, слыша треск лобового, принявшего сразу несколько выстрелов. Машину вел по кривой, надеясь вписаться в выезд.

Когда разлетелось заднее, то я выпрямился. Едва смог, но выпрямился, ухватившись за руль и давя на газ. Как же больно!

Свет бил из-за спины, мокрый ветер, ворвавшись через раскоканные стекла, хлестал по лицу. Но я вел, прорвавшись через морок кирпичной кладки и выскочив на жирную грунтовку, ведущую к выходу из портового терминала.

Они не отставали. А я слабел. Внутри перекатывалась циркулярная пила, полосуя мои кишки, кровь, наверное, залила все вокруг. И хорошо, если только кровь… Думай, Кроу, думай!

Я выдохнул, уставившись в полукруг света далеко впереди. Это выезд на номальную дорогу, да только от нее до улиц очень далеко. А темнота, переливающаяся багровым, засасывала меня все сильнее. Выход был. Я его боялся, но он был и стоило воспользоваться, пока не потерял сознание.

Мой выход прятался в водительском сиденье, за совсем тонкой тканью справа. Я разодрал ее, нащупав необходимое: гладкую горошину и вытянутый ребристый цилиндр.

Горошина с трудом прокатилась по сухому горлу, взорвавшись раньше, чем попала в пищевод. Это «огонек», снадобье, поднимающее на ноги даже полумертвого и реквизированное у контрабандистов-кобольдов, ввозивших их откуда-то с Канады. «Огонек» действует пару-тройку минут, даже останавливая кровь. Но за эти считанные секунды с моего счета спишут, как минимум, полгода жизни. Да и черт с ним, думать о

каких-то шести месяцах, с дыркой в животе и с какими-то странными немцами на хвосте… глупо.

Пламя прокатилось внутри, сумев даже приглушить боль. Я сел ровнее, опуская стекло вниз. Сзади стреляли, причем уже явно из автоматического. Ничего, ничего… Кроу, ты справишься. Не бойся…

Я боялся. Цилиндр, подаренный мне за, казалось, мелкую услугу, должен был спасти, подарив пока неведомый «путь». Это хитрое колдовство, доступное лишь альвам, но… но моя услуга, оплаченная двумя дня моего времени и парой обойм для кольта, подарила именно его. Волшебство альвов.

Разве что никто не знал — подходит ли оно людям или у нас на него аллергия, заканчивающаяся смертью?

Фу…

Я высунул руку и сжал проклятую деревяшку, направив вперед. Варианта-то больше никакого и нет. Блеснуло синим, позади взревел движок, а я рассмотрел впереди разгорающееся голубое нечто, больше всего похожее на самый обычный игровой портал, ведущий на базу. Ну, либо на новый уровень. Да ладно?!

«Паккард» сильно разогнался, но когда из сияющей синевы вдруг выстрелили золотые щупальца, облепившие машину, мы с ней просто полетели вперед. Синева сменилась ярко горящим золотом.

В нем-то я и утонул.

Глава одиннадцатая: полукровка, старый лес и ведьма

Ведьму легко обмануть только в сказке. Они были, есть и будут, а встреча с ними далеко не самое приятное, что вам выпадало в жизни. Её глаза прожигали насквозь и в них не оказалось чего-то, обещавшего хорошее окончание нашей встречи. Да и ладно бы, только глаза…

Она подняла ланцет, только что резанувший меня и аккуратно слизнула мою, мать её, кровь. И зло скрипнула зубами…

— Выпей.

Я открыл рот и проглотил что-то воняющее не иначе, как сеном, мерзкое и теплое.

— Открывай глаза и прекрати бояться, Алекс. Ты не умрешь.

Отличная мотивация, сказанная прямо-таки голосом моей первой учительницы. Разве что та была старше и не так хороша. Сияющие белые черви, утащившие «паккард» в портал, меня пощадили. Как еще, если слышу Джулз, подарившую мне штуку, разорвавшуюся пространство и спасшую от непонятных немцев, палящих почем зря?

— Открывай, хватит делать вид, что ты не пришел в себя.

О, женщины, вы все вот в этом — будь мужчиной, плакса, не смей страдать и все такое. Страдать мне все же пришлось. Боль утихла, но явно спрятавшись, никуда не девшись от меня любимого. Я попробовал потрогать живот, но не нащупал бинтов и испугался ковыряться в новой дырке, образовавшейся в теле.

А вот глаза открыл. Видно, Джулз еще до последнего пойла влила в меня что-то, заставляя мало чему удивляться и вообще находиться в состоянии полусна. Поражаться старым деревьям, мелькающим в свете фар, даже не пришло в голову. Хотя, если правильно все помню, таких рядом с Городом расти уже не должно, ведь цивилизация не терпит конкуренции.

— Терпишь или нормально?

Я повернулся к ней, ведущей мой «паккард» куда-то во тьму неизвестности и отсутствия географических координат. Да, дорогая Джулз, быть мне теперь твоим должником.

— Что? — спросила она, не поворачивая головы. — Не дергайся лишний раз, я лечить не умею, можешь умереть, если не успеем.

Умирать мне не хотелось. Планы на ближайшее время

имелись совершенно другие, никак не связанные со смертью.

— Куда едем?

Джулз пожала плечами:

— Спасать тебя, Алекс, куда еще?

И зачем, интересно, ей оно нужно? Моя помощь Джулз-полукровке исчерпывалась простой работой детектива, правильно выполнившего задачу кэпа и все. Но, пусть я жил в Ночном городе не так долго, кое-что понял давно: не пытайся понять альвов, особенно, если те помогают.

Джулз не альв, она полукровка. Таких, как правило, альвы делают кому-то походя и дальше не интересуются их судьбой. Джулз повезло, ее отец оказался из клана Дождя. Откуда мне это все известно? Так Джулз и рассказала, в то самое время, когда мы тесно общались. Тесно — значит именно общались, никаких поползновений в ее сторону я не предпринимал.

Лес впереди раздавался как сам по себе. Дороги тут не было, просто Джулз ехала прямо, а деревья расходились в стороны, недовольно покачивая ветвями. Поверить в такое было невозможно, да и правильно. Джулз альва, она просто знает путь там, где остальные начнут его искать. Альва, хотя и не чистая…

Не знаю, чем она, не умеющая лечить, меня напоила, но… Мне так нравилось больше. Боль все же утихла, не отзываясь даже когда машину подкидывало. Хотелось спать, тепло разливалось по телу и становилось очень легко. Я несколько раз моргнул, прогоняя сонливость, но та явно побеждала.

Н-на-а!

Джулз, не поворачиваясь, влепила мне пощёчину.

— Не смей закрывать глаз!

Ох, да, она права. Мне стало страшно, а тепло, разом превратившись в ледяную щекотку, растворилось внутри. Черт, Кроу, тебе, не иначе, снова повезло.

Давным-давно, когда Кроу не имелось в помине, а откликаться приходилось на Лёху, Лёшку и все такие же производные, имел увлечение. Был молод, глуп, не видал больших, э-э-э, проблем и предпочитал читать только развеселые книжки про всяких героев-попаданцев. Начал с Бушкова, прочел Белянина с его Скиминоком, чуть не подавился Ричардом Длинные-Руки и много других, до кучи, не упомнишь. Вот сейчас, совершенно не к месту, чувствовал себя одним из них. Героем книжки, имевшем очень четкое определение, понятное всем подряд: Марти Сью.

Везунчик, обязательно красавчик, к ногам коего аккуратными штабелями укладываются победы, раскрытые заговоры, раскаявшиеся враги, верные туповатые друзья, смотрящие в рот,

следя за любым словом и, конечно, много-премного всяких разных красивых женщин.

Понятно, сейчас думать о таком можно только из действия непонятных психотропных веществ, точно имевшихся в сене, заваренном мне Джулз, но все же, все же.

Н-на-а!

Да, верно, опять прилетело нежной, но весьма тяжелой ручкой.

— Держись, Алекс, — Джулз вдруг изрядно газанула, — сейчас начнется дорога, поедем быстрее.

Да, Джулз зовет меня Алексом, хотя все вокруг предпочитают Кроу. Но Джулз, она такая, что тут сделаешь? У нее все иначе и дело вовсе не пятидесяти процентах Старой крови, бегущей в ней. Вернее, дело в ее свойствах, чуть отличающихся от остальных альвов.

Клан Дождя небольшой, во всем Ночном Городе их пять или шесть, не больше. Клан Дождя уважают и, порой, опасаются. Они умеют делать странные вещи, недоступные большинству их родственников.

Джулз отличается даже от них. Полукровки никогда не становятся сильнее Старых, породивших их, пусть и обладают кое-чем. Джулз писала портреты, писала их вместе с водой, сыпящей с неба. Серо-голубое, чуть черного и белого, странная гамма для изображения живых существ. Но так, как писала она, больше никто не умел. То дело, сделавшее нас друзьями, началось с портрета, написанного в моем закутке участка. Она пользовалась обычным грифельным карандашом, а тот тек, как капли дождя по стеклу за окном, тек, на глазах становясь… Нет, не фотографией. Джулз создавала нечто иное, большее, чем реалистичная живопись или графика. И, глядя в совершенно живые глаза ублюдка, обидевшего эту чуть мило-курносую особу, выглядящую чересчур молодо для опыта, отражавшегося в глазах, стало ясно — ей надо помочь.

Я помог. И сейчас, второй раз за последний час, Джулз из клана Дождя спасала мою шкуру. Чертов ты везучий сукин сын, Кроу, хренов Марти Сью… Если, конечно, выживешь сегодня.

— Джулз?

— Да, Алекс?

— Почему ты помогаешь?

Она улыбнулась. Джулз улыбалась совершенно не как большинство местных, даже Старых, перенявших американскую привычку скалиться во весь рот. Джулз улыбалась одними губами, едва поблескивая верхними зубами. Мне нравилась её улыбка.

— Алекс, сейчас это неважно. Потом.

Потом, так потом.

Дорога оказалась широкой тропой, разрезавшей лес. Наверное, осталась от лесорубов, когда-то давно валивших местных великанов. Когда ее начал закрывать кустарник, незаметно закрывающий весь просвет, стало ясно — мы уже близко. Не может колючий терновник, росший совсем как живая проволока, расходится, пропуская машину и снова смыкаться. За ним ухаживал кто-то, умеющий выкидывать такие фокусы. Или ухаживала, один черт — скоро увижу.

Дом вырос перед нами сразу, стоило чуть повернуть. Большой и двухэтажный, непонятно как выросший посреди глуши и очень темный. Не из-за отсутствия огоньков, на первом этаже желтела одинокая лампа, нет. Он был вылитый приют призраков из «Дома на холме», такой же древний, опасный и… живой.

Джулз остановилась как можно плавнее. Выскочила, удивительно смешная посреди старого леса в своей круглой шляпке, пальто чуть ниже колен и обязательных перчаток. Одета как для прогулки по Бродвею, честное слово, всегда аккуратно и стильно.

Рядом с ней вырос здоровенный силуэт, просто шагнувший из темноты, густо переливающейся вокруг. Длинный старый пиджак, широкие, начала века, брюки, огромные сапоги и широченная шляпа, времен покорения Запада, не иначе. Черный, от пяток до макушки, лишь белеющий верхней частью лица, видневшейся поверх шарфа, плотно намотанного по самые уши. Пугало, страшное в своей мертвой неподвижности.

— У него дырка в животе, — совершенно обыденно сказала Джулз, — и кровь.

Пугало развернулось, пропадая в темноте. И вернулось со свернутым куском брезента, разложив тот по плечу. И зачем, спрашивается, а?

— Ох…

Я не удержался, когда странный человек, если человек, конечно, вытянул меня из машины и перекинул через плечо, как мешок. От создания пахло сухо, сладко и страшно. Успел увидеть только лицо, чтобы понять — с ним точно что-то не так. Белая гладкая кожа и темные провалы вместо глаз. Такого не должно быть.

— Джулз, у меня есть телефон! — проскрипело со стороны уже открытой двери. — Могла бы позвонить!

Там, ярко подсвеченная льющимся светом, стояла самая настоящая старая карга. Такие есть всегда и везде, хоть в Америке, хоть в Японии, хоть дома. Сгорбленная, сухая, с

недовольными бровями и брезгливым ртом под длинным носом. Вылитая ведьма.

Мой амулет, уберегавший хозяина от разных дрянных штук, вроде влечения к эмпузам-проституткам, заледенел. Да, с диагнозом я не ошибся, это ведьма, да еще сильная. С момента приобретения серебряного кругляша, постоянно болтавшегося на шее, он так холодел лишь раз. Когда участок изволила посетить член Ковена Ночного города, мисс, или миссис, Майан.

— Что это у него? — поинтересовалась карга, остановив чудище, першее меня в дом. — Да стой ты, дурень!

Темные злые глаза уставились в мои.

— Продырявили тебя? — совершенно не сочувствуя скрипнула ведьма. — Поделом, наверное. Не дергайся, красавчик, сейчас сниму твою цацку. А если не хочешь снимать — вали на все четыре стороны, волки в округе всегда голодны.

Да что вы? Волков в округе давно нет, это первое. Если свалю, так точно помру, это второе. И, третье, красавчик из меня, как из задницы фагот. И…

— Джулз, ты притащила ко мне не просто идиота с медальоном и дырявым брюхом, — заявила ведьма, рассматривая кругляшок, сорванный вместе со шнурком, — это же самый настоящий коп!

— И что? — спокойно поинтересовалась Джулз. — С каких пор тебе важна личность больного, если его привожу к тебе я?

— Ну-ну, — ведьма цыкнула языком, — неси на стол.

Послушное и немое пугало протопало по коридору и вот, мелькнув бликами стены, неожиданно полностью выложенной плиткой, я оказался в…

В операционной. Отлично оборудованной современной операционной, с уже горевшими лампами, сталью и хромом вокруг, белизной и тем самым запахом настоящей стерильности. И вопросов, как ни странно, оказалось два: неужели ведьмы лечат обычными методами и то, откуда карга берет электричество? Проводов я не видел.

— Думала, копы куда умнее, — проворчала старая, — а он все туда же, как и остальные. Что вылупился, идиот, думаешь, читаю мысли? А ведь, судя по всему, детектив… Наберут кого попало, не иначе, как через уличных мальчишек-газетчиков, зазывающих всякую шелупонь в доблестный тринадцатый участок. Это опыт, придурок, знание жизни и наука физиогномия. У тебя на твоей отвратной роже, почему-то глянувшейся той юной дурочке, все написано.

— Вы очень умны, — не найдя что ответить умного, брякнул я, — а о чем, все-таки, я думал?

— Про зажимы, кетгут, скальпели и кровоотсос ты думал, детектив. Побелел еще больше, хорошо, не намочил свои модненькие узенькие брючки. А свет у меня от генератора, дворфы делали, смекаешь? Пальтишко сними, дурачок, приберу.

— А?

— Пальто сними, справишься сам? Мейхер делал, сразу видно, хорошая вещь. Если что — мне пригодится.

Карга бурчала под нос, двигаясь туда-сюда и на глазах менялась, из недовольной бабки превращаясь в старую, но очень уверенную врачиху. Хирургиню, надо полагать, даже фартук нацепила и уже мыла руки.

— Ложись ровнее и смотри вверх! — рявкнула она, глядя, как я решил сесть. — Ты мне издохший тут на черта? Сейчас одежду срежу!

— Не бойся, — Джулз возникла в двери, — Грета всегда ворчит.

Вот сейчас, стоя с модной сумкой-ридикюлем в обеих руках, Джулз еще больше походила на мою классную. Вся строгая и ждущая от меня полного послушания.

— Лежи спокойно! — скрипнула карга и начала очень быстро работать большим ланцетом. — Не переживай, ножом мне привычнее, чем ножницами. С вас, людишек, им сподручнее что одежду, что шкуру срезать-спускать.

Работала она споро, ланцет порхал, разрезая мою очередную водолазку. Очередную пострадавшую за два дня любимую черную водолазку.

— Прикури сигарету, — она бросила слова как командир приказание.

Джулз не спорила, а карга, щурясь, заработала еще быстрее, умудряясь резать, курить и ворчать одновременно. Пок ане резанула меня по ребрам, а я понял о новом порезе только когда животу вдруг стало горячо.

— Грета… — Джулз цокнула языком. — Как неаккуратно.

— Да уж, — проворчала карга, — неудачно получилось.

— Могла бы просто протереть нож тканью, — Джулз вздохнула, — там ее с пинту, не меньше.

— Я б сказала… — карга окинула меня недовольным взглядом. — Я б сказала, что галлон. Ничего, милая, знаю, что делаю.

И провела по ланцету языком, слизывая кровь, стараясь не упустить не капли. Паскудная ты жизнь, заведшая меня к этой… ведьме. А Джулз, как же так? Я ж тебе верю… верил. И как быть?

Ведьму легко обмануть только в сказке. Они были, есть и будут, а встреча с ними далеко не самое приятное, что вам

выпадало в жизни. Её глаза прожигали насквозь и в них не оказалось чего-то, обещавшего хорошее окончание нашей встречи. Да и ладно бы, только глаза…

Она снова подняла ланцет, только что резанувший меня и аккуратно слизнула оставшуюся мою, мать её, кровь. И зло скрипнула зубами.

— Девочка моя, будь аккуратнее с этим молодым человеком. Вернее, не совсем человеком.

Джулз и я одновременно уставились на нее с явным недопониманием в глазах. О чем ты, старая?

— Сейчас… — ведьма прикурила еще одну и сняла медицинский колпак, чтобы тут же вытащить из волос красивый черепаховый гребень, украшенный блестящими застывшими каплями узора. И тряхнула своей сивой гривой…

— Твою мать… — сказал я, даже забыв о боли. — Так не бывает!

Старая? Если верить глазам, то очень. Ведьма не потекла, как доппельгангер, как-то выловленный мной и Смитом в Гарлеме. Она просто изменилась за удар сердца. Была сивая сморщенная карга, согнувшаяся от времени. Стала рыжая и фигуристая дама не старше сорока, уставившаяся на меня совершенно зелеными глазищами.

— Вот сейчас удивлена даже я, — сказала Джулз, — так что с ним не так?

— Откуда в тебе темная кровь, детектив? — спросила ведьма Грета. — А? И почему ты не отсюда?

Почему-почему… В ушах, очень убаюкивающе, волновалось море, все сильнее и громче. Жутко хотелось окунуться в него с головой, нырнуть, дав волнам кидать тебя взад-вперед, взад-вперед, как в детстве. Соленое доброе тепло, поддерживающее на своих зеленых спинах, оказывающихся прозрачными и никогда не повторяющимися. Море…

— Грета! — Джулз нехорошо прищурилась. — Я уже поняла, что Алекс вдруг стал тебе почти своим, пусть он и не отсюда. Но ему надо помочь.

Грета непонимающе уставилась на нее, а потом, усмехнувшись, кивнула:

— Да, конечно. Эй, странный чужак, почему оказавшийся в моем доме, не бойся.

Я и не боялся. Страх, возникший минуту назад, вдруг отступил перед ней, огненно-рыжей и почему-то внушавшей доверие.

— Алекс… — Джулз взяла меня за руку. — Грета скрывается не зря. И ты должен это запомнить. Хорошо?

Я кивнул. Вряд ли у меня был выбор, тем более, мне что-то стало совсем нехорошо. И они это заметили, подхватив точно в момент моего падения со стола.

— Смотри на меня! — ведьма Грета влепила мне пощечину. Какую уже по счету, интересно? — Смотри!

Зеленые глаза заискрились, затягивая в себя.

— Сейчас ты заснешь.

И я, конечно, послушался.

Глава двенадцатая: самая прекрасная из женщин, оплеухи, тумаки и добро с кулаками

Доброе слово и хорошее дело всегда располагают к себе людей. Но приправьте их кулаком пожестче и ударом в печень и удивитесь результату. Самое главное, чтобы в такой момент подобное добро не творилось в вашу сторону. Да-да…

Моросило. Привычно, мерзко и надоедливо. Утро не задалось, но, как говорится, нет плохой погоды, а есть плохо одетые люди. Я, по счастью, к последним не относился. Вернее… вернее просто по дороге заехал в лавку у порта. Там отовариваются моряки, по каким-то причинам не обладающие добротой и благосклонностью мастериц вязки. Так что выглядел я интересно:

Из собственной одежды имелось только пальто и шляпа. Пальто с дыркой, но хотя бы оттертое от крови. Свитер самой мелкой вязки все равно не мои красавицы-водолазки, а из брюк удалось найти лишь строгие синие и не от костюма. И, да, мне даже пришлось сменить туфли, на парковке я оторвал каблук, а заметил лишь выходя из дома ведьмы Греты. Так что к участку подходил в матросских ботинках на толстой подошве. Одно слово — красавец.

Побриться не вышло и мое, далеко не самое симпатичное костлявое личико, украшенное ссадинами, еще и рыжело неровной щетиной. Поневоле становилось страшно встретиться с шефом. Кэп у нас сторонник делового стиля, гигиены и «так должен выглядеть настоящий мужчина». Беда-а-а…

«Паккард», освободившись от меня, радостно остался на стоянке участка, что-то фыркнув радиатором. Почти одновременно с саркастическим карканьем из-за спины:

— Решил сделать вентиляцию в пальто, Кроу?

Абак, хмуро смотревший из «бьюика», дымил трубкой с янтарным чубуком и выглядел крайне недовольным жизнью.

— Что-то вроде того. — Я остановился, решая — говорить или нет и спросил. — Стоит ли мне доверять Лафиту, как думаешь?

Абак насмешливо каркнул смешком, хрустнув клювом по янтарю:

— Да ты попал как кур в ощип, фраерок, раз перетер с этим

козырем. Смотрю, рыбачил?

— Очень, очень-очень глубокомысленно. Спасибо.

— Обращайся.

— Спасибо за совет насчет патронов.

Абак опустил на глаза очки и прощально махнул крылышком. Чертова Старая сволота.

Думаете, в участке мне обрадовались, хлопали по плечам, звали выпить кофе со свежим пирогом чьей-то женушки? Да, так и вышло.

К своему отделу я подходил с чашкой Рея из архива, взятой у него напрокат, поедая уже второй кусок тыквенной благодати от миссис Стоун и следами помады наших телефонисток. Я же Кроу, меня все просто обожают…

Купились? Старина Джакс, угрюмый здоровенный уроженец Гарлема, впустил только дождавшись значка, впрочем, как обычно. Тощий сержант Харрисон, заместитель лейтенанта патрульных, напомнил о занятой неделю назад десятке, а телефонистки просто опустили все свои жалюзи, едва заслышав о моем появлении. Ну и неудивительно, девочки частенько ссорятся друг с другом, но всегда дружат против козлов мужского пола. А новенькая, Мэри-Лу, как-то раз пообедавшая со мной за одним столом, неожиданно решила, что у нас с ней наклевывается любовь. Я удивился двухнедельной осаде, честно и трогательно объяснил ее ошибку, назвав прекрасным цветком из Бостона, достойным нормального мужчины и…

И теперь все девочки-операторы меня дружно игнорировали. Причем, показательно. Ну, что только не случается.

В нашем длинном огрызке второго этажа все было как обычно уютно и по-домашнему: сизый сигаретный дым плавал под потолком, разгоняемый едва работающим вентилятором, несло выкипевшим кофе, как всегда подгорелыми сэндвичами из бара Смитти и звучали яростно работающие голоса — парни обсуждали «Янки» и «Ред Сокс».

— Господь милостивый, чертовы лентяи! — прогрохотало ровно в момент моего появления. — Кто-то точно напрашивается на штрафы!

Мистер старший детектив Макнамара, выйдя от шефа, то есть, из-за моей спины, метал грома с молниями. И тут он заметил меня.

— Я не верю своим глазам… — Старина Мак, судя по звукам, громко выдохнул. — Я поражен до самых глубин моих немаленьких моральных устоев, будь я проклят. Ведь это же лучший сотрудник моего отдела! Судя по всему — вернувшийся с рыбалки.

— Я тоже рад тебе, Мак, — мне жутко не хотелось видеть его рожу и потому даже не подумал обернуться. — надеюсь, ты скучал.

— Конечно, Кроу, чем же еще мне заниматься, как не скучать по тебе, сукин ты кот. Я жутко скучал по тебе, совсем как по юношеским прыщам, оставшимся в прошлом или как, знаешь, по кишечному гриппу, или по банковскому проценту, упавшему из-за депрессии. — Мак явно злился. — Мне жутко хочется увидеть твой отчет, уважаемый детектив. Все здесь, в моем отд…

— Угомонись, Мак. — Я остановился у окна и глянул на стоянку. Ворон никуда не уехал, чернея в своем «бьюике». — Это не твой отдел, ты просто старший детектив.

Парни замолчали, ровно на моменте обсуждения Колотушки и его последних подач на игре с «Сокс». Может быть, я даже перегнул палку. Но настроения слушать Макнамару, после случившегося чуда с моими перебитыми кишками и тем, что сделала Грета, не было. Вообще. Надеюсь, обстановку выйдет разрядить. Понять бы только, как?

И…

— Вы только гляньте… — донеслось с его стороны, правда, донеслось мелодично, нежно и даже чуть сексуально из-за легкой хрипотцы этого чарующего голоса. — Какого героя нам тут принесло. Спаситель Города, женщин, детей, снова женщин и просто всех. Сам детектив Кроу, я просто млею от тебя.

Пять футов ростом. Тонкая талия и никаких лишних фунтов веса. Коричневый брючный костюм, светлые глаза, саркастично улыбающиеся губы и, неожиданно, темно-каштановые волосы. Само собой — белая сорочка, начищенные туфельки и бездна высокомерия во взгляде.

Агент СиКей Агнесса Роецки собственной персоной, появившись от шефа, картинно оперлась плечиком о стенку, сложив руки под грудью. Или, все же, на груди? Изящное сложение порой играет с женщинами интересные шутки.

— Здравствуй, Кроу.

— Здравствуй, Роецки.

Милое создание скорчило гримаску, приоткрыла рот и стукнула своими острыми зубками, демонстрируя все гамму радости от ожидания моей персоны. Потом оттопырила изящный миниатюрный пальчик с аккуратным коротким ноготком, выкрашенным в красный и поманила. Меня, само собой и в кабинет шефа.

Парни проводили меня сочувствующими взглядами, вернувшись к Колотушке и его удачным ударам.

Сейди, отсутствующая на своем месте, обнаружилась у кэпа,

вооруженная блокнотом и ручкой. На меня наша гранд-дама старалась не смотреть, явно не желая попасть под кипящую ярость шефа.

— Кроу, смотрю, ты ходил за марлином? — пророкотал он, рассматривая меня как гризли неожиданно встретившихся грибников. — Это, конечно, чудо, встретить марлина в бухте, но ничем иным я не могу объяснить вот это.

И он ткнул в дырку на моем несчастном пальто.

— Поделишься?

Я поделился, сперва извинившись перед обеими дамами и просто задрав свитер. Сейди охнула, Роецки перестала разглядывать меня аки кошка мышь, а шеф поиграл желваками. Он это делал так профессионально, что давно стоило позвать его в кинематограф на какие-то роли настоящих крутых парней.

— Рассказывай.

Я сел и рассказал, от начала и до конца. Переживать за Лаки, после второго за сутки покушения на собственную жизнь, мне не хотелось. Как и думать о возможной подставе с ее стороны. Надеюсь, она не причем, и мне не придется удивляться ее пустой квартирке. Ну, а крыс в качестве ланча из-за нового затворничества я переживу.

— Что они кричали? — Роецки заметно напряглась, хотя виду не подавала. Но она напряглась.

Я, как мог, повторил то бульдожье гавканье, услышанное на парковке «Эльдорадо».

— Я попал в ублюдка… — Роецки провела по мне взглядом. — Добей говнюка, Руди, добей… Кое с чем даже не хочется спорить.

— С «добей»?

Роейки погрозила пальчиком.

— Хреновые дела творятся, — кэп засопел, встал и начал топтаться оп кабинету медведем. Сейди и Роецки едва успевали убирать ноги, Макнамара терпел, но держался.

— Хреновые дела творятся, — повторил кэп, — что-то тут не так. Какое отношение убийства девчонок, сделанные по всем правилам темного вуду, имеют отношение к стрельбе в тебя какими-то фрицами?

— Вуду? — удивился я.

— Нет, конечно ты молодец, Кроу, — Макнамара фыркнул, — подставляешь грудь с задницей под пули, закрываешь амбразуры, но мы тут тоже не… просто так.

— Хватит! — рыкнул кэп. — Вы меня достали, а только начало дня. В общем, так…

Кабинет шефа не очень маленький, но и не очень большой. За

его спиной висит карта города, портрет президента и какой-то английский портрет пафосного охотника. Кэп считает, что подобные картины подчеркивают его суть, как настоящего мужчины и, отчасти, джентльмена. Но проводить совещания в нем — нет, увольте. Особенно, когда в кабинете больше двух женщин, любящих себя и модные ароматы. Обе, Сейди и Роецки, пахли «Гранатом», самыми модными духами сезона. Аромат стоял потрясающий, вплоть до чуть позванивающей головы.

Кэп, не выдержав, опустил окно и уставился на пейзаж. Пейзаж, добавивший к мороси ветер, хлестнул его по лицу, но тот мужественно выдержал. Но все же обернулся, оставив у окна небольшую щель:

— Мисс Роецки, вы введете Кроу в курс всего, что стало известно нашим и вашим экспертам. Я хочу, чтобы вы отправились и нашли какие-то зацепки, объясняющие эту хрень! Мак!

Макнамара подобрался.

— Сейчас ты выгонишь всю эту свору обнаглевших… обнаглевших… — кэп ткнул пальцем в сторону отдела, — псов на улицы, в помощь тебе и Смиту. Отставить в стороны все дела, решить, кто будет дежурным. Сейди, ты на звонках, появится Смит — пусть едет сюда, его я тоже не видел со вчерашнего дня. Всем все ясно?

С ним не спорила даже Роецки. И правильно, шеф уже наливался густо-королевским пурпуром и начинал злиться по-настоящему.

— Если ясно — убирайтесь к черту и за дело! Сейди, сделай мне кофе!

— Но, шеф… — Сейди кашлянула. — Врач запре…

— Кофе! — рявкнул шеф и на его столе подскочил красивый письменный прибор, жалобно звякнув крышечками.

Мы убрались.

— Роецки, я…

— В машине поговорим, — фыркнула и остановилась. — Ты любишь клоунов?

— В цирке.

— И я. Надеюсь, ты все так же держишь запасную одежду на работе. Переоденься и спускайся к машине вашего Ворона.

Я удивился.

— Абак?

— Да. — Она поправила прическу, не сдвинувшуюся ни на полдюйма. — Ты не спал, да и водишь хреново. О твоей колымыге мне говорить не хочется, ты даже не утруждался вытащить из решетки бедную дохлую сойку. И еще — вон там мой саквояж,

захвати с собой, когда отправишься вниз.

И, на ходу застегивая пальто, как всегда без шляпки, самая прекрасная женщина (по мнению Роецки, ее большой польской семьи и половины наших парней, провожающих ее несытыми взглядами) отправилась вниз. Ну, допустим…

Не знаю, как весят сумки большинства нормальных женщин Нью-Йорка, ведь в этом мире дама, если она дама, никогда не передаст женскую сумку мужчине-кавалеру, а вот саквояж Роецки меня удивил. Неприятно, если честно. И я совершенно не удивлюсь, если в нем походная лаборатория, заряженная штурмовая Браунинг-Бар и пол-ящика патронов к нему.

Роецки уже о чем-то спорила с Вороном, ведущим себя как обычно: флегматично и не выказывая никакого раздражения.

— …да, вот предписание от шефа Каттинга! Вопросы есть?

Абак сделал крылышком и бородкой, сумев отобразить огромнейшую палитру чувств по поводу его внеочередного прикомандирования к нашей летучей группе.

— Кроу, поставь саквояж в багажник и садись сзади.

Я сделал, вернулся и закурил, рассматривая Роецки, смотрящую на меня в ответ как на… в общем, как «на».

— Ты хочешь поспорить?

— Нет. Заодно посплю.

Она пожала плечиками и отправилась к своему походному рундуку. Мне показалось или «бьюик» даже немного просел?

— А она хороша, — поделился Абак, — для тебя — в самый раз. Надеюсь, будет интересно, фраерок.

— Я все слышу!

— Я знаю.

Роецки простучала дробь своими набойками на туфлях, вернувшись с удобными ботинками на плоской подошве.

— Что? — она проводила мой взгляд в их сторону. — Сейчас мы на самом деле начнем работать, и не будем, как говорят на твоей варварской родине «околачивать груши». Придется побегать и много ходить, в них удобно.

— Еще можно пинать балду. — каркнул Абак. — И…

На него нацелился красный маникюр и, странное дело, Ворон не продолжал. Взамен этого — внимательно изучал сам момент переобувания мисс Роецки. Та, завязав шнурок на втором, фыркнула:

— Не думала, что среди Старых есть половые извращенцы, особенно среди Воронов и, в частности, любящих некоторые части человеческого тела. У вас же лапы!

— Ой, красотуля, — протянул Абак, подмигнув ей, — ты бы знала, что порой творится в моем воспаленном воображении,

насильно сдерживаемом нормами морали, навязанными нам, древним благородным созданиям, Договором.

И взъерошил бородку с перьями на шее.

— Господь милосердный, — вздохнула Роецки, — почему все мужланы одинаковые, хоть человеческие, хоть нет? Будешь коситься на меня, вместо того, чтобы смотреть на дорогу — пожалеешь.

— Как скажешь, ласточка моя, — Абак кивнул, — целую ручки, пани. И засматриваюсь на ваши ножки.

Мы начали с Гарлема. О, да, мы начали именно с Гарлема, веселого места, полного разного народа, где наши клиенты спокойно разгуливают даже днем. Ну, а вот попробуйте отличить африта, настоящего темнокожего Старого, от самого обычного парня, живущего тут. Даже мне это удается раза с пятого, не меньше. Но оно того стоит.

Африты барыжат всем подряд, содержат ломбарды, порой умудряясь конкурировать даже с евреями. Представить такое сложно, но африты умеют, эти ребята прирожденные торгаши. И сидящие в чистых красивых лавках, пряча рожки на лбу за афро, благодаря Старым уже входящих тут в моду и другие, приторговывающие и скупающие в темных старых переулках черного квартала.

Как оказалось — Роецки тут почти как дома.

— Соккоро… — она высунулась из окошка, когда «бьюик» поравнялся с тощим и длинным черным, идущим куда-то с большой холщовой сумкой. — Соккоро, паразит, на пару слов!

Думаете, тот сразу решил с ней пообщаться? Вы ошибаетесь. И бежать за длинноногим афритом, старательно не желавшим разговора с СиКей, было очень сложно. А бежал я один, ведь самая прекрасная женщина почему-то не присоединилась.

У него были более длинные ноги, широкие штаны грузчика и свободная рабочая куртка. И, конечно, не модельные туфли с каблуком. Мне, подумав, пришлось обуть именно их и сейчас я жалел. Обливался потом, старался не отстать и жалел. Что поделаешь — белый и респектабельно одетый мужчина в черном квартале, обувший ботинки на каучуковой подошве… однозначно коп. Да и не собирался я с места в карьер нестись за этой африканской антилопой в почти человеческом обличье. Но пришлось.

Соккоро уходил, Соккоро несся как настоящий спринтер и окажись тут тренер американской сборной по бегу — быть ему приглашенным в хренову команду. Я даже решил достать ствол и начать стрелять, но…

Против лома нет приема. Против палки, ударившей по ногам из-за угла — тоже. Африт рухнул, смешно раскидав длиннющие конечности, а Роецки, запыхавшаяся и злая, долбанула его еще пару раз. Совершенно меня не удивив. К ее способу ведения переговоров с нашими клиентами весь отдел привык после первого же совместного дела.

Когда я добрел до них и остановился, мечтая только о торчащей из стены трубе с краном, блестящий ботиночек Роецки мягко, но очень уверенно, придавливал горло нашего бегуна.

— Посмотри его сумку, Кроу.

О, да, моя госпожа, сейчас я все сделаю.

Роецки ненавидела Старых и не скрывала этого. Огромный африт, тихо лежавший на земле, это доказывал. И, как мне кажется, дело было вовсе не в матовом «спешиал полис», смотревшем ему в лоб. Наша слава всегда идет впереди нас, и слава Роецки, судя по всему, даже больше, чем думалось.

В сумке…

— Вот ты урод, — сказал я и пожалел об одной очень нужной мне вещи. О кастете, оставленном дома.

В сумке, совершенно спокойно, лежало не меньше двух фунтов пурпурной пыли. Дряни, что покруче героина с кокаином вместе взятых.

— Еще какой, — согласилась Роецки. — Встать, ублюдок.

Я оглянулся. На удивление было пусто, никаких мамаш в передниках и тюрбанах из полотенца, вечно орущих многочисленных детей и даже кошек. На руку, ничего не скажешь.

Соккоро, потрясывая чересчур длинной для человека шеей, встал. И тут же сел обратно. Роецки, явно разозлившись, приложила коленом в то самое место, что одинаково и у людей и у Старых. Если те мужчины, конечно.

— Снова за свое, Соккоро… — Роецки покачала головой. — А я говорила, что тебе нужно выписать путевку куда-то подальше и похолоднее.

Когда лиловый африт вдруг начал сереть, до меня дошло. Роецки говорила про Хелль, самую страшную каталажку для Старых, место, откуда некоторые не возвращались.

— Хочешь остудить свой пыл к деньгам? — поинтересовалась она, сразу беря быка за рога. — М?

Соккоро бледно серел и молчал. И теперь начал раздражаться уже я.

Пурпурная пыль на территории Участка — это большая беда. На нее подсаживаются сразу, а Старые, те самые, которых мы ловим, толкают ее всем, что своим, что людям. И вряд ли кто из

СиКей, раз уж Роецки со мной, обратит внимание на жалобу пушера о чересчур большом количестве синяков. А если это поможет нашему делу, то…

Африты торгуют всем и со всеми. И знают то, что многие скрывают. И раз так…

Доброе слово и хорошее дело всегда располагают к себе людей. Но приправьте их кулаком пожестче и ударом в печень и удивитесь результату. Самое главное, чтобы в такой момент подобное добро не творилось в вашу сторону. Да-да…

Соккоро хватило на один заход, причем, Роецки. Правы ли мы с ней в этой ситуации или нет — мне все равно. Это мою шкуру дырявили два раза за сутки и это я вижу его груз. Заработал, так получи.

— Что вам надо? — Соккоро всхлипнул, сидя на земле.

— Ты слышал про спрос на куски Старых, милый? — как ни в чем не бывало, очень ласково, спросила Роецки.

И Соккоро кивнул.

Глава тринадцатая: горцы, ярмарка и руны

Руны, чаще всего, просто след времени, оставшийся на камнях, дереве, кости или металле. Но, иногда, руны становятся тем, чем являются лишь в умелых руках. Вестниками судьбы, защитниками или убийцами. И трогать их, отчеканенных поверх неровной пластинки, было самой настоящей глупостью…

Соккоро сдал все, что знал. И всех.

Мы с Роецки отправились дальше, сдав африта прибывшему патрулю. Пешком, дав указание Абаку ехать параллельной улицей. Вернее, приказ Ворону тоном, не терпящим отрицательного ответа, выдала мисс Роецки.

Моросило, так же привычно, как моя спутница считает себя королевой. Или, как минимум, графиней. Попробуйте переубедить Роецки в ее значимости и получите много интересного про себя. Попробуйте проигнорировать чертову морось, привыкнув к ней и заработаете насморк.

Роецки, ступавшая резко, как на плацу, говорила и говорила. Причем, так же жестко, как с нашим Вороном, и это, вот ведь, не было чем-то из ряда вон. «Миз», как чаще всего называли ее в участке. Почему? Все просто: Агнесс Роецки была бы отличной рабовладелицей.

Масса, миз, Джимми — сленг Юга. Рабовладельческого Юга, не павшего, а заключившего соглашения с Севером. САСШ и КША, Северо-Американские Соединенные Штаты и Конфедерация, существовавшие бок о бок со времен Договора, имевшие президента-янки и вице-президента-дикси.

И здесь, на севере Штатах тридцатых, эти слова применялись редко. Не то, чтобы тут водились «Черные пантеры», здесь не имелось Мартина Лютера Кинга, нет. Все проще и обыденнее: невозможно нормальное существование двух миров, живущих рядом, если кого-то презирают из-за цвета кожи, а в Ковене легко найдется черное лицо. Пусть малефики-афро и не вмешивались в политику, не пытались запретить законы Джима Кроу, с их «лавка только для белых» и «цветные едут на задней площадке». Малефикам этого не требовалось, они были своими из-за силы, умения и власти.

Так вот, Агнесс Роецки, родись она на Юге, точно стала бы хозяйкой плантации и ее работникам никто бы не позавидовал. Кличку «миз», за глаза, ей дал Сент-Клер. А уж кто-то, а Сент-

Клеру, выросшему в Луизиане, было хорошо известно — кто заслуживал такого обращения.

— Ты слышал что-то про этого типа, как его?

— Люциус. Нет, не слышал.

— Почему ведьмы всегда выбирают себе такие странные имена? — посетовала Роецки. — Люциус. Это явно измененное имя Люций, латинское и архаичное. Звучит глупо, претенциозно и выдает в своем хозяине надутого индюка.

Роецки, рассуждающая на ходу и идущая уже по самой окраине Манхэттена, остановилась.

— Что?

Соккоро сдал какого-то мутного типа, постоянно крутящегося вокруг старого негритянского кладбища в Гарлеме. Казалось бы — что тут такого? Ну, за исключением самих его интересов, носящих странный оттенок? Да как сказать…

Мир, где я живу сейчас — необычный. И дело не только в политической географии, где на одном континенте уживаются США с КША, нет. И не в истории, где салемские ведьмы были настоящие… Про это, правда, знают все же не все. Необычность мира в простом, окружающем меня.

Старое негритянское кладбище Гарлема, где хоронили рабов, их свободных потомков и редко пользовались сейчас. Что в нем опасного, там же едва заметные могильные камни, заросли кустов и остатки костей. Не скажите.

Договор регламентирует вся и всех, связанных с миром Старых, с миром Других. В Ночном городе есть Ковен, кланы, семьи и одиночки. Большинство из них законопослушны и не суются на рожон. Некоторые соблюдают Договор и прочее только когда им удобно, оставляя процентов двадцать-тридцать наших клиентов. А вот остальные… остальные как раз те, кто старается не светиться, нигде не состоять на учете, залетные мутные типчики с цыпочками и так далее.

Не говоря о совсем уж отвратительных сущностях, живущих на территории Джерси и Города еще со времен Нового Амстердама и не желающие якшаться с людишками из 13 вообще. Да и со своими общающиеся редко. И таких, традиционно, больше всего среди цветных. Гаитянкое вуду, вылезшее последние несколько лет отовсюду, цветочки рядом с совсем черными обрядами Черного континента. А у если таких колдунов с ведьмами умудрялись прятать рабы… Представьте, каково тяжело искать даже не следы, последыши их деятельности среди свободных граждан великой Америки.

Чаще всего, если уж выпадал срок или кто-то умирал не своей смертью, их хоронили на том самом старом кладбище. Как

известно — колдуны, ведьмы, Старые созданья, они все разные. Кого-то отправят на шесть футов под землю в саване, скрученном цепями и в гробу, обитом железом, кого сожгут, а сверху засыпят солью да зальют святой водой, а кому, такое случается, положат с собой весь его инвентарь, да еще добавят пару-другую слуг для загробной жизни. Наш Город — тот еще адский котел, и варево темное до самого дна.

Вряд ли Роецки не понимала всей опасности непонятного хрена, живо интересующегося старым негритянским кладбищем. Просто так никого туда не понесет, себе дороже. Интереснее оказалось другое…

— Он работает на какую-то нездешнюю контору, — поток слов африта нам, разговорив того, заткнуть не вышло. — Я как-то следил за ним, так… из интереса.

Интерес такой ушлой твари, как старина африт, мелкой сошки из слабенькой семьи Старых, означал одно — Соккоро прикидывал свои силы. В смысле, чтобы как-нибудь конкретно облапошить Люциуса, киданув, грабанув или даже что хуже. Соккоро, длинная худая сволочь, пах жадностью, трусливыми мыслишками и грузом нападений изподтишка. Дело не в его цвете кожи, дело в удельном весе афритов в Ночном городе. Они, будем честными, пустышки даже для обычных людей. Так, чуть дольше живут, чуть меньше болеют, зато чересчур жадны.

— И? — Роецки уставилась на него снизу вверх так яростно, что Соккоро явно хотелось стать ниже нее и съежиться, чтобы не попадаться на глаза.

— Он был в рабочей одежде.

— Интересно-о-о… — протянула Роецки. — Ты как считаешь, Кроу?

О, Кроу изволил согласиться с прекрасной Роецки. Тем более, что потихоньку Кроу потихоньку начал путаться во всем происходящем и стоило раскинуть мозгами, собирая все воедино.

— Ты знаешь, что за контора? — я смотрел на африта очень нехорошо. Такой взгляд пришлось вырабатывать, порой заклеивая разбитые брови, когда еще служил в патрульных. Но он того стоил, вот прямо как сейчас.

— Компании перевозок Аппалачей и Скалистых гор, — выпалил Соккоро, — я рассмотрел.

— Молодец, — похвалила его Роецки и повернулась к патрульным, скучавшим поодаль у машины. — Забирайте, офицеры.

Офицеры радостно вздохнули и пошли забирать. А мы, соответственно, вооружились информацией, здравым смыслом и радиостанцией в машине Ворона. У СК явно лучше поставлена

работа операторов. Обратный вызов пришел быстро, после чего мы и отправились пешком по указанному адресу. Хотя, сдается мне, дело былов желании Роецки пообщаться без Абака. Абак Старый, а как Роецки относится к ним? Верно, отвратительно и без доверия.

— Я хочу есть, Кроу. — заявила Агнесс. — Угостить тебя завтраком?

Назвать завтраком почти ланч, это, знаете ли, серьезно.

— Сам заплачу. А как же Абак?

— А ты видел его машину последние пятнадцать минут?

Что верно, то верно. Думается мне, что Ворон давно встал где-то у той самой компании перевозок, вроде как находившейся не так далеко и сидит себе посиживает, выжидая нас.

— Я не очень знаю забегаловки этог…

— Прямо по курсу отличная закусочная, — Роецки уверенно ткнула вперед, — там вкусный салат и неплохие стейки.

— Завтрак?

— Овощи и мясо полезны в любое время, Кроу, — Роецки фыркнула, — помогают поддерживать себя в форме.

Не поспоришь, честное слово. Времена и миры могут быть разные, а вот женщины остаются сами собой, если, конечно, хотят этого. Следить за фигурой — святое дело.

Кирпичный невысокий Гарлем заканчивался, переходя в Вест-сайд. Здесь тоже не самые высокие дома, но даже пять этажей тут кажутся выше. Наша цель обнаружилась по нашей же стороне и осталось лишь дождаться — чего хочет от меня Роецки, неожиданно решившая поговорить. И, куда важнее — стоит ли мне задавать вопрос по поводу ее коллег, ждавших меня у Мен Хва, о причине такого неожиданного внимания и отаком же неожиданном спаде интереса. Роецки, с самого утра, ничего не говорила по этому поводу. Чудес не случается, особенно, когда речь про СиКей и их агентов.

— Заказывай, я отлучусь. — Роецки сняла пальто и пошла в ту самую комнату, куда ходят даже королевы вроде нее.

Ну, хорошо, Кроу, давай-ка раскинем мозгами, пока никто другой не раскинул ими же. Именно твоими и по сторонам после хорошего выстрела.

Что мы имеем? А какую-то странную чушь, больше всего смахивающую на впохах приготовленный пирог из остатков трех разных видов варенья, кукурузной и пшеничной муки и с яйцами от курицы с перепелками. Как оно выйдет из духовки — сложно предсказать. Так и тут.

Трупов больше, чем мы думали. Огласке почему-то не предавалось как со стороны обычной полиции, так и со стороны

Ночного города. Убийца — она, очень опасная и, это точно, кто-то из Старых. Причем какая-то такая «кто-то», что Лаки даже не смогла понять — с кем же она дралась.

Идем дальше…

Есть… был, китайский парнишка, видевший тварь явственно, как на ладони и от того поспешивший удрать. Он нам недоступен и единственная зацепка — запах духов «Иранская яшма», дорогих и довольно редких. По духам, как сказал на прощание кэп, работает Смит, но пока результатов нет.

Зато есть непонятные выродки, два раза пытавшиеся нашпиговать меня свинцом, при этом, скорее всего, одни и те же, говорящие на немецком. А еще есть Смит из СиКей, совершенно непонятно появившийся и так же пропавший. Совершенно непонятная часть головоломки, не укладывающаяся никуда. Ну да, еще компания «Перевозок Аппалачей и Скалистых гор», добавляющая сумбура. Как-то сложно…

— Когда ты старательно думаешь, Кроу, ты даже кажешься симпатичным. До того умное лицо, что хочется познакомиться… Если совсем скучно, конечно.

Роецки уселась на диванчик и покрутила головой. Меня совершенно не удивило появление паренька-официанта, до того игнорировавшего меня полностью.

— Молоко к кофе, юноша, — нахмурилась миз Роецки, — да поживее.

Парнишка был белым, но подействовало с той же убойностью, что на африта Соккоро из Гарлема.

— Ты первая. — предложил я, стараясь оставаться галантным. С Роецки это сложно, но можно.

— Надо же, Кроу разгадал мой хитрый план… — Роецки подарила юноше с кофе пронзительно-острый взгляд, сотворив чудо — кружку с кофе за три секунды. — Даже готова поверить в тебя, как детектива, а не личного любимчика вашего капитана, с чего-то вдруг решившего сделать тебя им.

Я не ответил на подколку. Роецки вообще порой как еж, у нее такой стиль.

— Суть в следующем, Кроу. — она протянула руку и вытащила мою «Лаки». — Ты слишком много куришь.

— В этом суть?

— Суть в другом, но будь добр — дыми своим дерьмом подальше от меня и не в закрытом помещении.

Осталось достать новую сигарету и начать крутить ее в пальцах у носа. Запах успокаивал.

— Чересчур серьезная каша заварилась вокруг этих убийств. — Роецки сморщила носик, отпила и уставилась на

меня. Поверьте — взгляд почти прозрачных глаз Роецки, уставившихся на вас аки рентген, совершенно не просто выдержать.

— Эта девчонка из офиса мэра колыхнуло болотце, топившее в себя задержавшиеся рапорты, поздно заполненные отчеты коронеров и листки наблюдений патрульных. — Роецки постучала по столу пальцами. — Почти десяток тел за почти три месяца, по убийству на каждую неделю. Без разбивки на пол, возраст, место и остальное. Мы все профукали что-то важное и сейчас пытаемся нагнать чертов мясной поезд, улетающий все глубже, разбрызгивая вокруг себя галлоны крови.

— Пишешь стихи? — на всякий случай поинтересовался я. — Или, может быть, прозу?

— Ты дурак, Кроу, — фыркнула Роецки, — я о серьезных вещах, а тебе все бы шуточки.

— Ты же знаешь агента Смита? — неожиданно для самого себя спросил я. — Худой, высокий…

— И что? — она вдруг снова вцепилась в меня взглядом, цепко, как удав в кролика.

— Перед тем, как меня в первый раз подстрелили, Смит почему-то хотел меня задержать. Там, у Мен Хва. Он, еще двое, тех не знаю. И с того времени — все, ни слуху, ни духу. Вместо этого — присылают тебя, а ты молчишь, как ни в чем не бывало.

— У меня в крови много чего, Кроу. Но, запомни, я не люблю вот этих всяких выражений с твоей родины, как и просто не люблю русских. А еще мне очень не нравится, когда меня принимают за дурочку.

— Что?

Роецки отпила кофе, помолчала…

— Смит пропал две недели назад. Вместе с двумя парнями, все верно. И их не смогли отыскать даже с помощью Ковена… Черт, Кроу, почему ты молчал и почему не указал в рапорте?! В тебя, как я поняла, два раза подряд стреляли немцы?

Я виноват по целым двум пунктам, ай-ай. Причем мне совершенно непонятно — во втором-то случае в чем моя вина, ведь о немцах все указано в рапорте. Плюс — первый случай совершенно без доказательств.

Роецки вскочила, странно покраснев. Неужели у нее, знающей куда больше меня, что-то сложилось в голове. Неприятно ощущать себя пешкой, если честно.

— Мне нужно сообщить в контору. — Она покрутила головой, заприметив телефон. — Подожди меня на улице, заодно покури.

Да, конечно, имено так и поступлю.

Я вышел в коридор, ведущий к выходу и свернул в туалет.

Кабинки заметил еще заходя и вдруг стало ясно — вентиляционные окошки выходят почти на тот самый кусок забегаловки, где есть телефонный аппарат. Извини, Роецки, не люблю игр в темную, особенно когда меня заставляют в них участвовать.

— …да, он так и сказал — Смит, высокий и худой. Да, босс, поняла. Да, он был среди наших, приглядывающих за институтом. Да… сейчас выезжаю.

Много я не узнал. Но и так хорошо, а теперь быстро успеем на улицу, стараясь не дать Роецки заподозрить меня в чем-то нехорошем.

Я закурил, крутя головой по сторонам и…

И уставился на странно знакомую рожу, занимавшуюся тем же через дорогу и, так же удивленно, уставившуюся на меня. Стоп, а не тот ли это наемник СиКей, что желал денег со старика Мо? Стоп.

Громила, недавно схлопотавший от меня, был одет в форменную куртку с брюками, серые и незаметные. Вот только над правым нагрудным карманом, золотясь свежими нитками, так и вопила о себе небольшая эмблема со стилизованными горами и большими буквами, почему-то упорно складывающимися для меня в аббревиатуру той самой конторы, куда мы двигались изначально — «Компании перевозок Аппалачей и Скалистых гор». Так не бывает, даже дуракам так не везет!

Громила развернулся и задал деру в обратную сторону.

— Кроу! — донеслось сзади, но я не остановился. Бежишь, дружок? Значит, есть из-за чего.

«Надо бросать курить!» — вдруг подумалось через сотню футов. И ведь верно, пора бы…

Громила знал эти места как свои пять пальцев и бежал в очень правильную сторону. К еще стоявшей на небольшом пустыре самой настоящей осенней ярмарке. Такой, знаете, американской народной забаве с тыквами, корнеплодами, чертовой кукурузой, цветастыми торговыми павильончиками с корн-догами, содовой и имбирным пивом, обязательными сраными каруселькаами и винтовочной пальбой по мишеням. Веселое место, часто многолюдное, но не сейчас. Кому же захочется идти смотреть на невеселых клоунов в такую слякоть?

Он убегал, стараясь затеряться между палаток, но не выходило. Я сел на хвост, жутко злой именно на этот кусок дерьма, уже испортивший мне жизнь и попавшийся снова. И уж чересчур странным стал мне казаться тот его визит к Мо. Пахло самой настоящей поставой с западней. И это меня злило.

Громила сделал ошибку один раз, выскочив на пустую

прямую за рядом тентов с палатками. А мне надоело бегать. «Астра» удобно улеглась в руку и…

— Стой!

Роецки оказалась рядом, ударила по стволу. Пистолет грохнул, пуля улетела куда-то вверх, а громила развернулся и оказался тоже не пустым. «Люгер» уставился на нас. Я успел свалить Роецки, вжав ее в мокрую землю и выстрелить первым. Чертова везучесть…

Девять миллиметров в плечо — это не просто так. Громилу откинуло в сторону, он даже взвизгнул, совсем как мальчишка, получивший ремнем. Я попал куда и целился — в правое плечо, и «люгер» валялся в стороне. Роецки, матеря меня совершенно не аристократично, вырвалась и кинулась к нему, почему-то стараясь бежать быстрее. Когда мы добрались до этого дурака, стало ясно — Роецки несомненно знает больше меня, потому и торопилась.

Руны, чаще всего, просто след времени, оставшийся на камнях, дереве, кости или металле. Но, иногда, руны становятся тем, чем являются лишь в умелых руках. Вестниками судьбы, защитниками или убийцами. И трогать их, отчеканенных поверх неровной пластинки, было самой настоящей глупостью. Ну, либо осознанной необходимостью.

Они разгорелись красным еще когда мы подбегали. До громилы оставалось футов десять, когда он странно покраснел, задергался в судорогах и упал, выплюнув ручеек крови.

— Срань Господня! — ругнулась Роецки. — Да что же так не везет!

Глава четырнадцатая: ругань, дым, пыль с пустотой и запекшаяся кровь

Череп скалился с алтаря. Алтарь казался настоящим, не имеющим никакого отношения к пафосным декорациям, что так любят всякие шарлатаны. Притащить могильную плиту, разложив на ней свежие и старые останки… на такое не решится ни одна гадалка. И ни за что не зальет алтарь настоящей кровью, проливаемой раз за разом и даже не высохшей до конца.

— Кроу, ты чертов дурак! — пророкотал кэп. — Как ты не подумал про медальон?!

Я молчал, смотрел за окно и молчал. Там темнело, по стеклу стекала хрустальная роспись дождя, неожиданно решившего сменить морось. В кабинете кэпа густо висел табачный дым, а он сам, чуть не прикурив от первой вторую, багровел и злился.

Макнамара, наконец-то объявившийся Смит, как всегда гладко выбритый, с аккуратными усиками и точно подобранным галстуком, хлебали кофе, тоже молчали и ждали, пока наш шеф решит успокоиться. Смит покуривал самокрутку с вишневым привкусом, а Макнамара морщился, но терпел.

Сейди ожидала с толком — перепечатывала рапорт Смита, неразборчивый из-за его бисерного почерка. И, конечно, курила папиросу. Мы тут все сумасшедшие, убивающие сердца с желудками галлонами смоляного кофе и сотнями сигарет. Но стоит ли думать о здоровье в старости, когда ты можешь получить пару новых дырок уже завтра?

Лейтенант Сент-Клер, должный сменить капитана в ночь, отсутствовал. И правильно всем порой нужно высыпаться, а уж кто-кто, но Сент-Клер и так жил на работе. Его бодрый храп, доносящийся из крохотной конуры, смежной с кабинетом шефа и прячущей небольшой диванчик, слышался даже через вполне основательную перегородку.

А рыки, грохотания и прочие громкие звуки, издаваемые капитаном — Сент-Клер давно научился игнорировать.

— Что с чертовыми духами?! — рявкнул кэп, кровожадно глядя на Смита.

— Продаются в пяти магазинах города, — Смит изучал свои аккуратные ногти и даже вооружился пилочкой. — Покупают редко, запоминать покупателей ни у кого не получилось, за исключением одного магазина. Но…

— Что? — кэп запыхтел и готовился встать, начав топтаться

по своему обыкновению.

— Это магазин на углу Уолл-стрит, шеф, — Смит пожал плечами, — покупки делают чересчур серьезные ребята. Продавец, очень приятная мисс Уиллес, хорошо помнит постоянных заказчиков. Один — Вандербильт, другой — Морган.

— Черт…

Кэп хрустнул карандашом, выместив свою ярость. Подозревать столпов Нью-Йорка, сами понимаете, себе дороже.

— Кроу! — кэп снова вернулся ко мне. — Жетон у Роецки?

Я щелкнул зажигалкой, прикуривая следующую «лаки». Да, медальон забрала самая прекрасная женщина в мире, устрекотав с ним в СиКей. И вряд ли я мог ей помешать, не считая рукоприкладства. Но это было бы явным перебором.

— Итак, уважаемые детективы, мастера распутывать клубки расследования в чужих мягких книжках и собственных фантазиях… — шеф явно успокоился, раз перешел от рыка к мягкому унижению, — что мы с вами имеем в целом? Мак?

Иногда очень полезно не являться старшим детективом, прямо-таки очень полезно. Дерут тебя только за собственные промахи, не нужно отвечать за действия всех дуроломов отдела, получая мизерную надбавку. Маку нравилось, Мак мечтал стать лейтенантом.

— Здание логистической фирмы арендовано у города. Я отправил три пары ребят, сейчас они там и занимаются наблюдением. Пока никакого большого движения не наблюдалось. Связь была по телефону, мы решили не пользоваться радиостанциями и…

— Почему не пользоваться? — удивился кэп. — Кто дал приказ не включать самое современное оборудование?! Городской совет специально выделил средства на…

— Сэр! — Макнамара неожиданно перебил кэпа, Сейди приоткрыла от удивления рот, едва удержав папиросу, Смит задел ноготь ребром пилки, оставив след, а я обернулся, глядя на небывальщину.

Макнамара, из своей обычной белой бледности покрасневший не меньше кэпа, смотрел только на того, застывшего в удивлении и жующего сигарету.

— Сэр, — продолжил старший детектив, — я предположил плохое. Баллистический анализ пули, вытащенной из Кроу, фразы, что он слышал при втором нападении, информация о пропавшем сотруднике СиКей, да еще и тот сдохший говнюк на ярмарке, наводят на очень плохие мысли.

— Мак, — капитан поморщился, — рассказывай. Вряд ли ты меня удивишь, но послушать интересно.

Мне тоже стало как-то… как-то захватывающе. Собственная картинка потихоньку складывалась все больше, и очень хотелось узнать — насколько моя совпадет с оценкой Макнамары. Макнамара дуболом, но умный, знающий все расклады, порядки и случающееся у нас. Он осторожный сукин сын, любящий себя, свою огромную ирландскую семью и службу. Мак впрямь любит служить стране там, где находится по праву. Он терпеть не может меня, я его, но Мак не дурак.

— На нашем побережье не так много немцев, — Макнамара говорил спокойно, уверенный в своей правоте. — Думаю, что в этой хреновой, прости Сейди, компании Скалистых гор с Аппалачами, они присутствуют и все чин чином, не придерешься. Но вот какое дело, шеф, я не поверю, даже если увижу всякие лицензии, разрешения и остальное. В Городе творится что-то непонятное, а эти убийства почему-то кажутся отвлекающим маневром. Может быть, у меня паранойя, может быть, мне просто кажется, но… За океаном сейчас заваривается такое, что ударит по всем.

Мак меня все же удивил. Никогда бы не подумал, что наш служака, кроме клиентов участка, еще следит за политической ситуацией в мире. А творилось там, впрямь, что-то странное. Вернее, странное для них всех, а мне вполне понятное. Пусть и не такое, как было Дома.

В мире без революций, без Октябрьской и Германской, кое-что осталось неизменным. Россия украшалась орлами, в Германии никто не поднял знамя со свастикой. Пока не поднял, значки уже носили, совершенно не пряча. Германия почти продула войну, сдав те же самые территории, выплатив контрибуции и почему-то подарив возможность кайзеру немножко посидеть на троне. Но страной, в полной мере, правили канцлеры. И, угадайте, как звали текущего? Все верно, также, как Дома — Адольфом.

Друг Межинского, Эмиль, не зря удрал из своей Вены, уже вошедшей в состав как-бы возрождающейся немецкой нации и Империи, примерявшейся вернуть себе недавние Священная и Римская.

— За океаном происходит что-то непонятное, и мне кажется, что мы потихоньку вязнем в их болоте. — Мак хмыкнул. — Я проверил через свои источники — да, Старые стали пропадать чаще. И уже никто не врет насчет их убийств. И про то, что тела иногда не находят, ну, вернее находят что-то небольшое, позволяющее понять — кто помер в этот раз. Жаль, раньше не появилось ни каких догадок, информации было бы больше.

— Ты считаешь, — кэп прикурил следующую, — ты, Мак,

считаешь, что ритуальные убийства, чертовы колбасники, пропавший однофамилец Смита, поганые наемники и, почему-то, наш Кроу, связаны?

О, звучит бредово, шеф, я согласен с вами. Но… Но связей чересчур много и они даже не кажутся случайными. А если связи не случайны, то надо действовать на опережение. Вот, только как?

— Думаю, что да. Амулет с рунами в СиКей подсказал бы — прав я, либо нет. Это дело рук какого-то серьезного хрена, владеющего магией. Такое просто так не сделаешь, и в СиКей точно поймут — из Европы этот талисман, либо местный. Но я готов спорить, сэр, что он не отсюда…

Макнамара глотнул воды из стакана.

— Думаю, что про мальчишку-чоу, видевшего тварь, знало чересчур много людей… И нелюдей. Наверное, он метался по всему городу, надеясь то спрятаться, то убежать. Вряд ли он просто торговал лапшой, скорее, был на подхвате у Мен Хва, это как раз ясно. Мальчишка знал многих, потому и засветился, а эти многие, по давней привычке Старых, совершенно не желали лезть в дело, воняющее смертью. Слух тут, слово там, наши ребята с баварским, или как там звать их чертов акцент, поняли одно: они в чем-то спалились. И начали собственные поиски китаезы, чтобы заткнуть дырку. Где ждать мелкого узкоглазого, бегающего от чудовища, как не у Мен Хва? Тем более, что пацан точно заметил не только саму тварь, но и кого-то еще, потому и не пошел к жабе. Видно, видел кого-то раньше, узнал и испугался. Ну, и отложил поход в Драконий Сад напоследок, если ничего не найдет сам.

— Может, он боится самой твари? — влез я. — Понял, кто это, разобрался, что та станет его искать, потому и уплыл куда подальше с помощью Лафита? Не слишком сложно?

Макнамара уставился на меня, но кивнул:

— Может и так, сейчас это без разницы. Факт тут один — они ждали у Мен Хва кого-то из наших, и…

— Они ждали его. — кэп ткнул в меня пальцем. — Они ждали его у Мо, ведь таких совпадений не бывает, они знали — куда и как отправился Кроу, знали, что может зайти к старику. Думаю, что именно так. Вот только… причем тут радиостанции, Мак?

— Если у нас в городе сидят какие-то наглые и серьезные парни с того берега Атлантики, — Макнамара смотрел на свои руки, — они легко могут прослушивать наши переговоры. Я не очень хочу такое говорить, шеф, но… Вдруг у нас завелись грызуны?

Все замолчали. Макнамара, упертый в своей паранойе, прозвучал очень убедительно.

Мне стало совершенно неуютно. Случайность случайностью, но если дело принимает такой оборот, то меня может ждать что угодно. Межинский сдал? Не верю, хотя…

Я вдруг понял, что мне чего-то не хватает. И, наверное, не только я один, капитан уже смотрел в сторону хитро спрятанной двери в его каморку, а из-за перегородки не доносилось ни звука. Пока не скрипнули петли и в кабинете не стало тесно. А как же еще, если лейтенант Сент-Клер решил почтить нас собственной персоной?

— Что думаешь? — поинтересовался кэп, даже не подумав узнать — что слышал его заместитель.

— Все вполне ясно, — пробасил лейтенант, — сейчас мы делаем несколько вещей и нам, сэр, потребуется ваша помощь.

— Хм… — кэп усмехнулся. — Почему я не удивлен? Говори.

Сент-Клер разогнал дым и поморщился:

— Кроу, открой окно, дождь уже почти прекратился, не зальет. Мак, свяжись с парнями у складов, а лучше отправь туда кого-то и пусть готовятся. Мы выезжаем следом. Будем брать это место штурмом, хватит ждать, когда в кого-то еще прилетит свинец. Верно, Кроу?

Мне понравился этот вариант. Грубый, в духе лейтенанта, но после наемника, сдохшего из-за каких-то рун на ярмарке… Может быть верный.

— Ты просто умница, Огюст, — проворчал кэп, — ты думаешь правильно, да. Только что я скажу мэру, если будет стрельба? У нас ни ордера, ни одобрения от СиКей, ведь мы же не дураки и вполне понимаем — они и сами готовятся к тому же, если не опередили нас и сейчас не катят туда всей своей сворой.

— Пыль, — лейтенант кивнул на меня, — наш Кроу сегодня взял африта с несколькими унциями наркоты. Сейди, ты же частенько принимаешь анонимные звонки?

— Да, — ласково улыбнулась наша гранд-дама, — возможно, сегодня позвонили анонимно и дали наводку на склад «Компании грузоперевозок Скалистых гор и Аппалачей», о странных грузах, замеченных кем-то из ответственных граждан города, поделавших остаться незамеченными? Я, наверное, забыла внести пометку в журнал, и. надо же, это был как раз последний звонок, попавший прямо в кабинет капитана. Чудеса, не правда ли?

— Чудеса, да и только… — лейтенант улыбнулся ей в ответ, очень хищно и довольно, — мы собираемся, сэр?

Кэп, смотревший на него медведем, разбуженным посреди зимы, кивнул. И мы отправились собираться. А. да… про Институт, подслушанный в разговоре Роецки, я все же не упомянул. И дело вовсе не в том, что я кому-то не доверяю, нет.

Слишком мало информации, ее надо проверить. И, заодно, навестить моего друга шляхтича, рассеяв все плохие мысли в его сторону. Ну, либо наоборот.

Нас было двенадцать, вместе с парнями из патруля. Еще несколько машин с ребятами ждали своего часа подальше от склада, сереющего через морось. Никакого движения там не замечалось, лишь горело несколько ламп на втором этаже.

— Мак, — Сент-Клер, рассматривающий здание из-за угла обычного дома с квартирами, кивнул на склад. — Парни рассмотрели — сколько выходов.

— Три, считая с грузовыми воротами. — Макнамара, брезгливо разглядывая грязь на туфлях, показал. — Черный, главный и пандус со двора.

— Джеки, — лейтенант тронул за плечо старшего патрульного, — как только мы войдем в двери, отправляй две машины перекрыть выезд на улицу и две внутрь, к грузовым воротам.

Джеки кивнул и ушел в туман, появившийся недавно. Время побежало быстрее, как всегда перед серьезным делом. А куда серьезнее, когда у всех двенадцати мужчин, ждущих приказа лейтенанта, в руках уже ждало своего часа железо, заряженное до отказа?

— Кроу, ты с Маком, Смит — ты со мной и к черному. Парни, делимся поровну и… — Лейтенант взял свой любимый БАР как женщину, ласково и крепко, — И пошли, входим через три минуты. Мак, на твоих сколько?

Сомневаться в точности часов Макнамары не приходилось. Мне не сильно радовалось от его компании, но ладно, потерпим.

Мы вошли прямо как по методичкам, если бы те имелись. Ну, вернее… как по методичкам?

Двери открывались внутрь, как и положено согласно инструкций Пожарного департамента города, нашу вышиб Кевин, здоровенный детина, обычно работавший по Квинсу. Вмазал всей массой, навалившись плечом и влетев с ней внутрь. М-да…

Внутри оказалось ожидаемо сухо, почти чисто, с аккуратно расставленными ящиками по большим стеллажам. И никакого движения. Вообще. И почти ни звука, не считая скребущейся мыши где-то неподалеку.

Пахло маслом, резиной, немного пылью и смазкой от моих нагревшихся стволов, оказавшихся на воле сразу вдвоем. Да-да, я, оказывается, могу выпендриваться и палить с двух рук. Еще один небольшой подарок чертова Блэкстоуна, затащившего меня сюда. Отличное, мать его, физическое состояние, включающее зрение со

слухом, позволяя учинять форменный ад, паля из моей сладкой парочки одновременно.

На какой-то момент показалось, что здесь вообще пусто и что нам останется только прочесать все здание, откуда почему-то испарились то ли сотрудники грузоперевозчика, то кто-то очень и очень хитрый. Но жизнь, как и всегда, внесла коррективы, загрохотав очередями со стороны лейтенанта.

И тут же ударило по нам, с лестницы и из темного провала склада. Здоровяк Кевин, успевший выпалить в ответ, отлетел и упал, изгваздав стену в темном.

— Мать твою! — Мак выругался и выстрелил на звук, точно попав в кого-то из ублюдков. — Кроу, бери Джея и наверх. Я тут!

Сверху донеслась итальянская брань. Забористая и густая, где черт что разберешь, но итальянская. Макаронники то тут причем?!

— Джей!

С лестницы вниз летел свинец. Летел черт-те пойми как, воя и стуча по металлу с деревом. Брань не затихла, пока у стрелка не закончился магазин. А на перезарядку «томми», а это был именно пистолет-пулемет Томпсона, время все же уходит. Мы с Джеем, хорошим простым парнем из Джерси, рванули туда, считая секунды. Я открыл огонь первым, Джей помог, разрядив барабан «спешиал» почти сразу.

Прикрывать не пришлось, мимо нас, мелькнув белой сорочкой, упало тело.

И больше никто не стрелял. Что за…

— Кроу, не копайся! — донеслось со стороны Мака. — Черт, это ж Винченцо, парень Бритвы. Он что тут забыл?!

А я вспомнил очередную странность. Люди Бритвы, после того, как его посадили в кутузку, пропали, отсиживаясь и не показывая носа. Совсем не показывая носа, как будто их и не было. И вдруг они тут?

Мы прошли почти половину этажа, проверив несколько офисов, где не нашли никого и ничего. В одном на глаза попалась смятая бумага и я не постеснялся наклониться и выудить ее из корзины. Потом разберемся.

— Кроу!

Джей стоял рядом с дверью, почему-то забранной дополнительной решеткой. Сейчас, правда, решетка была открыта. И, вдобавок, возле нее имелась лужица засохшей крови. А сама дверь…

— Ерунда какая-то, — сказал Джей и я с ним согласился.

Во всех офисах стояли дешевенькие деревянные, пни — развалится на досочки. Тут имелась толстая и дубовая, покрытая

странной резьбой, окованная железом и украшенная светлыми разводами краски. Только вот разводы показались знакомыми, прямо как загогулины рядом с телом Старой, найденной под мостом. Дверь была не заперта.

Череп скалился с алтаря. Алтарь казался настоящим, не имеющим никакого отношения к пафосным декорациям, что так любят всякие шарлатаны. Притащить могильную плиту, разложив на ней свежие и старые останки… на такое не решится ни одна гадалка. И ни за что не зальет алтарь настоящей кровью, проливаемой раз за разом и даже не высохшей до конца.

Комната оказалась небольшой, с окном, забранным решеткой. Сейчас, впрочем, та висела, ничего не закрывая и выдранная почти с корнем. Внешняя явно вылетела вместе с кусками кирпича и раствора. Вот так дела-а-а…

Узкая жесткая лежанка в углу, сделанная из… из тростника, накрытого каким-то мешком. Несколько гвоздей в стенах, видно для одежды. Зеркало… да, судя по пыли вокруг черного овала — тут висело зеркало. И шкаф в углу, самый обычный, причем большой, платяной шкаф.

Я потянул на себя створку и замер.

Нет, внутри висела одежда, с которой будут разбираться эксперты. Я замер из-за запаха. Я его узнал.

Чертова «Иранская Яшма».

Глава пятнадцатая: человеческий гений, неожиданности и щелчок по носу

Кобольды — существа вредные, некрасивые и жадные. Но даже среди этих милах, сплошь в складках и бородавках, Джекко, старый добрый сицилиец, выделялся своим дерьмовым характером. И уродливостью.

Мак все же думал в верную сторону — СиКей ждали нас на улице, стоило лейтенанту и с нами выйти. Три длинных «олдсмобиля», девять длинных и одинаковых типчиков, в темных плащах, шляпах и единственным светлым пятном — белыми сорочками. Прямо злодеи ФБР из фильмов.

— Кроу, — проскрипел вышедший вперед Найт, мистер Си Джей Найт, руководитель оперативного отдела Си Кей Ночного Нью-Йорка. — Ты поедешь с нами.

— Я изумлен… — Лейтенант сплюнул ему под ноги. — С чего бы, Си Джей?

— С этого. — Найт протянул ему бумагу.

Сент-Клер развернул ордер, но делал это для проформы. Сегодня за мной приехали по-настоящему, оформив все чин чином.

— Я прокачусь с ним, — Сент-Клер одарил Найта улыбкой. — Имею право.

— Не имеешь, — Найт сплюнул в ответ. — Там уже есть ваш капитан. А тебе, Сент-Клер, еще разбираться с вот этим самым дерьмом, что вы, долбаные идиоты, тут устроили. Например — отыскать хотя бы одно задокументированное одобрение на штурм здания в центре города. Есть такое?

— Мы нашли пару-тройку десятков фунтов «пыли», Си Джей, — лейтенант скривился. — Хорошо, что ты и твои парни тут, поможете сделать все правильно. Думаю, шеф уже рассказал вам про это да?

— Вот только не надо… — Си Джей чуть не оскалился в ответ. — Я…

«Бьюик», вкативший ровно между нами, даже не удивил.

— Я поеду в СиКей сам, — глядеть на перекосившуюся рожу Си Джея было одно удовольствие. — У меня и машина есть, с водителем.

Абак, щелкавший орешки, меня игнорировал, но сразу

тронулся с места.

— Тоже рад тебя видеть.

— А? — Ворон покосился на меня. — Снова в заднице, дурошлеп?

— На коне, грач.

— Несмешно, — констатировал Старый. — Везу тебя в СиКей, верно?

Я кивнул и закурил, а Абак нацепил свои очки. Вот и поговорили.

За нами двигалась одна машина. Служба Контроля осталась на разгромленной базе непонятных транспортников, а меня сопровождал явно сам Си Джей. В запасе имелось минут тридцать, самое время подумать или подремать. Дворники, постоянно смахивающие морось со стекла, очень даже способствовали.

Итак, загадок меньше не стало, не считая… Стоп. Я достал подобранную бумажку, развернул увидев незнакомый штамп-логотип с орлом. И надпись «Институт металлов и проводников». Интересно… Такого института не существует, если речь не о чем-то секретном. Ну, либо один из интересных проектов, из-за чьих результатов люди стали на несколько шажков ближе к концу света. И если так… Вот тогда кое-что вставало на свое место, наверное.

Я не верил в замешанных макаронников, погибших на складе. Я не знавал Винченцо, но кое в чем разобрался и, думаю, отчет экспертов окажутся лишь подтверждением. Если, конечно, СиКей не заберет тела итальяшек, пряча концы.

Парни Тони Бритвы, как пропавший Смит и те наемники, попали под морок. Им запудрили мозги, заставив работать на сильного колдуна и его цель. Чертов Винченцо палил с томмигана как ребенок, играя в войну — от бедра и во все стороны. Итальяшки, конечно, люди горячие, но не до такой степени глупости. Навести морок и заставить людей действовать как кукол, дергая за веревочки, под силу далеко не всем Старым в этом городе. Но это ни о чем не говорит,

— Красиво, — скрипнул Абак, кивнув куда-то наверх, — даже небо стало чище ради такого.

Над нами плыл «цеппелин». Серебристая сигара, переливавшаяся люмисцентной рекламой, голубой и серой, лишь чуть заметно красно-бело-черной эмблемой Германии. Дирижабль сверкал освещением длинной гондолы и готовился швартоваться для высадки пассажиров с грузом. Под ним, по эстакаде, державшей сам путь, пролетел поезд подземки, здесь выходящий наружу. И за этими техногенными обычными чудесами — сияли

огни Манхэттена, царапавшего небо шпилями и сотнями этажей.

— Тебе это нравится?

Ворон насмешливо хохотнул, получилось чуть страшно, как у дьявола в фильме про Фауста.

— Да, Кроу, мне на самом деле нравится. Чистейшее воплощение человеческого гения безо всякой магии. Ну, почти…

— И чем оно тебя восхищает?

Старые чаще всего считают людишек за что-то вроде забавных и опасных зверьков. Колдуны и ведьмы считают иначе, но во многоим их точки зрения сходятся — люди опасны и для тех и для других. Особенно с нашем человеческим пытливым гением, создавшим, к примеру, унифицированные боеприпасы разного калибра и штуки, посылающие их в цель. Например, как две моих под пальто.

И Абаку мне не верилось.

— Тебе нужно пытаться понимать мир, где ты оказался, Кроу. — Абак хохотнул еще раз. — Мы Вороны, нам нет нужды воевать с вами, мы всегда приспособимся и выживем. Потому мы приняли Договор сразу, без нарушений за все его почти сто лет. И вы нам нравитесь, своей неуемной жаждой своей короткой жизни, наглостью, помогающей брать мир себе и любовью друг к другу.

— Ну надо же… — мне так и смотрелось на Ворона другими глазами. — А ненависть?

— А ненависти достаточно у всех, даже у нас, а вот любви почти нет. Я люблю людей, вот, мотаюсь с тобой.

— Меня ты тоже любишь?

Абак кракнул, закинув орешек.

— За что любить тебя? Я люблю свое дело, оно интересное, а ты как обязательный довесок к нему. Рыба-прилипала, фраерок.

О, Ктулху, мой водитель вернулся, минутка слабости прошла.

— Смотри, Кроу, тебя встречает почетная делегация! — сатанински проухал Абак и кивнул вперед. — Сейчас-то, братишка, они тебе пистон вставят!

И я с ним согласился.

Непонятно — зачем нудно торчать под мелким мерзким дождем, пусть и защищенным портиком над входом, но они торчали. Шеф, в смысле, мой кэп, два Куратора от Ковена, величественная Майан и ее постоянный спутник, чернокнижник Хорберстайн и…

И мистер Уильям Каттинг, лично, всей своей длинно-тощей и усатой фигурой босса СиКей Ночного Нью-Йорка. Вся королевская рать, одним словом, сейчас уставившаяся на подкатывающий «бьюик».

— Встану у тротуара, — каркнул Абак, — потом отвезу тебя

страдать, зализывать моральные раны и заливать ущемленное самомнение бухлом. Да, поцык?

Такого абы где не нахватаешься, точно вам говорю. Ладно, это дело потом, сейчас и впрямь надо получить немного перца. Вряд ли они собрались вместе ради вручения мне почетного благодарственного знака от Города.

— Кроу! — рявкнул шеф. — Почему так долго?

Я не ответил, поднимаясь по ступеням широкой лестницы. Да, СиКей находится там, где не ожидаешь — в Публичной библиотеке, вернее, под ней.

— Как мог торопился, шеф. А в чем дело?

— Детектив Кроу! — мягко сказала Майан, так мягко, как вокруг шеи обвиваются кольца питона. — Вы отстраняетесь от ведения любых дел до особого решения Ковена. Вы сдадите жетон и оружие капитану, а сами будете ожидать прочих распоряжений в своей квартире. В случае, если вы решите самостоятельно вести дело дальше, у вас возникнут две проблемы.

— Его главная проблема давно возникла, — фыркнул мистер Каттинг, пошевелив усами и уставившись в свои оба, включая мертвый левый, глаза. — Его главная проблема — он сам, его наглость, самонадеянность и желание выделиться. Иначе никак больше не объяснить действия детектива, если можно так назвать Кроу и моего агента. Они как два яйца от одной курицы, по самые макушки уделавшиеся в дерьме и перьях.

Интересное кино, блин… О чем это он?

— Вы не будете против, если я продолжу? — поинтересовалась у него Майн. И, не дождавшись ответа, продолжила:

— В случае продолжения расследования, Кроу, вас настигнет наказание, и вовсе не обязательно, что дисциплинарное. Это первая из возможных проблем. Вторая — вас никто не станет защищать в случае нахождения на улицах Города. Никто из Старых, никто из знающих магию и даже ваши собственные товарищи. Мы проследим за этим, уж поверьте. Вы заставили нас ждать, это будет учтено в дальнейшем. Капитан О`Брайен, можете забирать Кроу, он в ваших руках.

Что такого я сделал, что всю эту хрень мне высказала лично Куратор от Ковена?! И…

— Иди в машину, детектив, — капитан ткнул меня в плечо, — и ждите меня.

Я закурил сразу, как сел в «бьюик», на заднее сиденье. Капитан появился минут через пять, злющий и мокрый, морось снова превратилась в дождь. Хорошо, что тот самый цеппелин успел пришвартоваться, наверное.

— Поехали к Джекко, Абак, — капитан фыркал и ворочался медведем, — жутко хочется кофе и пожрать.

К Джекко?

Кобольды — существа вредные, некрасивые и жадные. Но даже среди этих милах, сплошь в складках и бородавках, Джекко, старый добрый сицилиец, выделялся своим дерьмовым характером. И уродливостью.

Джекко держал небольшой ресторан семейно кухни на самой границы Литтл Итали. Днем им руководил кто-то из людей, вечером — он открывался для Ночного города. Сейчас уже было темно и не понять капитана было невозможно.

Джекко — старый приятель всего 13 участка. Он мерзкий кобольд, должный жить в шахтах, но любящий красивую жизнь и красивых женщин. Сколько он платит обычным «ночным бабочкам» за свидания с ним, мне даже интересно. Но одно я знаю точно — у Джекко какой-то неоплатный долг перед копами и потому мы всегда желанные гости в его таверне.

И капитан был прав. Кофе и пожрать хотелось неимоверно, а уж у Джекко это умели. Простая домашняя паста, пицца, фокачча и овощные салаты, крепкий, глаза полночи навыкате, кофе домашнего же помола и жарки, хрустящие как семечки палочки-гриссини и граппа. Черт, у меня даже слюна потекла.

Мы молчали, так же торжественно, как на похоронах. Интересно, не пора ли ставить крест на моей карьере и, вот обидно, непонятно из-за чего?

— Он задумался, — поделился Абак своими замечаниями. — Самое время его приструнить.

— Кроу! — не выдержав, рявкнул кэп. — Кто тебе разрешал бить африта посреди светлого дня? Как тебе это в голову пришло? У тебя там, часом, демоны не устраивают оргии с феями? А то очень похоже, с одной стороны воняет свежерубленым мясом, а с другой — совершенно девчачьей глупостью из-за эмоций!

— И это все… — я поразился. — Из-за африта?

— Кроу!

Наверное, все дело в мистере Каттинге. Кто-кто, а он умел доводить шефа до белого каления без всяких специальных кундштюков. Он просто рассказывал все, что думает, про 13 участок и его сотрудников, в своем излюбленном стиле «а не желаете ли немного потрошков?!», а шеф, слушая это, закипал.

Никто не любит СиКей, даже Ковен. Но СиКей — как ужасные КейДжиБи моей родины, люди, нужные ей для всяких разных дел. СиКей, Служба Контроля, делала Договором Договором, а не

просто болтологией, когда-то занесенной на самый настоящий пергамент, вернее, три листа пергамента. СиКей делала эти три свитка Словом и Делом, при надобности стиравшим с лица земли кого угодно, хоть Старого, хоть ведьму, хоть демона или черта лысого. Пусть и не своими, чаще всего, руками. Ну, в случае с демонами уж точно, тут СиКей никак не хватит.

Мистер Уильям Каттинг отвечает не только за Нью-Йорк. Мистер Уильям Каттинг, своими обоими глазами, живым и мертвым, обозревает все Восточное побережье, явно метя на кресло шефа СиКей. И его нелюбовь к копами давно притча во языцах.

— Я не стану вам мешать трепаться, — каркнул Абак, — но останусь и потом отвезу Кроу домой. Ему пора бы там появиться, кое-кто жаждет ласки и немного тепла. Кроу, не спорь, тебе просто нужно поспать.

Тоже мне, Мэри Поппинс в перьях, мать твою…

— Приехали. — Абак аккуртано подъехал к тротуару и остановился. — Кроу, мне деревенскую лазанью, тортеллини и кофейник. Большой.

Действительно, кто еше должен платить за древнеблагородного Ворона, как не отстраненный детектив, так?

Я сам начал закипать в такт капитану, но тут мы оказались внутри. В тепле, запахе хлеба, сыра и вина, в мягком гомоне сидевших за столиком и скрипке, поющей в углу. У Джекко.

— Вон тому, черному, что он скажет! — рявкнул капитан и кровожадно оглядел зальчик.

Зальчик, поднявший на него глаза двух дворфов-коммивояжеров, парочки девчонок-альв, какого-то бледного типа с красными зенками и пятерки людей из Ночного города, замолчал. Капитан фыркнул и потопал в сторону кабинета. У Джекко такой имелся, в самом дальнем углу и с дверью.

— Мне, наверное, нужно оставить вам меню? — поинтересовался самый настоящий сильван, забавно тряхнув кустыми бараньими кудряшками вокруг рожек. — И зайти попозже?

— Да. — капитан сел и придвинул пепельницу. — Из-за тебя, Кроу, я начал курить.

Конечно из-за меня, а вовсе не из-за собственной слабости и любви к табаку. Я предложил кэпу «лаки», он задымил и начал выстукивать свой обычный непонятным ритм пальцами. Мне оставалось ждать и стараться не смотреть на его лапищи.

Лапами нашего капитана можно делать много разных дел. К нему охотно шли бы ковать лошадей и выдирать зубы, делать массаж и просить открыть плотно закрытую банку с вареньем. Я

даже завидовал его огромным клешням, легко превращающимся в самые настоящие кувалды. И совершенно не хотел оказаться на месте кого-то, выведшего кэпа из себя на самом деле.

— Африт — повод, Кроу… — капитан подмигнул, превращаясь в себя.

Он на самом деле вылитый медведь, эдакий, знаете, гризли, огромная штуковина на вроде неповоротливых лапах, тугодумная и медленная. Только, вот ведь, гризли может догнать лошаль на скаку, пусть и на небольшом расстоянии, продумывает кучу важных вещей и бьет лапой куда там вашей кошке. Так и наш кэп — поверь в его недалекие взгляды, интеллект парня с фермы и даже некоторую труосость в решениях и ты попал в его хитро расставленные силки.

— Не знаю, что вы там зацепили с Роецки, но СиКей явно на ушах. Сама Роецки тоже отстранена, сидит под замком у себя в гнездышке на озере Онтарио.

— Где?!

Дело принимало дрянной оборот. В гнездышке на озере Онтарио я не сомневался, у Роейки, вернее, ее семьи, денег точно немало. Один ее костюм стоит как половина этой забегаловки, если уж честно. Другое дело, что если Роецки сейчас за сотни миль отсюда, то явноне по своей воле. А раз так…

— Шеф, вы не знаете, что такое…

Он приложил палец к губам и кивнул на свой блокнот, уже лежащий на столе.

«Институт», написал я и повернул к нему. Капитан пожал плечами и почесал в затылке.

— Никогда не слышал про такого парня, — громко сказал он, — но, думаю, тебе сейчас им точно не стоит заниматься. Разве что посидеть дома, взяв бумаги из архива и покопаться в них. Иногда среди всяких завалов, совсем как в лесу, можно отыскать что-то интересное. Тем более, если речь о таком хитром подонке. Предметы искусства воровать — нужно много ума.

Ну, вот, и благословение получено. Какое? Кэп знал о моем польском дружке, и благословил мою к нему поездку. Мне так и так нужно это сделать, ведь…

— Держите, шеф.

Поживите в Ночном городе и без ствола станете как раздетые. «Кольт» и «астра» сиротливо лежали в компании жетона детектива, ожидая, пока шеф уберет их в свои карманы.

— Молодец, — громко крякнул он, — молодец, Кроу. А теперь вали домой и скажу Ворону, чтобы вернулся за мной. Поешь домашнего, сколько можно тратить деньги на всякие забегаловки. Иди.

Он меня выгонял. Вот ведь… Хорошо.

Абак, не удивив меня, уже покончил со своей лазаньей и тоскливо оглядел крохотные пельмешки с мясом и пармезаном, уже принесенные на его стол.

— Кроу! — каркнуло древне-благородное и оскорбленное создание. — Ты сволочь, истинно тебе говорю.

— Ты за это не платишь, вот и не возмущайся.

В дверях мы столкнулись с пожилой и мило одетой миз, закрывавшей зонтик. Я извинился и подал ей сумку, слетевшую с локтя.

На улице моросило, и мне хотелось две вещей. Одной язанялся сразу, закурив и смотря на Абака, не желавшего подъехать ближе и не дать мне промокнуть. Вторая вещь? Хм…

Вторая вещь занимала меня больше, ведь она касалась моей наблюдательности. Не ошибся ли я, считая, что вместе с услышанной благодарностью увидел совершенно молодые, умные и очень знакомые глаза ведьмы Майан, а вовсе не какой-то там милой красотки поздне-бальзаковского возраста?

Глава шестнадцатая: милый дом, мисс Китти, пани Ковальска и лембергский сырник

Старые, они же Другие, вовсе необязательно отличаются от обычных людей. Говорят, что ведьмы с ведьмаками прячут настоящих себя, искореженных темной стороной магии, говорят…

Если бы кому-то потребовалась настоящая ведьма, сидящая на метле, как модель — миссис Ковальски подошла бы просто идеально, с её прозрачно-зелеными глазищами, хитро-полными губами, густо-рыжими патлами, крепко-тонкой талией и выпуклостями, достойными кистей Рубенса.

— Бывай, Кроу! — каркнул Ворон, отъезжая. Само собой, плевать он хотел на мое прощание.

Моросило. Я поднял воротник пальто, поглубже натянул шляпу и встал на лестницу, опираясь о чугунные плетения перил. Дом, милый дом, мой обожаемый крохотный кусок Лонг-Айленда, с двумя кварталами разномастных домов, домишек и просто монстров, прячущих в себе самые обычные события и совершенно странные дела.

Краснокирпичный фасад, темный от времени, вытянувшийся в пять этажей с затейливыми зубцами под острой кровлей. Темная тяжелая дверь с истинно английской колотушкой-кольцом и почти незаметным звонком сбоку. Два темных высоких вяза по бокам от крыльца, удивительно держащие на себя еще золотые листья. Закрытые ставни нижних окон, высоких и стрельчатых.

Соседние дома казались другими, почему-то резко отличаясь от того, где мне жилось.

— Надо же… — медово потекло с крыльца, — кто к нам вернулся.

Ядвига Ковальска, моя домовладелица и, порой, личный шеф-повар, собственной персоной. Не иначе как вышла подымить в свое удовольствие, уже начав раскуривать старую бабушкину трубку с чубуком в два, не меньше, фута.

— Доброго вечера, пани Ковальска.

— А добрый ли он, Кроу?

Она никогда не обращалась ко мне «мистер», «детектив» или еще как-то относительно вежливо. Кроу и Кроу, более никак. Она не из Старых, она Другая, самая настоящая ведьма. Одри, девчушка-помощница пани Ковальски, полукровка, как-то

сболтнула, что её хозяйка на полном серьёзе видела первый «Молот ведьм», черновик, написанный от руки. Аккурат в то время, когда её растягивали на дыбе, выбивая признания в ведовстве, некромантии, демонолатрии и прочих непотребствах.

И я не удивлялся такому вот обращению. Давно-давно, несколько месяцев назад, лишь поинтересовался — почему я просто Кроу.

— Какой интересный вопрос, — протянула пани Ковальска, отпивая чаёк и потягивая трубку. — Может, потому как ты, Кроу, коронный чиновник, а коронным чиновникам нельзя верить и, само собой, уважать? Может, потому, Кроу, что на самом деле ты самый обычный москаль и вовсе не Кроу? Может, потому, Кроу, что ты здесь чужой и пока не заслужил моего уважения?

Я не спорил. Капитан считал, что платит нам хорошо, мы с парнями считали чуть иначе, а квартирка у пани Ковальской была уютной и доступной.

— Добрый ли вечер, Кроу?

Я пожал плечами. После двух последних дней, будучи живым и целым, поневоле станешь считать добрым даже дождливый вечер в компании сварливой польской ведьмы. Даже если ведьма кажется приятной и милой.

Именно так. Моя хозяйка, совершенно не молодясь и выглядя лет на сорок — сорок пять, была диво как хороша. Да почему бы и нет?

Старые, они же Другие, вовсе необязательно отличаются от обычных людей. Говорят, что ведьмы с ведьмаками прячут настоящих себя, искореженных темной стороной магии, говорят…

Если бы кому-то потребовалась настоящая ведьма, сидящая на метле, как модель — миссис Ковальски подошла бы просто идеально, с её прозрачно-зелеными глазищами, хитро-полными губами, густо-рыжими патлами, крепко-гиб

кой талией и выпуклостями, достойными кистей Рубенса.

— Если бы… — пани Ковальска поправила локон и выпустила дымок, оглянулась на пустую улицу и тот улетел, рассыпавшись бабочками. — Если бы я, скажем, вспомнила свою жаркую молодость, порой заносившую меня во всякие местечки… Я бы прямо сказала — ой-вей, юноша, вы ведёте себя как шлимазл. Набиваете цену, кокетничаете, заставляя меня, старую женщину, упрашивать вас рассказать мне новости. Так и быть, ваше не очень симпатичное лицо говорит про пропавший ужин. Верно, Кроу?

Крыть было нечем, хотя про ужин она явно угадала и не больше. Вряд ли успел бы отощать настолько, что пани Ковальска поняла бы по впалым щекам. Зачем ей звать меня на ужин, если в

этом месяце не оплачивал его заранее? Ради сплетен, ясное дело.

Великая вещь эти женские сплетни, там, сям, картинка и складывается, если применить немного анализа. Причем, я и сам обожал пользоваться таким источником информации, порой стараясь специально отыскать местечко для чая в компании домовладелицы.

— Пойдем, Кроу, ты отведаешь самый настоящий сырник из Лемберга, такого тебе точно не доводилось пробовать.

Ох… звучит как угроза. Не знаю, как насчет темных делишек, ведовства и призыва демонов а-ля Блэкстоун, а готовила пани Ковальска великолепно. Великолепно в кубе, если не в еще какой-то степени. И если обещала сырник, пафосно обозванный лембергским, вместо львовского, то он явно заслуживал внимания.

Тем более, что именно сейчас, как только захлопнулась входная дверь, переживать о безопасности не стоило. Дом ведьмы Ковальски, перебравшейся перед Великой войной в Америку, мог отбить даже атаку Ковена. Пусть и недолго, само собой, но смог бы. Амулет, как обычно, задрожал, принимая волну странной темноватой волшбы, наложенной хозяйкой на стены. И успокоился, ведь я все же жилец.

Внутри оказалось как обычно: спокойно, не особо тихо, тепло и вкусно. Вкусно обеспечивали запахи, идущие из конца коридора, где ясная панна-хозяйка изволила расположить кухню, теплом жарило от труб, оплетающих дом по последнему слову техники, спокойно из-за артефактов и наговоров, вмурованных и наложенных в стены, а не особо тихо…

К этому всего лишь стоило привыкнуть. Пани Ковальска испытывала слабость к артистично-творческим особам, привечая тех за сущие гроши и радовалась, что могла помогать искусству. Сама, при этом, разбиралась в нем как я, например, лошадином сапе. То есть, никак.

Картины, густо висевшие на стенах, при ближайшем рассмотрении оказывались редкостно уродливыми образцами модных течений и примитивизм среди них казался одним из лучших. Цветастые геометрические фигуры, загогулины, что-то, напоминающее следы от ударов метелкой, обмакнутой сразу в несколько банок половой краски. Портреты, больше всего походившие на когда-то модные фотографии пост-мортем, где живые фотографировались с умершими, подкрашенными и одетыми специально обученными людьми.

Красивая рама, вся в золотых завитках, достойная полотна хоть малых голландцев, хоть рафаэлитов, выпячивала наружу что-то, больше всего напоминающее неумело написанного ребенком

бегемота. Обнаженного такого бегемота, в коем явственно угадывались женственные линии и изгибы, причем, обнаженные. Рыжая полоса, идущая от ушек и до крохотного хвостика явно намекала на волосы и, в какой раз рассматривая кривой прямоугольник, прилепленный на гренадерскую грудь гиппопотама, снова возвращалась паскудно-крамольная мысль…

Не сама ли ясная панна на сем непотребстве, а?!

Озвучить не приходило в голову, ведь принцип «не буди лиха, пока оно тихо», имея ведьму в домовладелицах, лучше не забывать.

Сверху, наверняка с третьего этажа, доносился сумбур духовых, куда зачем-то вплеталась скрипка. Там пани Ковальска селила недавно приехавших из Старого Света полукровок, старательно изучавших умение играть джаз, уходящий в прошлое также, как сигареты без фильтра.

— Кроу, тебя не учили пользоваться решеткой у входа? — проскрипел Джуд. — Все вы люди — уроды и идиоты.

Джуд — самый настоящий домовой, вернее, брауни. Он жил в старом доме с самой постройки, переехав вместе с переселенцами из Англии во времена, когда Город еще назывался Новым Амстердамом.

Джуд стар, мелок, плешив, с бакенбардами, усами с подусниками, вислым носом, бородавкой на щеке. Он обожает мелкую клетку, носит засаленный костюм, жилетку в мелкую звезду и шастает по всему дому босиком.

Джуд ворчлив, пакостен и любит тырить все, что плохо лежит. И порой стучит по стенам с дверями, надеясь, что свалятся защитные амулеты, не пускающие его внутрь без разрешения. Заходить он может, верно, но только убираться и когда квартиранты не дома. Попробуй стырить хотя бы что-то — амулет активизируется и подпаливает ему пятки. Если висит, где закреплен пани Ковальски, амулеты Джуд трогать не может.

— Извини, Джуд. — сказал я и пошел дальше, понимая, что старый ворчун сейчас же все заметет и протрет.

— Садись, — пани Ковальска показала на стул. — Брысь, Вортигерн!

Вортигерн, не менее старый, чем Джуд, одноглазый и, вот ведь, седой ворон-гонец, перелетел на шкаф. Вортигерн оказался в Новом Свете вместе с домовым-брауни и с годами его нрав стал еще хуже, чем у Джуда.

— Как в целом, Кроу? — поинтересовалась, явно не просто так, пани Ковальска.

— Налипшие убийства на руках его! — каркнул Вортигерн. — Измены мстят ему за вероломство!

— Чертова птица! — рявкнула панна и замахнулась полотенцем. Ворон каркнул без цитирования и кривовато улетел в коридор.

— Чертова птица, — повторила хозяйка, ставя передо мной чашку, блюдце и положив кусок сырника. — Не может угомониться ни днем не ночью, сыплет Шекспиром, как в театре на Бродвее. Кроу, ты любишь Шекспира?

— Не особо.

— Вот и я не люблю, а эта выжившая из ума скрипелка постоянно каркает его, к месту и ни к месту. Недавно принимала ванну, с солью, со свечами, вспоминала юность… — пани Ковальска повела плечом, неожиданно блеснувшим белоснежной кожей в еще более неожиданно сползшем вырезе шелкового халата. — А он начал читать Отелло. Тьфу!

Оу, мать твою, что за дела тут творятся?! Ясна панна никогда не включала меня в список потенциально интересных мужчин, и это вот все явно неспроста.

— Как сырник? — совершенно бесхитростно спросила хозяйка. — Старый рецепт…

Рецепт, как и все старые рецепты, доказывал одно: классика вовсе не обязательно французская, но от того не становится хуже, легко побеждая все новомодное. Пропеченный творог с изюмом и цукатами, густо политый темной глазурью, расползался по нёбу чем-то неуловимо прекрасным и домашним.

— Просто прекрасен.

— Спасибо. Ладно, Кроу… — она явила себя обычную, перестав томно смотреть и болтать турецкой шитой туфлей на почему-то выставленной ножке. — Давай начистоту?

— С удовольствием. Только прожую, доем и попрошу добавки.

— Проголодался на самом деле, сукин ты кот? — удивилась пани. — Ну, ты тогда ешь, я пока немного расскажу.

Она положила еще два куска, явно, чтобы не вставать лишний раз и закурила свою трубку. Та, никогда при мне не набиваемая, тлела всякий раз, когда хотелось хозяйке.

— Никогда не любила жандармов, полицию и налоговых инспекторов, — заявила панн Ядвига, — вы все проходимцы, прохиндеи и ленивые сукины дети. Пусть и случаются среди вас порядочные люди, выполняющие дело ради профессиональной гордости с честью. Ваш капитан, например…

И, вот ведь дела так дела, пани Ковальска вдруг густо покраснела, но взяла себя в руки и продолжила:

— Слухи все хуже, Кроу. Про девочку, погибшую под мостом, знает весь Ночной город. Ковен разослал уведомления

практикующим ведьмам с ведьмаками о недопустимости попыток проводить ритуалы, направленные на вызов её духа. Ночью предписываются сидеть дома, не высовывать нос, пока не будет найдена сволочь, убивающая наших. Зря, думаешь, терплю эти вот все глупости, шумящие сверху? Парни собирались отправиться на Бродвей, заработать хотя бы на оплату ночевки, они проели все возможное, двое даже отнесли нормальные инструменты в ломбард, купив обычные в магазине. Я их кормлю за свой счет, Кроу!

Пани Ковальска уставилась на меня, горя праведным гневом. Ясно…

— Мы занимаемся, пани Ядвига. Пока все сложно, на улицу и впрямь лучше не выходить, но…

— Но, но, лошадиное гов… — Панна выпустила дымок, соткавшийся в ухмыляющийся череп, потянувшийся ко мне и разлетевшийся вокруг. — Плохо ищете, Кроу! Дай мне волю, я бы…

Она снова затянулась. А я вдруг понял — ведьма Ковальска, может быть, на самом деле живущая полтысячи лет, боится.

— Что говорят ваши?

Она снова выстрелила злым взглядом, на миг проклюнувшись собой настоящей. И не сказать, чтобы у меня не встали дыбом все волосы.

— Наши… — пани Ковальска скрежетнула ногтями по столешнице. — Наши пытались, в нарушение всех предписаний, связаться с девушкой, выйти на нее, нащупать какой-то след. Я тоже пыталась.

— И?

Ядвига Ковальска, старая польская ведьма, выглядящая молодой красивой женщиной, вздохнула печалью древней бабки:

— Её душа умерла, Кроу. Тварь убила не только тело, она забрала её суть. И даже крохи магии, жившей в ней. Такое случается нечасто.

— Вот как…

— Вот так, Кроу. Город стоит на ушах, хотя особо незаметно. А тварь убивает и убивает.

— А раньше-то вы не знали, ну да, — я прикурил, наслаждаясь «лаки» и теплом без мороси. — Даже когда начали пропадать ваши. Даже когда кто-то первым наткнулся на чье-то тело. Распотрошенное, но не клыками или когтями, а хирургом. Без половины внутренних органов и это в лучшем случае.

— Знаешь, да? — она покосилась на меня. — Город хотел решить все своими силами, только не получилось. Мертвых куда больше, чем в ваших отчетах. Пропадают слабые, но эти слабые

тоже наши, а мы вовсе не такие эгоисты, как считаете вы.

— Кто вы?

Ядвига Ковальски дернула носом, чуть презрительно и ожидаемо:

— Люди.

Я не стал спорить. Эгоизм? У кого его нет? А молчали вы, до поры до времени, только из-за тех самых крох магии, возвращающихся куда-то, где она копится, растекаясь потом по вашим жилам. Тоже мне, сочувствующие переживальщики…

Старые и Другие живут в странном симбиозе. Редко когда по-настоящему любя друг друга, напоминая падальщиков, так и ждущих, когда кто-то откинет копыта, чтобы почувствовать крошечную искорку магии, добавившуюся внутрь. Или не добавившуюся, тут уж как получится.

Да, полукровки почти всегда не наследуют ничего, потому на полукровок Старым чаще всего наплевать совсем. За редкими исключениями, вроде Джулс, но там дело особое.

Потому Старые и не любят делиться какими-то сведениями. Зачем, если им самим ничего не угрожает? Но вот сейчас… Сейчас они все боялись, не понимали и желали, в кои-то веки, настоящей помощи от нас. От людей.

ете подсказать?

Пани Ковальска, замолчавшая и потемневшая, только отвернулась. Экое переменчивое настроение.

— Тогда я пойду и посплю, наконец.

— Иди. Да-а-а, Кроу!

Что такое?

— Твоя Китти меня достанет! Сколько было говорено — не тащить у меня продукты? Ты ей напоминал?

— Напоминал. Сколько с меня за ущерб?

Пани фыркнула и не ответила. Ну, на нет и суда нет.

Брауни, читающий газету в кресле у стены, что-то там ворчал мне вслед. Вортигерн каркнул про Бирнамский лес, но неразборчиво. Дом, милый дом…

Мисс Китти ждала меня на кровати, раскинувшись всем своим гибким телом. Косилась яркими зелеными глазами и, как обычно, была непроницаемо загадочна. Как все женщины и все кошки.

Говорят, что черные коты с кошками приносят неприятности. Не верьте, черныши с усами приносят тепло и уют, точно вам говорю.

— Привет, красавица…

Дверь моей квартиры мягко закрылась, мисс Китти мяукнула и тут же оказалась на моем плече. Облизала лицо, от виска до

уха, не забыв куснуть мочку. Ткнулась головенкой в лоб и заурчала. Подлиза…

Я погладил ее, почесал у копчика. Тот у нее явно чесался, постоянно подставляемый моим пальцам. Почесать-то не проблема.

В отличие от явно растущего второго хвоста.

Глава семнадцатая: разговор по-мужски, пушки и сова

Когда на тебя глядит ствол самого настоящего пистолета-пулемета калибра 9 миллиметров, легко становится не по себе. Особенно, если знаешь, сколько пуль и за какое время он выплевывает. А именно этот, МП-40, с его 400 выстрелами в минуту… Заставляет вспомнить многое.

Моросило. Да, в окне все также серело милое осеннее утро. Хотелось снега, но его тут порой днем с огнем не сыскать. Хотя, конечно, зима близко. Единственным ярким пятном был желтый «бьюик», стоявший прямо у входа. Думаете, там сидел Ворон? Вы не ошиблись, именно он там и находился. Откуда знаю?

От брауни, разбудившего меня ударами по двери и недовольными воплями. Мол, слышь, человечина, там за тобой приехали. Вставай и вали нахрен отсюда, больно уж людским духом смердит.

Куда сильнее оказался запах кофе. Как бы меня домовой меня не ненавидел, но не выполнить приказа пани Ковальски явно не мог. И ясна панна, живи она долго, отправила брауни с подносом, где красовалась большущая кружка кофе. Уж кто-кто, а домовладелица Ядвига прекрасно знала — какой именно я люблю.

Первая «лаки» всегда кажется куда крепче следующих и курить ее стоит осторожно, чтобы не закашляться. Заставлять Абака ждать было некрасиво, тем более, что Ворон явно понял мою в нем потребность. Можно бы и добраться до участка за собственным буцефалом, но это трата времени, а его… а его не так много.

Кофе почти залпом, вторую прикурить от первой, проверить наличность, отложенную на наступивший черный день и вперед. Да, мне не рекомендуется шастать по городу, у меня нет ни жетона, ни моих стволов, но прокатиться в «Тихий лес» мне же никто не запрещал, верно?

— А, вот и он, — прокомментировал Абак, наблюдая за мной, садящимся на пассажирское. — Подавил на массу, братишка? Девочки не приснились?

— Я тоже рад тебя видеть.

— Я разве говорил о чем таком? — удивился Ворон. — Ну, как скажешь. Что-то подсказало мне прямо с самого раннего утра, Кроу, что я тебе необходим. Так ли это?

Старые такие Старые…

— Да. Мне нужно к Межинскому.

— О, мы снова едем к шляхтичу. Остановимся из-за блинчиков?

— Я бы хотел пораньше попасть к нему.

— Как скажешь, фраерок. — Ворон кракнул клювом и мы поехали.

Ночной Город живет не только ночью. Днем, понятное дело, многие предпочитают находиться дома, ну, либо там, что им заменяет этот самый дом. Но следы Старых и Других, если знаешь куда смотреть, не скроешь.

Два газетчика, разносящих почту и свежую прессу, с виду обычные парнишки. На самом деле — типичные полукровки, явно со следами то ли кобольдов, то ли гоблинов. Эта мелкая пакостная дрянь, в смысле, гоблины, весьма любили пошуршать вечерами по обычным проституткам. Почему те не делали аборты? Да кто ж их знает.

Кондитерская на самом углу, перед перекрестком, под красивым тентованным козырьком. Зеленая наяда, черные волны, дымящиеся чашки. Кондитерская принадлежала сильфиде, красавице с голубыми глазищами, русо-золотистой косой до самой… до самой и обожавшей сладкое. Вместе с ней сладкое обожала вся приличная часть квартала, доказывая свою любовь столиками, полностью занятыми.

Мы чуть постояли на перекрестке, пропуская автобус, развозящий всяких офисных бурундуков к рабочим закуткам и возвращавший из порта работяг. Водитель, длинный тощий африт, ничем не выделялся среди обычных людей. Если не считать форменной фуражки, выпиравшей в двух местах рожками и ростом, явно не находищимся в рамках нормы.

Да, это Ночной город, спокойно соседствующий с дневным Нью-Йорком.

Открытая лавка старьевщика… О, да, в нее я заперся сразу, поселившись в районе. Магазин — не магазин, склад — не склад, всего понемножку, одним словом — лавка, пусть такое тут не в ходу. Хозяин, старый дед, сухой и длинный как жердь, оказался… эмигрантом. Эмигрантов тут пруд пруди, особенно с окраин моей то ли бывшей, то ли никогда ей не ставшей, родины. Желчный чернокнижник Кислинский понаехал в Ночной Город с самого Киева. Ко мне относился странновато, но принимал за своего. Особенно после моего нежелания изымать у него довольно страшноватую коллекцию, хранившуюся в подвальчике дома, что он выкупил под магазин и собственное жилье.

Я, видно, ухмыльнулся воспоминаниям. Ворон, вроде бы

смотревший только вперед, но, на самом деле, видевший все, осклабился. Думаете — невозможно осклабиться, имея клюв? Я вам завидую, вы не видели Ворона, довольно скалящегося очередному доказательству человеческой дурости в моем лице:

— Кроу, ты вместе с жетоном отдал те опилки, что заменяют тебе мозги? Чего улыбаешься, дурачок-простофиля?

Сказки, надо полагать, Абак тоже читал. Все чудесатее и чудесатее.

— Вспомнилось кое-что…

— Ты про дерьмовую коллекцию дерьмовых предметов культа в чулане того поца?

Абак мотнул клювом на лавку Кислинского, давно оставшуюся позади.

— Ты-то откуда в курсе?

Ворон предпочел не ответить.

Да, коллекция у Кислинского была так себе. Инкунабулы, рассыпающиеся от времени. Заспиртованные младенцы с явными признаками то ли вырождения, то ли стороннего вмешательства в процесс внутриутробного развития. Засушенные чучела совершенно мерзопакостных уродцев, больше всего напоминающих явные неудачи таксодермистов.

И во все это желчный старик цеплялся как в неотъемлимые части самого себя. Тряс древними бумажками за подписью святейшего Синода, каким-то образом разрешившего ему пользование всем этим хламом взамен оказанных услуг и документами таможни, пропустившей груз после осмотра специального отдела Портового управления.

— За ночь, кстати, ничего не случилось, Кроу, — каркнул Ворон, — можно сказать — все тип-топ.

Мне, в его обществе, порой сильно хотелось перейти на совершенно обсценную лексику, чтобы оценить всю глубину познаний Ворона о моем настоящем происхождении. Но что-то удерживало, вероятнее всего — уважение к древнему и благородному роду Старых. Не иначе.

— Все настолько спокойно, что ты сам успел подремать?

— О, — удивился Абак, — у меня перья сзади кудрявятся?

— Салон пахнет дымом не так сильно, как обычно.

— Ты просто настоящий Нат Пинкертон, — заключил Абак, — начинаешь приятно удивлять, Кроу.

Ба, меня похвалили, ну, надо же.

— Мой тебе совет, Кроу, — каркнул Ворон, — старайся не высовываться сегодня из моей машины больше, чем оно того станет требовать. И, да, из-за тебя мы точно не поедим блинчиков.

— Кто растрепал?

Что именно растрепали? Лишение меня жетона со стволами. Нам, честным простым парням из 13, не особо положено держать дома левое оружие. Во всяком случае моя хозяйка такого не позволяет. С одной стороны это жуткий минус… с другой — никто не вопрется в дом панны Ковальска с незаконными стволами, такова её воля и инструкции, вложенные в стены дома. Кто рискнет связаться с ведьмой, помнящей Шпренгера с Инститорисом? Ну, явно немногие.

И вот именно по этой причине, одной из, мы катимся в «Тихий лес». Межинский продаст мне ствол, либо даст в качестве извинения, либо… Либо не знаю, что там произойдет. Как не странно, оружие, купленное у него — в дом пани Ковальски можно проносить. Но не всем, мне вот, например, можно.

За городом оказалось симпатичнее, чем в городе. Здесь также серело и моросило, но золото и багрянец все также держались. Мы подкатили к клубу и Абак, самым решительным способом, отправился вместе со мной. Хотя, случись у нас серьезная разборка, вмешиваться Ворон не станет, не его это дело.

— А, большевик, — улыбнулся Межинский, — давно не виделись.

— Надо поговорить.

— Есть что сказать? — улыбка не пропала, но стала дежурной.

— Настоящему мужчине всегда есть, что сказать.

Это уж точно.

Угловой стол, тишина, тихое бряканье клавиш в углу. Эмиль, всклокоченный и явно не выспавшийся, музицировал, странно переходя от минора к мажору, по ходу дела отхлебывая из высокого стакана что-то ядреное. Ядреность угадывалась по красным пятнам, вспыхивающим после каждого глотка все сильнее.

Вежливость заставила поинтересоваться:

— Что это с ним?

Межинский пожал плечами, подкручил острый ус:

— Любовное томление и разочарование в избраннице. Не сошлись характерами.

— Бывает.

— Это да, тут в точку. Ну, коммунист, о чем ты хотел поговорить?

Я покосился в сторону гула за перегородкой, отодвинул дверцу и уткнулся в сборище разномастных джентльменов, громко спорящих и порой переходящих в самый натуральный

крик:

— А?

— Литераторы, — Межинский хмыкнул, — снова они. Теперь «Орлы и звезды», тоже еженедельник, только мужской. Спорят о некоем Лукке, есть такой новый классик. Он решительно писал под псевдонимом в «Орлы», но получил отказ после первых публикаций, не вызвав никакого ажиотажа.

— О чем спорят?

— Ну, как всегда — о ценности его текстов в разрезе изменений литературы в связи с периодическими изданиями, о злонамеренном подходе за-ради заработка и неумении самовлюбленных больших писателей найти подход к читателю.

— Истина, надо полагать, где-то далеко?

— Учитывая факт того, что сейчас все обсуждают, попеременно, достоинства автоматических винтовок, политический строй нашей бывшей родины, включая фигуру премьер-министра и собственные похвальбы насчет заработка — явно далеко.

— Да и ладно. Скажи-ка, пан подпоручик, не ведаешь ли случайно, почему после моего отъезда отсюда меня почти сразу продырявили чуть не до смерти?

Межинский вставил сигариллу в мундштук, удивив самой ею, закурил и простучал пальцами сложный ритм. Я покосился на Ворона, желая увидеть хотя бы намек на какие-то магические действия.

Ворон деловито разбирался со стейком, уже принесенным официантом и не обращал никакого внимания на мою персону и возможные опасности.

— Знаешь, Кроу…

— Пока не знаю.

Межинский аристократично дернул носом:

— Когда ты пытаешься выглядеть более брутальным, тебе это точно не идет, коммуняка.

— Кто бы говорил, ясновельможный.

Он хмыкнул, то ли согласившись, то ли предпочитая просто не спорить с не самым умным комментарием.

— Знаешь, Кроу, — повторил Межинский, — я посчитаю твое заявление ничем иным, как последствием перенесенного шока. Тем более, как понимаю, двойного, о твоих приключениях давно знают все, кто должен знать. И вот, мой друг большевик, что я тебе скажу…

Театральность в общении — конек Межинского, но простительный.

— Мне не нравятся убийства Старых и Других в Городе. Мне

не нравится стрельба на улицах, какие-то тайные базы непонятных типов, сумевших подчинить себе даже итальяшек. Мне жутко не нравится, что все этопроворачивают самые настоящие гансы с фрицами. Ибо, дружок, немцев я не перевариваю куда больше твоих краснопузых сородичей. Но… Но еще больше меня расстраивает факт твоего неуважения к моей персоне. Надо же додуматься — заявиться сюда и почти приплести меня, гонорового шляхтича с Вильно, к каким-то чертовым колбасникам! Кроу, ты заигрываешься!

— Стоп-стоп, дружок. — «Лаки» оказалась как раз вовремя. — Я задал тебе вопрос немного не в такой плоскости, не находишь?

— Нахожу? — Межинский хмыкнул. — Если бы не твоя удача, отведшая от двойной смерти за неполные сутки, вызвал бы тебя к барьеру. Надо думать, отличная защита чести и достоинства, а, Кроу?

Хм, а ведь впрямь серьезно. К чести Межинский относится очень щепетильно и раз так, то…

— Извини, друг. — Нет, правда, это я сейчас извиняюсь перед клятым ляхом, зуб даю, — просто…

— Просто, как написали два хитроумных писаки, даже кошки не родятся.

Межинский щелкнул и, как по волшебству, перед нами оказались две высоких рюмки.

— Выпьем, друже, — Межинский протянул мне одну, — выпьем вудки и забудем. А потом мы отправимся мириться дальше, туда, где тебе больше всего нравится, когда ты тут оказываешься. Ибо сдается мне, что ствол тебе сейчас нужнее, чем обычно.

Это верно и… Ох и крепка, зараза. Гоноровый шляхтич выпил не поморщившись, пропустив свою огненную воду через почти сомкнутые зубы. И чуть приподнял бровь.

Когда на тебя глядит ствол самого настоящего пистолета-пулемета калибра 9 миллиметров, легко становится не по себе. Особенно, если знаешь, сколько пуль и за какое время он выплевывает. А именно этот, МП-40, с его 400 выстрелами в минуту… Заставляет вспомнить многое.

Например, факт наличия вот этого оружия у кое-кого в армии.

— Откуда игрушка?

Межинский хмыкнул. Для разнообразия — чуть иронично:

— Война есть бизнес, чекист. Образцы еще не поступили в серийное производство, но мне пришли. Вроде неплохие, не желаешь?

Эхо войны? А если…

— Судаева нет, случайно?

— М?

Значит, нет.

— Я возьму томми, не буду выделяться. И парочку дисков к нему, заряженных. И вон тот «вессон», морской. И еще… и его.

Вы таки станете смеяться, но отказаться от красноватого «тульского-Токарева» не сумел. Тем более, он прекрасно лег в кобуру для кольта.

— Есть «астра».

— Не изменяю своей девочке, что ко мне вернется.

— Настоящий мужчина.

Еще какой, честное слово. Вообще, оказываясь в задних комнатах «Тихого леса», мне всегда хотелось иметь мешок Санты. Ну, либо хороший армейский рюкзак, а лучше — два. И уходить, забив их под завязку.

От классической винтовки со скобой Генри до вот этого вот немецкого МП, от страшенного БАРа до самых настоящих шарпшутерских красоток. От редкого «галана» с его почти 12-тью сантиметрами и до «лахти», прекрасной переделки классического «люгера». Патроны, сталь, масло, ершики и дробь с картечью, магазин игрушек для подросших мальчуганов. Первые сорок лет жизни каждого, как известно, самые тяжелые для мальчика. Особенно, когда на тебя точат зубы, когти и ножи всякие неприятные субъекты.

Обожаю подниматься наверх и рассматривать содержимое шкафов и стен второго из бизнесов чертова ляха, слово чести. Чувствую себя спевшим песенку Дедушке Морозу и получившему приз — попадание к нему на Север.

— Патроны, магазины, обоймы к револьверу?

— Да. Сколько с меня?

Межинский усмехнулся. В этот раз — покровительственно.

— Считай, что это вложение в доброе дело. Не могу помочь тебе ничем, кроме железа. Информации никакой, знаю только одно — в городетворится полное дерьмо и вам, копам, стоит шевелиться быстрее. Я все упакую, не переживай. Заряди пистолеты, пока займусь остальным.

— Мне бы…

— Обрез? Смотрю из тебя так и лезут бандитские наклонности, привитые в царстве анархии, по недомыслию называемом империей.

— И патронов с картечью, пояс на…

— Пятнадцать, два в стволах. Вертикалка, чтобы удобнее прятать. Пойдет? Картечь, думаю, серебряная, на кой черт тебе

сейчас нужна другая?

— Ты просто добрый волшебник Гудвин.

— Кто?

— То не суть. Спасибо. Пока не за что. Кстати — мне кажется, тебе письмо.

И Межинский показал на окно, находящееся под самой крышей. Я обернулся и удивился. Там сидела сова. Нормальная такая северная сова, вся белая и большая. Что за чертов Хогвартс?

— Почему ты думаешь, что мне?

Межинский пожал плечами, совершенно не устав от этого занятия:

— Ко мне совы не летают, точно тебе говорю. А эта сидит и пялится только на тебя, в мою сторону ни одного взгляда. А еще ей наплевать на систему охраны, что заставляет меня нервничать. Ты уделишь внимание даме? За окном почти дождь, а у нее перья.

Сова села на подоконник и дожидалась меня, ворочая круглой головой и блестя глазищами. Кожаный ремешок охватывал ее лапку, притянув футляр-цилиндр. Внутри оказалась папиросная бумага с двумя строчками. Почерк был по-настоящему знакомым, ведь читать рапорты и злиться из-за них мне приходилось частенько.

«В восемь в кофетерии Ма. Прихвати мне «лахти» и что-то серьезнее… Целую-обнимаю»

Не женщина, а мечта. А как еще можно сказать про Агнесс Роецки, отправленную подальше и ждущую меня в Центральном парке с оружием и чем-то важным? То-то, что никак.

Глава восемнадцатая: Институт без студентов, тёмные воды и доктор Шмурге

— Да, мой друг, — голос у него явно не подходил к огромным габаритам, — передайте нашему товарищу и союзнику, что доктор недоволен. Недоволен полицией, сунувшей нос куда не следует, недоволен слишком медленным темпом работы, недоволен всем. А если доктор Шмурге недоволен, то происходят некрасиые и недобрые вещи.

Огромная лапища сжала вязаную куклу и человек в сером захрипел, оперевшись о стену.

— Очень недобрые…

Моросило. Я спрятался от дождя под какое-то большущее дерево и начал наблюдать за кафе Ма. Старое-доброе кафе, с его семейными посиделками и праздниками, красивое, как сраный пряничный домик чертовой ведьмы из Шварцвальда. Хорошо, что мы с Роецки не Ганзель и Гретель, решившие идти по следу из конфет с крошками.

Ма, к слову, само собой ведьма и держит бизнес для приличия. Ей на самом деле нравятся детишки, а их смех продлевает жизнь. И без того, надо полагать, очень длинную.

— Хелло, Кроу, — самая прекрасная из женщин шлепнулась на скамью, где мне довелось докуривать уже третью «лаки», — извини, задержалась. Все куришь?

— Все курю. Сбежала?

Роецки легкомысленно пожала плечиками, упакованными в летную курточку. Она вообще смотрелась пареньком-подростком, в рабочих широких брюках, ботинках на толстой подошве, этой самой летной куртке и в кепке с наушниками.

— Знаешь… Мне вот как-то не по себе от случившегося и от собственного безделья. Сдается мне, Кроу, что тебе тоже.

Хм, верная точка зрения. Что заставило меня нарушить указания Куратора, отправиться к Межинскому и, нагшрущившись оружием, ждать тут опальную королеву СиКей? Вот это самое «не по себе», что же еще? Я, так-то, совершенно не герой, но творящееся мне не нравилось.

— Судя по всему, Роецки, у тебя есть план?

— О, да. И он точно не понравится моему шефу и остальным шишкам. Чересчур наглый, чересчур безответственный, но ничего

иного у нас нет.

— У нас?

Роецки выстрелила в меня своими прозрачно-гневными взорами.

— Чего ты приперся, если не у нас?

— Не злись. Агнес, я…

— Если ты решил обращаться по имени, разрешаю называть меня Агнешкой.

— О!

— Да-да, радуйся, Кроу, ты сподобился счастья. У тебя много вопросов?

— Немало, это точно. Может, хотя бы пройдемся в машину?

Роецки мотнула головой, отрицательно:

— Нам повезло, если никто не отследил твоих сегодняшних покатушек в компании Ворона. Отойдем подальше, стоит поговорить и решить — что нам делать. Знаешь, почему нам нужно что-то делать?

— Если не мы, то кто?

Роецки кивнула:

— Молодец Кроу, мыслишь в верную сторону. Иногда даже здесь, в стране возможностей с прибылью, поступать надо только по совести и больше никак.

Даже не подумал с ней спорить.

Старенький «форд» прятался на длинной парковке за решетками парка. Роейцки нырнула внутрь, я бросил стволы на заднее сиденье и приземлился рядом с ней.

— Кури, — проворчала самая прекрасная из женщин, — что с тобой поделать.

— Институт металлов и проводников…

— А, сукин кот, нагреб где-то, да? — Роецки открутила крышку термоса и налила кофе. Нам обоим.

— Нагреб где-то информации, удачливая сволочуга, — продолжала ворчать она, — теперь хочешь все знать.

— Хочу, желаю и с места не тронусь, пока ты все не расскажешь. Меня дырявили два раза, отстранили от дела, в меня разрядил весь магазин чертов макаронник, я отыскал логово паскуды, убивающей девчушек по ночам, слушал поганых немцев, желающих моей смерти, общался с Лисами, несколько раз промок и жутко не высыпался. Но это все ерунда, Ро… Агнешка. Я ни черта не могу связать концы с концами и вот это меня беспокоит куда больше.

— Хм… — Роецки отхлебнула. — А все очень просто. Сейчас объясню.

Прямо ушам не верю, честное слово. Прямо здесь и сейчас,

прямо все встанет на свои места, прямо…

Роецки уставилась в хмарь за стеклом, еще раз отхлебнула и начала говорить. Как-то чересчур ровно и спокойно, как на последнем допросе перед неминуемым расстрелом.

— Скоро начнется война…

Удивила, ну-ну. Война начнется в любом случае, войны склонны начинаться когда их не ждешь, но начинаться обязательно. Особенно та самая, сокрушившая Великую в чертям собачьим и размазавшая все представления о человечности. Была Дома, будет здесь, никуда не деться.

— Старые, Другие, половина из них приняли Договор, не согласившись с ним. СиКей работает в первую очередь по таким, ищет ренегатов, ищет связи с их коллегами в Старом Свете, вскрывает попытки залезть в человеческие дела.

Тоже мне тайна… Сдается, Роецки пока просторешила покататься по моим ушам, не более.

— Институт металлов и проводников существует, СиКей выполняет все функции охраны от вмешательств со стороны Старых. В нем…

Роецки боролась с собой, боролась с секретностью, грозящей ей чем-то куда большим, чем отстранение от работы. И явно не собиралась врать. Самая прекрасная из женщин почему-то решила довериться, решила попросить помощи, а раз так… То либо это хитрая игра, либо она знает о крысах с кротами внутри собственной конторы и боится. Склоняюсь ко второй версии, со мной играть бесполезно, я же просто коп и не более.

— Ты знаешь что-то про атомные проекты?

Твою мать!

— А, знаешь. Я читала твое дело сразу после того, как ты, Кроу, оказался у нас. Тебя не удивила простота твоего направления в 13, отсутствие интереса к твоей персоне, м?

— Удивила. Больше удивило отсутствие возможности отправить меня домой.

— Тебе не врали. Дырки во времени с пространством маги делать не умеют. Они идут по следам беглецов и интервентов, основываясь на слабых координатах и вкладывая в такие экспедиции очень много. Я их даже уважаю, хотя понимаю простую штуку — им невыгодно, чтобы где-то рядом, параллельно, появилась еще одна реальность с магической составляющей. Демоны — живые источники энергии для всей этой волшебной тряхомудии. Про это маги не рассказывают, красуясь собственным подвигами как заслугой по спасению обычных людей.

— Откуда ты знаешь?

— Да уж знаю… А, Институт. В Институте ведутся работы работы по проекту «Манхеттэн», СиКей курирует только безопасность, но этого хватает чтобы понять — ученые продвинулись очень далеко. Не сейчас, через несколько лет, там сумеют создать какое-то оружие, настолько сильное, что…

— Мёртвое солнце.

Роецки повернулась ко мне, уставившись как на пойманного шпиона:

— Еще раз!

— В прошлый раз, когда был у Межинского, меня встретила шаманка и сказала про мертвое солнце. Атомный взрыв, ослепляющий, обжигающий до костей, оставляющий пепел и прах. Мёртвое солнце.

— Ясно. То есть, у вас…

— То есть у нас — да. Ладно, с этим все ясно. Ясно, что немцы тут неспроста, ясно, что у них есть свой маг, колдун, малефик, без разницы как назвать этого упыря. Понятно, что немцы готовят диверсию, либо им должны передать что-то важное, и тогда более-менее все на своих местах. Непонятные убийства и пропадающие Старые — отвлекающий маневр, сбивающий с толку нас, вас и относительно лояльную часть Ночного города. Все бегают и ищут паскуду, кромсающую девок, параллельно пытаются разобраться с контрабандой внутренних органов и частей тел, нужных для каких-то ритуалов. Так?

— Так. Нас банально отправили за приманкой, спрятав за ней что-то настоящее. Они прокололись только когда решили убрать тебя, причем непонятно — почему Смит, если это был именно он, решил взять тебя живым.

— Тут все ясно, — я фыркнул, — чтобы вежливо расспросить, чтобы аккурат между парой сломанных пальцев без ногтей — узнать — кому и что успел сообщить. Решение глупое, ведь меня тоже начали бы искать, но оно же подсказывает главное. Так?

— Да. — Роецки согласилась. — Оно подсказывает, что у них финишная прямая, где все средства хороши, времени мало, а устранить назойливого копа кажется наиболее простым методом решения проблемы. Все ищут убийцу, добавляя его в список приоритетных разработок, а наши хитрецы в этот момент проворачивают свое дельце. А это главное, главное, понимаешь?!

— Ты ведь наверняка изложила свои мысли в рапорте, особенно после того типа, сдохшего от активации рун медальона? К слову, Агнешка, медальон-то чей?

— Знала бы, — фыркнула Роецки, — меня сняли спустя час после отправки его кому нужно. И где сейчас та цацка — даже представления не имею.

— Ладно… — мне стало интересно другое. — Ты знаешь что-то, до чего мне просто нет доступа. Ты не доверяешь кому-то из шишек в своей конторе и обоснованно подозреваешь всех наших, исключая меня только из-за недавних дырок, появившихся после стрельбы. Это, конечно, смахивает на паранойю, но… я ж говорю, что смахивает, а не констатирую её!

Роецки почти ткнула мне в глаз пальцем. Хм, девочка сменила лак, воспользовавшись благородной глубиной вишни.

— Причем тут паранойя, Кроу! Мне просто страшно. Ты знаешь, какая большая у меня семья? Ты был когда-нибудь у Онтарио? Думаешь, желается мне потерять все это, что ли, детектив?! Из-за пары-другой ублюдков, желающих развернуть весь мир обратно, вернув его Старым и Другим, а нам предоставив отличный выбор — служить, либо сдохнуть. А ты думаешь, что Агнешка Роецки сумасшедшая. Отлично!

— Ничего такого не думаю, — я отвернулся, осматривая парковку и закурил. — Так, черт за язык дернул.

— Черт тебя дернул, Кроу! — Роецки успокоилась также быстро, как закипела. — Да, я кое-что знаю наверняка. Не только у тебя есть должники среди Старых и Других. Там копнула, тут подсмотрела, здесь проанализировала… Среди гражданского персонала Института поставила на самого неприметного, с так себе биографией, обычными страстями с пороками, среднестатистического хрена в очках и с усами.

— И? Погоди, ты имеешь доступ в этот самый Институт?

— Имела… — Роецки запыхтела от снова возникшей в ней злости. — Имела, пока где-то не там отметилась, ища документы. Но успела кое-что оставить интересующей персоне.

— Что именно?

Роецки играла желваками и пялилась в морось.

— Ты в стекле дырку прожжешь, если напряжешься, Агнешка. Так что ты оставила?

— Не что, а кого. Пикси-фею.

— Их же не существует!

Роецки развернулась ко мне, вся обычно-едкая и с хитрым прищуром:

— Да что ты говоришь!

— Хорошо. Пикси-фея, несуществующая, если не сказать, вымершая разновидность малюток с крылышками, и?

— Сейчас мы с тобой отправимся на прогулку. Туда, где бродит великий белый Крок.

Как интересно…

Городские легенды моего собственного мира, после всего, творившегося здесь, уже не казались наивными выдумками. Маги

не умеют делать дырки в пространстве? Ну, сделаю вид, что поверил. Ворон разговаривает фразеологизмами и сленгом сразу двух веков моей истории? Страна эльфов находится где-то в глубине Холмов? Да…

И вот, в свете всего этого бардака, великий белый Крок кажется чем-то… чем-то настоящим и вполне опасным. Особенно, если ты сам находишься в его легендарной вотчине, в подземной паутине под Городом. Занесла же нас нелегкая.

Пикси-феи и впрямь существовали. Слабо светящаяся точка появилась в темноте, нырнула к нам из незаметного прохода и оказалась самым настоящим крохой с крылышками.

— А, мисс клевые титьки, ты все же пришла! — тонко пискнула мелкая дрянь и отлетела подальше. — Братец, если ты с ней не того самого, ты многое потерял! Мисс клевые титьки просто огонь. А еще у нее есть…

— Заткнись. — сказала Роецки и показала ему тоненькую стекляшку. — Долг долгом, но долг между мной и старым Вилебальтом, а ты так, разменная монета, взятая напрокат. Заткнись и веди.

— Ой, что ты, что ты, какие мы недотроги! — возмутился пикси, но послушно нырнул назад в темноту, зазывая следовать за ним.

— Канализация? — мне впрямь не верилось, что где-то тут, в коллекторах, что-то может произойти. Хотя…

— Додумался? — фыркнула Роецки.

— Коллекторы, коммуникации отопления и городская подземка. И, наверняка, кабели телефонной связи.

— И доступ к порту. Может, даже какое-то средство передвижения, хотя это уж точно паранойя.

Я остановился. Пазл складывался все яснее и чётче.

— Не паранойя. Если все настолько плохо, как кажется, средство есть. Подводная лодка, скорее всего, не самая маленькая, но и не очень большая, с запасом хода, чтобы добраться в сторону Атлантики хотя бы на треть расстояния до Европы. А там — какая-то база, топливо, масла, аккумуляторы и остальное. Возможно, что аэропорт прямо на льду, если лодка пойдет к Полярному кругу.

— Это просто так не прикроешь.

Тут Роецки права, прикрыть такое просто так невозможно. Значит… значит наверху, выше СиКей, ни одна, ни две и даже не три жирные крысы в больших должностях.

— Не чересчур тогда оружия?

— Ты о чем, Кроу?

Я остановился, повернувшись в ее сторону. Света не хватало,

оставалось давить голосом:

— Не штурмовать же мы их будем вдвоем, верно? Если все так серьезно, то в лучшем случае — увидим и услышим кого-то из них и все. Вся эта «Компания Аппалачей», на самом деле, так себе место наверху. Настоящая база здесь, под землей и сюда нужно… не знаю, армию?

Роецки вздохнула:

— Вот все это железо только для того, чтобы мы смогли отступить, Кроу. А сейчас помолчи и иди аккуратнее, не сломай ноги.

Дельное замечание, что и говорить.

Под землей плохо. Здесь темно, сыро, пахнет всяким странным дерьмом и постоянно кажется, что за спиной кто-то есть. Зная про Ночной город с его обитателями, этот «кто-то» вполне может оказаться правдой. И мы, вдвоем, суровые герои, не идущие в обход.

Мы шли сквозь бетонные стены, кирпичную кладку, неровно уложенный камень, порой осыпающуюся землю. Вверх и вниз, все глубже и глубже. Иногда неподалеку, хотя, как тут разберешь, катил поезд подземки, иногда мы крались вдоль темных вод, вонявших до самых настоящих слез. Светлая точка пикси сигналила о повороте, перекрестке или трубах, низко нагибающихся над неровными полами. Порой из незаметных трещин лилось яркое электричество, порой светились зеленью и голубым мхи, заросли вьюнка и огромные многоножки. А мы шли. Пока не пришли, а пикси вдруг не погас.

И тут мы услышали голоса, идущие откуда-то спереди. Из узкого оконца, забранного старой решеткой.

— Да, герр доктор, мы стараемся. Но…

— Но?

Я выглянул в проем, стараясь рассмотреть что-то в свете ярких ламп. Роецки, кивнув головой, настойчиво советовала всмотреться. У меня получилось, до удивления с изумлением.

«Таких людей же не бывает…» — заявил мой мозг, посоветовавшись с логикой. Так точно, не бывает, но он был: огромный, смахивающий Пузыря из неудачного фильма о Логане, только больше. И в костюме, трещавшем на телесах, и с моноклем, смотревшимся на огромной роже просто смешно. Только смеяться не хотелось.

В руке огромный человек сжимал что-то вроде тряпичной куклы.

Стол, стулья, яркий свет, несколько человек в рабочей одежде и один в городской. Самый обычный человек, даже приятный,

красиво одетый, в сером костюме. Ямка на подбородке, нос боксера, но вправленный. И странно дрожащий голос.

— Да, мой друг, — повторил великан, смахивающий на огра, а его дребезжащий голос явно не подходил к огромным габаритам, — передайте нашему товарищу и союзнику, что доктор недоволен. Недоволен полицией, сунувшей нос куда не следует, недоволен слишком медленным темпом работы, недоволен всем. А если доктор Шмурге недоволен, то происходят некрасивые и недобрые вещи.

Огромная лапища сжала вязаную куклу и человек в сером захрипел, вцепившись в стену.

— Очень недобрые… А! Люций, работает!

Люций? Роецки кивнула на еще одного, незаметного и сидящего под нами.

— Конечно, работает, доктор. Я вам не фокусник!

— Да? — показушно удивился великан, он же огр, он же доктор Шмурге. — Я удивлен. Хорошо, эй, как там тебя… Джексон, хватит валять дурака. Передай Хорберстайну, что не стоит водить меня за нос. Два дня, два дня, Джексон, и вся документация должна оказаться тут!

Палец-сарделька громко стукнул по столу.

— Я ясно выражаюсь?

Серый Джексон закивал, растирая горло и потихоньку становясь нормального цвета.

— Я не ошиблась, — шепнула Роецки, — теперь уже точно не ошиблась.

Это понятно, мы же здесь, нас привел этот самый нахал… А где он?!

— Что это за дрянь! — донесся из-за стены голос Шмурге. — Люций!

Пискнуло, хлюпнуло, чуть позже завопил наш кроха-провожатый. И недвусмысленно сдал нас, мать его!

— Взять!

Мы успели отпрыгнуть назад и вбок раньше, чем за решеткой вдруг взревело пламя, брошенное в нас магом Люцием. Мы уже бежали, хотя, как выяснилось из-за рыжих отблесков, бежать оказалось некуда.

Белый Крок все же не только легенда. Огромная светлая тварь, несущаяся к нам из коридора, откуда мы пришли, никак не среагировала на очередь из «томми». Совсем никак.

— Черт! — ругнулась Роецки, почему-то не стрелявшая. — Зацепился!

Крок несся к нам, переваливаясь, но неумолимо быстро. Сбоку нарастал топот и взгавкивание немецких команд. А

Роецки…

А Роецки выхватила из кармана что-то небольшое, с хрустом сжала и бросила в стену. И мы вдвоем шагнули в светлый овал молочно-белого портала, открытого артефактом, имевшимся у самой прекрасной женщины на свете.

Глава девятнадцатая: обидная подстава, свинец против клыков и лунное серебро

Черные провалы глаз и блеск клыков, смазанное движение и густой запах зверя. Оборотни очень быстрые, оборотни, вышедшие на тропу войны, просто стремительны. Это не огромные волки и не приматы с собачьей башкой, это куда хуже и страшнее. Против них работает только серебро и твоя собственная реакция, опоздай на миг и все, дальше превращайся в фарш с костной мукой.

Мохнатая тень выбила стекло и метнулась к Роецки когда я перезаряжал обрез…

А здесь, вот ведь, мороси не оказалось, чудеса, да и только.

— Твою мать… — пробурчала Роецки, осматриваясь. — И как так? Ну, вот как?!

Мне тоже стало очень интересно — как же так? Как же мы вдруг оказались в портале, как Роецки его раскрыла и куда нас выбросило? Причем, судя по суровому выражению милого личика Роецки, выкинуло совершенно в другую степь. А вовсе не там, где задумывалось.

— Роецки?

— Чего тебе. Кроу? — Агнешка осматривалась, сопела и вела себя неожиданно растерянно.

— Ты маг?

— Да чтоб тебе провалиться от таких мыслей, — Роецки заворчала все сильнее. — Это стандартный артефакт для перемещения, одноразовый и привязанный к конкретной точке.

— Это все объясняет… кроме одного.

Роецки уставилась на меня исключительно зло. И рявкнула:

— Ну?

— Судя по твоей растерянности, артефакт самостоятельно отвязался от нужной точки. Ну… либо никогда и не привязывался. С рук взяла, у кого?

Роецки бросила на меня очень злой взгляд, но в нем точно мелькнуло нечто извиняющееся. Рассмотреть лучше помешали два обстоятельства: глаза вряд ли что выражают, а вот всякие там мимические движения особо незаметны. Причина простая — темно, хоть глаз выколи. Дождя нет, но небо затянуто, оставалось ждать пока луна выкатится.

— Река… — Роецки сплюнула. — Знать бы, какая.

— А где мы должны были оказаться?

Роецки засопела, обиженно и почти по-детски:

— В моей второй квартире.

— Так кто толкнул тебе эту дрянь?

— Кислинский.

Вот чертов старый прохвост, а?!

— Я с ним разберусь.

— Ой, вот только не надо, Кроу! Нам с тобой выбраться надо, а потом уже разбираться. Пошли вдоль реки, как дождемся чистого неба.

— Думаешь, очистится?

Роецки, заполучив шанс унизить мой интеллект, довольно вздохнула. Но ответила очень мягко:

— Ветер начинается… Алекс.

В наших с ней отношениях явно намечается прорыв, остается только аплодировать и радоваться. Это успех, дружок, настоящее чудо и магия, Агнесс Роецки назвала тебя по имени. В пору пригласить её на свидание, отметив небывальщину бутылочкой хорошего шампанского.

Ну, да, сразу, как выберемся.

Роецки оказалась полностью права — ветер и впрямь поднялся, разгоняя тучи, ворочавшиеся вверху. Луна, довольная и сияющая как свежеотчеканенный доллар, выкатилась, залив все вокруг своим сказочным серебром. А мы тронулись в путь, по бережку, аккуратно, следуя за течением. Да и как еще? Если это Пассаик, то нас занесло не особо далеко, если нет…

— Шмурге, — фыркнула Роецки, — откуда у гансов такие ужасные имена с фамилиями. Шму-у-урге, тьфу ты!

— Он явно крут, — поделился я своими мыслями, — вон как его слушаются, не говоря про ужасные угрозы в адрес самого…

— Ты теперь понял? — Роецки остановилась. — Понял, как далеко все зашло?

— Я понял, что нам нужно быть осторожнее, чтобы не попасть под магический глаз. Амулета жалко, но…

Мысль пришла поздно, но деваться было некуда. Амулет, верно прослуживший мне так долго, плюхнул речной водичкой и канул на дно. Следом, и тут я не сомневался, ушли сразу три от Роецки. Выбора у нас, к сожалению, не имелось.

Хорберстайн — настоящий Старый, полукровка, редкий случай, когда существо низшего порядка оказывается на высоте. Хорберстайн входит в Ковен, как один из самых сильных магов Ночного города. Хорберстайн курирует СиКей и 13 участок, и, надо полагать, тот самый проект «Манхэттен» в странном

Институте.

И он, получается, враг. Вот такие пирожки с котятами…

— Какими котятами, Кроу? — фыркнула кошкой Роецки, вернувшись в свой обычный облик. — У тебя голова после портала не кружится, не ударился, э?

— Задумался. — Я остановился. — У тебя точно ничего не осталось?

— Распятие. Но его никто и никогда не видел.

Зачем я ее спрашиваю и на кой ляд мы скинули в воду полезные амулеты с талисманами? Да чтобы нас по ним не обнаружили. Старые и Другие ничего не выдадут, если Хорберстайн решит узнать — у кого закупались магическими штучками Кроу и Роецки. А в тот факт, что нас не опознали фрицы в подземелье, если честно, мне совершенно не верилось. На том коротком куске тоннеля, где к нам несся Крок, а сзади палили, света хватало.

И, раз уж мы засветились, стоит поосторожничать.

— А у тебя что-то осталось? — поинтересовалась Роецки. — Крест?

— Не, — я покрутил головой, принюхиваясь. — Пахнет чем-то вкусным.

— Креста не носишь? — уточнила самая прекрасная из женщин.

— Не ношу, верно.

— Пресвятая Ченстоховска… — Роецки фыркнула. — Ладно бы, он был просто русским схизматиком, а он на самом деле большевик и безбожник.

— Да не большевик я! — то ли вокруг меня слишком много поляков, то ли что-то начало раздражать в этом обращении. — Я этот, ну, как его…

— Язычник?

— Агностик!

— Ай, ну тебя, Кроу. — Роецки тоже принюхалась. — Пахнет мясом. Жареным мясом.

Мы бодро потопали на запах, пробившийся даже через мой нос, полностью убитый никотином. И, к слову, снова захотелось бросить курить, ведь догнать Роецки так и не получилось.

— Отлично… — протянула она, рассматривая самый чудесный вид из возможных. — Прекрасно.

Перед нами лежало чудо: крохотный кусок цивилизации в виде городка, а городком тут считаются даже десять домов, да еще с пристанью, где виднелись самые настоящие лодки и даже пара катеров с моторами.

— Попремся со стволами?

Роецки фыркнула:

— Ты еще скажи, что у тебя с собой нет левого жетона детектива.

Наверное, мое честное и порядочное лицо подсказало ей ответ.

— Охренеть, Кроу… — Роецки вздохнула. — Ладно, делай умный вид и держись сзади.

Да, я порой совершенно правильный коп и не ношу жетона, если тот отобрал шеф. И попадаю вот в такие ситуации. Оставалось надеяться, что прокатит и у Роецки есть что-то серьезное, что-то вроде удостоверения ФБР, ведь только им можно заткнуть местного шерифа или маршала, реши те начать разбираться с нашим статусом.

Мы шли к небольшому домику у пристани, четко опознав в нем саму станцию. И там, радуя глаза, горел свет. Еще больше глаза порадовались номерам на старом, но весьма неплохом пикапе, стоявшем перед зданием.

— Джерси, — Роецки улыбнулась, — нам повезло.

Это верно, осталось понять — где именно в Джерси мы оказались?

Внутри, попивая пиво, находился лохматый, как медведь, тип в теплой рубахе и охотничьей куртке. На нас он уставился не очень удивленно, но явно недовольно.

— Вы кто?

Роецки блеснула значком, оказавшимся все же полицейским.

— Телефон работает?

Телефон, древний аппарат со всякой латунью, потемневшей от времени, красовался на столе этого чертового Натти Бампо.

— Ага, — тот кивнул, — по городу. И даже можно дозвониться в Ньюарк. Вам, мэм, туда звякнуть нужно?

— Нет. В Нью-Йорк.

Тип почесал свои роскошные, хотя и спутанные бакенбарды, шмыгнул, отхлебнул пива и мотнул головой:

— Эт вам, мэм, надо в бар. У Гарри телефон междугородний, только там позвоните.

— А если мы возьмем напрокат катер?

— Они не прокатные, могу предложить байдарку.

Роецки фыркнула:

— Нет, спасибо. Даже самый новый — не в прокат? На нем же табличка…

— Его выкупили, мэм. Гарри и выкупил, так чо, дойдите туда, может… Может и договоритесь.

Роецки кивнула и развернулась к двери.

— Мэм?

— Что?

— Пусть ваш друг сходит, я пока сделаю вам чаю.

Роецки не ответила и вышла.

Бар пах тем самым мясом, добрыми прожаренными стейками. И, совсем немного, спиртным, пивом и табаком. И большим количеством народа, собравшимся повеселиться. Когда мы оказались внутри, на нас уставилось не меньше пятнадцати пар глаз, явно чем-то расстроенных. Не иначе, как появлением из темноты странной женщины в мужской одежде со спутником, увешанным оружием ровно рождественская ёлка игрушками.

— Чем могу? — поинтересовался бармен, наверное, что Гарри, здоровенный детина с еще более густыми бакенбардами, чем у парня на лодочной станции.

Снова сверкнул жетон.

— Телефон работает?

Я повернулся к залу, понимая странную вещь: никто не отводил взгляда, продолжая пялиться на нас с Роецки.

— Попробуйте, — Гарри сморкнулся. — Перебои случаются, место у нас глухое.

— Спасибо.

Роецки стукнула снимаемой трубкой и…

Тут же стукнула ею, кладя назад.

— Часто так не работает? Где могу позвонить?

— Если пойдете через лес в сторону города, то миль пятнадцать и выйдете на заправку. Там, может быть, есть телефон. Или кто-то подкинет вас в Ньюарк.

Роецки, судя по очень вежливому тону, начала злиться:

— Если мы наймем ваш катер, нам сказали, что вы купили тот, новый… Наймем, чтобы добраться до Нью-Йорка?

— Мой катер? — почему-то мне послышалась насмешка в голосе Гарри. — Интересные дела… мэм.

— Что вам кажется интересным?

Глаза сидящих в зале так и сверлили меня, не отрывая взглядов. В воздухе висело что-то странное и это «что-то» никак не смахивало на обычное негостеприимство к приезжим.

— Мэм, мы тут люди темные, но даже здесь следим за разными новостями.

— И?

— И что-то никто, даже Билл Каулитц, а Билл постоянно мотается в Хобокен, не говорил про женщин-детективов.

— Ничто не вечно и все меняется.

— Эт вы верно заметили, мэм. Но и про копов, нанимающих катера, чтобы по реке дойти в город, мы тоже никогда не

слышали.

— Вам что-то не нравится? — Роецки злилась заметно, я уловил привычные стальные звоночки в ее голосе.

— Мне не нравится, мэм, когда ко мне заходят со стволами, — Гарри уловимо сместился. — А еще больше мне не нравится, когда кто-то эти самые стволы не ставит у столика, не вешает на стену, а так и держит, наставив их на моих гостей и друзей.

— Если бы ваши друзья не вели себя странно, Гарри, — Роецки усмехнулась, — мой коллега давно бы отвернулся от них. Вам есть что прятать от закона? Это не наше дело, нам нужен телефон и катер, я готова заплатить.

— Знаете, мэм… — протянул бармен и сплюнул, — еще больше мне не нравится, когда кто-то мне врет.

— Ты о чем, любезный? — протянула Роецки, а я услышал, как в ее левом кармане пальто едва уловимо щелкнул предохранитель.

— У нас тут кухня прямо за стеной, — протянул бармен, сместившись еще дальше и наверняка укрываясь за столбом, поддерживающим крышу, — пахнет разно, но…

— Мы уходим. — сказала Роецки и отступила ко мне, почти прижавшись спиной.

Все глаза, уставившиеся на меня, так и не отрывались, а «что-то», висевшее в воздухе, потихоньку становилось все тяжелее. И в какую же хреновину мы вдруг влипли?! Что за невезуха?! Бутлегеры? Так «сухой закон» давно отменен… Или… Черт…

Луна катилась в окне, большая и круглая, полная-полная. А «что-то», будем честным, потихоньку начинало пахнуть шерстью.

— Мы уходим. — повторила Роецки.

— Да ну? — удивился бармен и хмыкнул. — Удивительно слышать такое от таких, как вы с вашим другом, воняющим серебром сильнее, чем церковный подсвечник. Мы не любим, когда нас обманывают, когда к нам приходят наемники…

— Ты ошибаешься, — сказала Роецки, — я из СиКей. Сейчас покажу.

И явно сунула руку в карман. За своим поддельным жетоном своей настоящей службы. Зря, ой как зря…

Старые живут не только в Городе. Некоторые Старые вообще не любят городов, им куда милее жить в лесах, собравшись стаей. Не будь луна полной, все могло пойти иначе, но в полнолуние у некоторых Старых совершенно сносит крышу. А как еще, когда ты оборотень?!

Бармен вырубил свет, им он только мешает, точно.

Черные провалы глаз и блеск клыков, смазанное движение и

густой запах зверя. Оборотни очень быстрые, оборотни, вышедшие на тропу войны, просто стремительны. Это не огромные волки и не приматы с собачьей башкой, это куда хуже и страшнее. Против них работает только серебро и твоя собственная реакция, опоздай на миг и все, дальше превращайся в фарш с костной мукой.

Наемники часто охотятся на них, это правда, мне самому доводилось разбираться с таким делом. И в чем-то я понимаю этих Старых, только вот сейчас мои мысли совершенно лишние. А надеяться остается только на то, что в диске «томми» пули тоже не просто со свинцом.

«Томми» ударил очередью, окружив нас полукругом засвистевшего металла и яркими вспышками.

Вой и рев ударили в уши также сильно, как запах мгновенно обернувшихся зверей. За спиной бахнуло из пистолета Роецки, поднять свою громыхалку она не успевала. Бармен взвыл и, судя по всему, бросился в сторону кухни, уходя от пуль.

— Обрез! — заорал я, пытаясь рассмотреть что-то в зале.

Никогда бы не подумал, что порадуюсь скорости Роецки, когда ее руки окажутся под моим пальто. Но порадовался.

«Томми» шарашил не умолкая и почти полностью опустошив диск. Мохнатое чудовище рванулось сбоку, но Роецки успела и картечь снесла тому морду к чертям собачьим. Вой стал сильнее, обрез грохнул снова и кто-то покатился по полу, воя и хрипя.

Я успел сменить диск. Там все же были обычные пули, но даже они останавливали мечущихся оборотней, сбивали с ног и не давали тут же регенировать. Окажись у меня тот же МП-40, не знаю, как бы все пошло.

— Бежим! — крикнула Роецки и, подхватив стул, метнула его в окно. Стекло всплакнуло, разлетаясь, а моя нежданная напарница уже летела через него наружу.

Я отступал пятясь, сделал несколько шагов, когда «томми» заткнулся, захлебнувшись от стрельбы. Черное страшилище, едва заметное по отблескам в глазах, кинулось ко мне, рвущему наружу ТТ.

Из-за спины грохнуло очередью, сбив тварь с ног и подарив мне шанс. А вот у Роецки шансов осталось меньше, ведь ее спина никем не прикрыта. Меня чиркнуло осколком по щеке, но это были мелочи, честное слово. Я вывалился наружу, заприметив обрез на траве и тут же потянулся за патронами.

— К пристани! — крикнула Агнешка, косясь вбок.

Оттуда, со стороны домов, к нам катилось несколько теней.

— Давай!

Она бросилась бегом, я за ней, оглядываясь и стараясь не

упустить момент стрельбы. Лохматая тень становилась все ближе, когда краем глаза уловил движение на крыше чертова бара.

Я едва успел, если честно.

Шерстью пахнуло почти в лицо, когда первым выстрелом смог попасть в образину, метнувшуюся с высоты. Пахнуло, ведь бегущего первым сбоку я пропустил. Но не пропустила Роецки, подбившая тому нижнюю лапу, заставившая оборотня споткнуться и не попасть в меня. А я постарался не промахнуться.

Серебро — страшная штука для Старых, пусть и не для всех. Для огромных клубков мускулов, костей и шерсти серебро убийственно. Особенно, если летит картечью.

Мохнатому пришлось с левой стороны, раскидав клочья волос, мясо и нижнюю челюсть, разнеся короткую толстую шею и подарив мне жизнь.

Со стороны домика у берега, хрипло рыкая, несся тот самый «охотник». Роецки, явно довольная, срезала его очередью и, на бегу, выпустила половину пистолетной обойму в лобастую башку. Если повезет, то насмерть, если нет, то все равно будет долго валяться, приходя в себя.

Я влетел внутрь вслед за ней и тут же навалился на дверь. Отличную толстую дверь, сбитую чертовым оборотнем из дубовых досок. Мохнатые любят жить по старинке и железный запор, лежавший на полу, это доказывал на сто процентов. Накинул его на петли и порадовался, что успел, ровно когда с той стороны тяжело ударило мощное тело.

— Болт тебе на воротник, блохастый!

Роецки, уже ищущая ключи от катеров, даже удивленно блеснула глазами, явно не понимая — причем тут болт?

Мохнатая тень выбила стекло и метнулась к ней, когда я перезаряжал обрез…

Я прыгнул туда же, вжав голову в плечи и надеясь, что погибну сразу. Да, вот такой я идиот, рыцарь, мать его, в сияющих доспехах. Мне повезло, мохнатый не махнул лапищей и не куснул, а мне выпало влететь ему в бок.

Ощущение — как будто в телеграфный столб въехал, разогнавшись. Стена, принявшая мою тушку, только способствовала эффекту. Но оборотень чуть отклонился, а мои пальцы успели сделать самое нужное — воткнуть патроны в стволы.

Дах!

Картечь разворотила грудь и горло, раскидала красные ошметки и спасла Роецки, очумело смотрящую на живописный натюрморт со скотобойни. За стеной раздался мягкий топот и как-то почти само собой вышло вскинуть вертикалку вверх и

шарахнуть вовремя. Точно в тот самый момент, когда следующая тварь влетела внутрь по грудь. Разве что…

Разве что оборотень успел втиснуться еще на пару дюймов и серебро разворотило ему брюхо. Меня обдало горячим и пахнущим не переваренным ужином, а шерстяная туша закрыла окно. Пусть ненадолго, но подарив нам с Роецки небольшую фору.

— Лови!

Она крикнула мне, уже добежав до того-самого катера, явно отыскав нужные ключи. Я поймал ее «томми» в полете, выхватил ТТ и начал стрелять как чертов техасский рейнджер, прижимая тяжеленный пистолет-пулемет к бедру. Двух первых мохнатых, выскочивших на пирс, срезал, заставил покатиться и помешать следующим.

— В катер!

Я прыгнул спиной назад, надеясь, что не промажу. Приложился о скамью-банку, крякнул от удара по спине и сел, расстреливая лодки и пару катеров похуже, надеясь попасть хотя бы в один мотор. У меня получилось.

Рвануло сильно, распустившись рыже-красным цветком и подпалив пару резво прыгавших зверей, взвывших и упавших в воду. А Роецки убивала движок, сразу отправив катер в отрыв от этого сумасшедшего зоопарка, чьи обитатели неслись по берегу, но не стремились прыгать в воду.

Я сел, стараясь не терять их из виду и торопливо перезаряжая обрез, в суматохе все же оставшийся со мной, пусть и едва не потерянный во время последнего рывка. Как и когда сумел впихнуть его в кобуру под пальто? Не знаю, не помню, да и какая разница?

— Оторвемся от сволочей! — крикнула Роецки. — Ты цел?

Цел ли я? Ну… вроде да. Спина ныла, ныло, почему-то бедро и так и не пришло в себя плечо, столкнувшееся с оборотнем. Но крови нет, внутри все нормально, уже хорошо.

— Шляпу потерял.

— А? — оглянулась Роецки и удивленно уставилась на меня.

— Говорю, шляпу жалко. Заплатил немало, поди теперь найди такую же.

— Ох, дурак же ты, Кроу…

Она засмеялась, засмеялась до того открыто и весело, что ну никак не вышло не присоединиться. Так мы и неслись минуты две, истерически хохоча и едва успевая следить за рекой. Хорошо, имелся фонарь на носу, бивший далеко и не узко. Скорость Роецки сбросила не сразу, только когда река стала шире, а берега начали прятаться за туманом, клубившимся рядом с ними.

— Вроде оторвались. — Роецки поставила двигатель на самый малый и, чуть позже, совсем заглушила. — Послушаем?

— Конечно. Ты уже поняла, что мы на верном пути? Это Пассаик.

— Поняла. — Роецки села на кресло капитана. — Хорошая посудина, даже не верится. Скоростная и ладная. Откуда у мохнатых деньги на такую?

— Да наплевать. Горючее?

— Хватит дотянуть до Хобокена, а там до порта и к телефону. У нас там есть дежурный пункт, ребята меня знают.

— Это просто прекрасно…

Луна плыла по очистившемуся небу, морось отсутствовала, по берегу не ломились злобные хищные твари, а я не потерял сигарет. Я умылся речной водой, убрав проклятый запах звериных потрохов, а «Лаки» занялась со своим уютным хрустом и стало совсем хорошо…

— Дай сигарету, Алекс.

Я уставился на нее, явно удивленно даже в лунном серебре.

— Дай, говорю. И прикури, пожалуйста.

Роецки шмыгнула носом, тихонько засмеявшись под нос:

— Я так испугалась, ой-ей, очень сильно испугалась. Ты тоже?

Я?! Да чуть в брюки не наложил, но не признаваться же самой прекрасной женщине на свете, верно?

— Да. Сильнее тебя, ты вообще… Не нервы, а стальные канаты.

— Как всегда дуришь?

— Чистейшая правда.

— Да и черт с тобой. Охох, бывает же такое… — Она потянулась, поежилась, прижалась ко мне. — А могли помереть.

Наверное, стоило ответить с умным видом и чем-то таким же по наполнению. Но я просто её поцеловал, надеясь, что мне не сломают нос, прострелят ляжку или отобьют то, куда мужчинам бить нельзя.

Роецки ответила. Так нежно, как никогда не случалось, так мягко, как и не представить. Но недолго. Агнешка Роецки очень любила жизнь и, явно вспомнив об этом, дальше оказалась очень жадной до нее и всех её проявлений.

Здесь было мало места, но нам хватило. Плотный брезент, обычно закрывающий катер, пригодился, как и мое пальто. Воздух казался холодным, но обжигающая Роецки не давала его чувствовать, а её удивительно мягкий живот, оказавшись под рукой, казался раскаленным.

Она прикусила мне губу и впилась ногтями в затылок,

заставляя торопиться. Она была жутко нетерпеливой, чуть дрожа и совсем не от холода. А ее прозрачные глаза, блестевшие лунным серебром, командовали куда понятнее всего остального. Она носила ремень и тот тяжело ударился кобурой и еще чем-то, наконец-то подавшись моим пальцам.

Когда брюки сползли до колен, Роецки оттолкнула меня и перевернулась на коленки. А дальше…

В Америке туго с джентльменами, да я себя к ним никогда и не относил, но… Но о таком джентльмены не говорят. Одно могу сказать — никогда не видел настолько точеного задка и такого пьяняще-прекрасного изгиба спины.

Глава двадцатая: негодяй на негодяе, ствол у виска и мокрая ворона

Если в висок упирается ствол револьвера, так вряд ли стоит ждать чего-то хорошего. Если ствол упирается не в твою голову, а в чужую, то можно бы и расслабиться…

Вопрос лишь в одном — чья же та голова?

Не знаю — специально ли СиКей обучают своих агентов всяким полезным умениям, либо Агнешка Роецки просто-напросто умела управлять скоростным катером, черт знает, как оказавшимся у оборотней. Ясно одно: если бы не она, ни фига бы из этой затеи не получилось. Я-то ни хрена не умею в этом плане. А так…

А так, рано утром, гордо, хоть и без флага, мы вошли в акваторию порта. И направились прямо к известному Роецки пакгаузу. Все шло прекрасно, пока Роецки, наконец, не решила раскрыть рот. До того на нашем судне несколько часов царило полное молчание, заставляющее изрядно нервничать.

— Кроу.

— Да?

— Это была ошибка. И если кому скажешь…

— Не скажу.

Желание общаться пропало и у меня. Пропало напрочь и совершенно удивив, ведь мне даже не думалось, что такое возможно. Адреналин, конечно, требовал выхода своих остатков, вот и все. Точно, так оно и произошло, только по этой причине.

Нас никто не ждал, но незамеченными мы не прошли — на пирсе, прямо в незаметной вроде бы будочке, материализовался ствол станкового «браунинга», уставившийся на нас толстым стволом, упакованным в дырчатый кожух. Здрасьте, приехали…

Роецки остановила катер напротив черного провала, мрачно смотревшего на нас через также незаметные раньше мешки с песком.

— Билли здесь? — крикнула самая прекрасная, а теперь мне это известно точно, из женщин.

Ждать пришлось недолго, видно, Билли следил за всеми и за вся. Крепкий невысокий усач, в неизменном костюме, появился на пирсе очень быстро.

— Роецки, у тебя все в порядке с головой? — очень ласково

поинтересовался он, дымя сигаретой и не доставая рук из карманов.

— Даже лучше, чем тебе кажется. — Роецки усмехнулась. — Мне нужно сделать звонок боссу. Срочно, код — красный, Билли.

Прозвучало пафосно, но сработало на все сто. Билли пыхнул сигаретой и махнул, подзывая нас причалить. И даже сам соизволил поймать конец для швартовки, намотав на кнехты. Видно, красный код отставляет в сторону всякие там сомнения.

— Нас ищут? — поинтересовался я, попросив сигаретку.

И проводил глазами Роецки, под конвоем еще двух молодцов отправившуюся звонить мистеру Каттингу.

— Ну, как сказать… — Билли усмехнулся. — Можно сказать и так. Развозят фотографии, приметы и прочее. Мы получили пакет по пневмопочте еще ночью… Наворотили вы дел, ребятки, понять бы еще — каких.

— Исключительно полезных. — Я закурил, наслаждаясь первой сигаретой после пачки, закончившейся пару часов назад. — Думая исключительно патриотично и действуя на благо великой Америки.

— Сдается мне, сынок, что ты сейчас сказал это с сарказмом.

— Вы ошибаетесь, сэр, — я затянулся, прикидывая — когда меня попросят сдать оружие. — Как под присягой, сэр, сказал правду и только правду.

— Хм… — Билли хотел что-то сказать, но тут его крикнули со стороны склада, прячущего в себе пункт СиКей. Он коснулся шляпы и ушел.

Я остался дымить, рассматривая утреннюю реку, город и сам порт, наслаждаясь… Ну, сами понимаете, чем. Моей любимой моросью, снова вернувшейся ко мне.

Дальше… Дальше все закрутилось, прямо как каруселька в парке, такая, знаете, с лошадками. Все забегали, зафыркали двигатели двух машин, Роецки пару раз мелькнула возле них, не обращая на меня внимания, либо делая вид, что не обращает внимания. Про меня забыли почти все, или, на самом деле все. Даже стало немного грустно от собственной никчемности и искренне захотелось позвонить в 13, когда краем глаза зацепил что-то чересчур яркое для всей местной серости. Да, вы опять не ошиблись, ведь «яркое» оказалось желтым, на колесах и со значком такси.

— А, Кроу, ты все-таки жив… — каркнул Ворон, рассматривая меня через опущенное стекло. — И даже полностью цел.

— Расстроен?

— Самую чуточку, фраерок. — Абак хрустнул клювом. — Судя по запаху, тебе пришлось ночевать на псарне… И с какой-то

миленькой любительницей собачек?

— Какого хрена ты выпендриваешься? — я сел в машину. — Ты же, хрен знает почему, все знаешь, но играешь вот эту самую странную роль, эдакого всевидящего ока, выкидывающего ненужные комментарии и иронизирующего из-за моей человеческой недальновидности. На кой черт?!

— Это все недосып, нервное потрясение и твоя общая моральная усталость, — констатировал Абак, — на, подлечись.

И кинул мне пачку «Лаки».

— В термосе кофе. — Ворон показал на стальной тубус под сиденьем. — Твоя прекрасная огненновласая панна хозяйка делает его просто прекрасно. И почему-то совершенно не отказалась сварить тебе дополнительный утренний кофейник. Не знаешь, почему?

— Ну тебя к лешему, — от всей души пожелал я. — Балабол.

— Не балабол, а краснобай. Есть разница! — Он поднял вверх одно из маховых перьев, с весьма таким умным видом. — Едем?

— Да. Кофе глотну и покурю.

— Сдохнешь от этой отравы, Кроу!

Есть такой вариант, конечно. Я проследил глазами за двумя «олдсмобилями», пронесшихся мимо как ветер. Милая головка самой прекрасной женщины, видневшаяся в первом, казалась высеченной из мрамора, прямо Диана-охотница, вставшая на след. Ни тебе пока, ни тебе спасибо. Вот так-то, Кроу, не стоит быть мягкотелым, надо оставаться настоящим детективом 13, жестким, холодным и лично берущим своих жертв за глотки.

Ну, а сейчас… А сейчас мавр сделал свое дело, мавр может уходить.

— Кроу! — Абак высунулся из машины. — Ты собираешься лить слёзы из-за того, что тебе только что оставили с носом?

— Так заметно?

— Да. Так ты не ной, поцик, тебя ждут великие дела. Ночью вскрыли очередную девчонку, правда без изъятий органов, но, даю зуб, коего у меня нет, это та же самая сволочь. Оставь подковерные игры СиКей и займись уже нормальной работой легавого. Даю второй отсутствующий зуб, что к обеду тебя вызовет кэп и вернет жетон со стволами. Хотя…

Абак закаркал смешком, тряся бородкой и показывая на мой арсенал:

— Сомневаюсь, что ты сильно расстраивался.

— Нас на самом деле подали в розыск?

— На вас нет облавы, но я должен доставить тебя к кэпу, сразу, если увижу. Мне долго пришлось объяснять — почему возил тебя куда-то и что делал потом. Но я не в обиде, Кроу.

— Хотя бы что-то радует этим утром.

— Дурак ты, человек, — каркнул Ворон, — видишь только маячащее перед глазами и не замечаешь сути. Если доживешь до конца дня, все станет как раньше, даже лучше. Даже с женщиной, ок которой ты думаешь.

— Много ты понимаешь в женщинах…

— Я? — Ворон снова каркнул смешком. — Может, что-то и шарю в годных бабцах, фраерок, но тебе не скажу.

Каркнуло с другой стороны и не сказать, что мой Ворон оказался тому рад. Черт знает, как на их пернатых физиономиях читаются эмоции, но они-таки читаются. Вот прям как сейчас.

На капоте, каркая очень как-то… нагло, сидела ворона. Не ворон там, или грач, а именно серая городская ворона. Подпрыгивала, каркала и не сводила с меня глаз. Ну и помахивала правой лапой, где светлело свернутым кусочком бумаги.

— Сдается мне, Кроу, это для тебя, — Абак пощелкал клювом как кастаньетами. — Как же так?

Ворона дала мне подойти, забрать эту странную телеграмму и упорхнула по своим делам.

«Уважаемый мистер Кроу, с добрым утром. Прошу Вас не удивляться такому скорому появлению моей почтовой птички, можете благодарить за это вашего пернато-черного друга, из-за собственного самомнения упускающего досадные мелочи.

Сим желаю сообщить, что известная вам особа, пусть и, к сожалению не та, что мне хотелось бы сейчас ощущать в собственных руках, не сумела отказать моему настойчивому желанию увидеться с ней. И, благодаря моему искреннему порыву прижать к себе ее тонкое тело, дабы вдохнуть аромат черной прически «клеопатра», мы с ней как никогда близки. Прямо сейчас, вы угадали совершенно верно.

Так что, исходя из всего вышеизложенного, мистер Кроу, приглашаю вас присоединиться к нашему, с позволения, свиданию и превратить его в некое извращенное подобие особого рода половых излишеств. Причем, если вы не поторопитесь, то этот самый тройничок может стать еще извращеннее благодаря внесению в него элементов некрофилии. Надеюсь, вас не сильно расстроит этот, не самый вежливый, каламбур.

Ожидаю вас со всей Вашей поспешностью на означенное рандеву, мистер Кроу и, надеюсь, вы понимаете о его страшной секретности. Также заранее прошу предупредить вашего уважаемого друга Ворона о том, что для него найдется собеседник, равно как ему тоже не следует что-либо делать в отношении той особы, что вам, надеюсь, дорога.

Ожидаю, весь в нетерпении, ваш доктор Шмурге»

Твою мать! Ди-то тут причем?!

— Кроу?

Я протянул Абаку письмо. Ворон два раза скрипнул, читая его и, не думая, сел за руль, заведя двигатель.

— Кроу, мне долго тебя ждать?

Я закурил. «Лаки» хрустнула, задымившись, но ее, ставший почти родным, подкопченый вкус отдавал трупной вонью. Нужно ли мне туда ехать? Ведь там, кроме несколько граммов свинца, да не в едином экземпляре, меня ничто не ждало. И…

— Кроу! — Абак кракнул зло, глянул еще злее. — Не заставляй меня разувериваться в людях!

Если тебе такое говорит Старый… То он полностью прав. Наверное.

Ворон не гнал, он ехал спокойно и даже насвистывал, да, насвистывал недавно ставшую модной «Прогулку черной кошки». Я выглянул наружу, наплевав на морось и ища глазами серо-черную крылатую тварь. Не ошибся, та болталась над крышами, почти сливаясь с небом.

— Почему ты задумался, Кроу? — спросил Абак. — Почему сразу не сказал — поехали?

— Потому что это бесполезно.

— Что именно? Идти на помощь?

— Меня убьют, её убьют, ты будешь возить нового копа и больше ничего не произойдет. Ну, если только тебя тоже не убьют. Ты же не поднимешься со мной в квартиру Ди, даже если она как-то входит в ваш клан? Вы фикция и глупость, бесполезные мешки кишок, покрытые перьями и умеющие только отпускать как-бы умные остроты?

Ворон кракнул, глядя на дорогу, раздраженно мотнул головой. Злишься, дружок? Злись.

— Понимаешь, Абак, все очень просто. Леди Ди совершенно не вписывается в картину, она никто, она никак не влияла на случившееся в чертовы последние дни. Мы с ней, ну, мы…

— Вы просто спите, вам хорошо и не больше, — Ворон дернул бородкой, — все понятно. И потому можно пораздумывать — стоит ли пытаться ее спасти, пожертвовав собой, верно? Это так…

— По-человечески?

— Да нет, — Абак каркнул, раздраженно и озлобленно, — просто подло.

— Ты не станешь мне помогать, вмешиваться, это нормально?

— Я… — Ворон злился все больше. — Я не могу.

— Ты не хочешь.

— Я не могу, Кроу. Договор, это не только те правила, что в

нем написаны, это не просто — есть Ночные города, Старые и Другие, не сующиеся в дела людей, а если и делающие это, то только по письменному разрешению властей. У твоего доктора есть маг?

— Да. Его зовут Люций.

— Мы ничего не можем согласно Договора, но когда нужно, правительство спокойно его нарушает. Любое правительство. — Абак закурил, окутавшись дымом. — Только ни одно правительство не разрешит использовать наши силу и дар ради спасения какой-то… какой-то девчонки. Мы Вороны, наше положение держится на старой славе, ты прав.

Он глянул на меня, неожиданно пугающе.

— И уж поверь, хорошо, что та слава старая и тебе не доводилось видеть происходящее, когда нас сильно злят. Когда нас злили, мир вокруг имел только два цвета — красное и черное.

— Слова, Ворон, просто слова. Мы приехали, спасибо за компанию. Я…

Я глядел на появившихся под козырьком над дверью мрачных типов.

— Я, конечно, тот еще подлец и подонок, но, все же, не конченый. Если она выживет — позаботьтесь о ней.

Худой светлоголовый хрен, наверное, Люций, оттолкнул меня, садясь в «бьюик». Ворон уставился перед собой и продолжал курить.

Оружие я сдал внутри дома, мрачные типы всяко не были идиотами, светящими стволами в почти обычном квартале. Меня даже проводили до нужной двери той самой квартиры, где недавно не имелось ничего, кроме короткого тепла, возникающего между двумя людьми. Сейчас, вот ведь, все поменялось.

— О, мой друг Кроу, вот и ты.

Доктор, сидя в кресле по-хозяйски, радостно поблескивал моноклем в мою сторону. Одной рукой он поглаживал Ди по голове. Во второй… во второй был ствол.

Если в висок упирается ствол револьвера, так вряд ли стоит ждать чего-то хорошего. Если ствол упирается не в твою голову, а в чужую, то можно бы и расслабиться…

Вопрос лишь в одном — чья же та голова? Мне оказалось проще любого на моем месте, ответ знал хорошо.

Ствол упирался в висок той, кто была тут случайно попавшей в жернова песчинкой.

— Присаживайся, Кроу.

Доктор Шмурге был огромен, и, как не странно, совершенно не казался смешным, несмотря на факт того, что из ткани его

костюма можно было сшить две с половиной обычных тройки. Даже чертов монокль, такой крохотный, сейчас больше напоминал снайперский прицел, разве что вместо винтовки у доктора имелся небольшой и компактный револьвер, смотревшийся прямо-таки игрушкой.

Я сел. Глупо все это, совсем как в дешевом бульварном чтиве. Я, благородный идиот-коп, невинная жертва и злодей. Дичь, одним словом.

— Ваша вчерашняя выходка меня удивила, — пророкотал Шмурге, — болезненно и неприятно. Вся работа, два года сплошного труда без отдыха, превратились в дерьмо. Липкое и отвратительное дерьмо. Кого-то нужно наказать.

Ага, точно.

— Ди, ты как?

Она пожала плечами, сидя на коленях у своего любимого кресла. Нелепая мысль о том, что кресло теперь точно придется менять, ведь такую тушу пружины и каркас не выдержат, мелькнула и ушла.

— Ты думаешь, что я ее отпущу? — поинтересовался Шмурге.

— Я думаю, что тебе было проще отправить несколько своих парней, чтобы меня расстреляли. И не заниматься дешевой трагедией в театральном стиле. Она тут не причем, зачем ты тыкаешь в нее револьвером?

— О, ты хочешь разъяснить мне все логично и надавить на жалость?

— Я хочу, чтобы ты ее отпустил. Мы с ней любовники, не семья, не люди, что не сумеют друг без друга. У нас нет детей и даже нет совместной жизни, ну, почти.

— Говорил же тебе? — Шмурге погладил Ди по гладко-черной головке. — Что явится, начнет нудеть и оскорблять тебя примитивными сентенциями? Интересно, если оставить вас в живых, вы снова сможете запрыгнуть в койку, роскошно удовлетворяя друг друга? А, Кроу, ты что думаешь по этому поводу?

Медленно, так, чтобы он чего не подумал, достал сигареты и закурил. Крыть стало нечем, этот паршивец прав.

— А приятно будет тебе, Кроу, если мозги этой прелестной головки разлетятся по всей квартире, а ты, схлопотав пару пуль, останешься жить? Хочется жить, имея такой долг за спиной, а?!

— Ты прямо жутко мелочный тип, Шмурге. Делай уже, что тебе хочется и хватить тянуть резину.

— Вы посмотрите, каков герой… — доктор расплылся в улыбке, такой, знаете, улыбке-оскале большой белой акулы. — Может, мне нравится сам момент, что могу контролировать. Ты,

Кроу, оказался порядочным сукиным сыном, поганым джокером, перекрывшим всю партию.

— Да, такой вот я подонок и каналья, вечно лезу, куда не просят.

— Верно, так и есть… А знаешь, почему у тебя получилось помешать отлично проработанной операции?

— И почему?

— Потому что тебе просто повезло. Ты же не играешь в шахматы? Знаю, не играешь, ведь думать стратегически ты не способен. Ты можешь делать какие-то конвульсивные движения, приводящие тебя к обрывкам слаженного организма и ты, как самый настоящий пес, вцепляешься в них и грызешь, пытаясь добраться до сути. Но даже так, и это очень обидно, ты сумел мне помешать. Ты и та мелкая сучонка, что сейчас мне пока недоступна. Я всегда плачу долги, Кроу и Роецки тоже получит свое сполна.

— Думаю, она не попадется как я.

— А мне и не нужно. — Шмурге чуть поднял руку с головы Ди и чуть мелькнул браслетом на ней. — Она просто станет одной из тех дурочек, что валяются в этом городе выпотрошенные как рыбы. Потому что у меня есть вот это.

Я никогда не запоминал галстуков к костюмам Роецки, но вряд ли этот был не её. Переигрывая или нет, сволочная немецкая дрянь и впрямь добрался до её гардероба. И если тварь, убивающая по ночам, получит кусок красивой ткани, то… Жертв станет больше и среди них появится еще одна, все же дорогая мне.

— Я и впрямь потратил на вас обоих много времени. А оно сейчас дорого. — доктор усмехнулся. — Ну, Кроу, добро пожаловать в новую жизнь.

И взвел курок.

Глава двадцать первая: пальба, кровища и запах "Иранской яшмы"

На лестнице, за дверью, кто-то громко охнул, потом захрипел и упал. Шмурге поиграл желваками и наставил револьвер в ту сторону. А я… А я решил пока не дергаться, сообразив — огромный ублюдок только кажется эдаким неуклюжим бегемотом, на самом деле, как и настоящий гиппопотам, являясь очень быстрым парнем.

Если дверь на ваших глазах вдруг покрывается изнутри черной плесенью, рассыпаясь в труху, то даже не стоит думать о причине. Все просто: кто-то применил магию, причем, запрещенную. Ведь уничтожить толстую дверь, заставив ту превратиться в прах, можно лишь некромантией. И если такое происходит рядом с вами, то я посоветовал бы вам сделать ноги.

Нет? Решили остаться? Занимайте место в первом ряду и наслаждайтесь представлением. Но не забывайте про оплату, она легко окажется несколько… высокой.

В гостиную Ди, она же прихожая и все остальное, кроме кухни, спальни да санузла, медленно влетел сухой и едкий запах. Такой встречается в разваливающихся придорожных гостиницах, собираясь год за годом из померших крыс, мышей, тараканов, мух с мокрицами, случайно забредших котов, сожравших крысиную отраву, зарытых в подвале коммивояжеров, парочке деревенских детей, принесенных в жертву году в тысяча семьсот первом от Рождества Христова и так далее. Несло от дубового полотна, превратившего в ничто за считанные секунды. Вслед за запахом, осевшим повсюду почти ощутимой трупной вонью, в квартиру зашел Хорберстайн.

Да, тот самый куратор 13 участка, одновременно Старый и Другой, маг, некромант и черт знает кто еще. Высокий, худой, злющий и стряхивающий с плеча остатки чьего-то глаза, липко обвисшие красными ниточками.

Хорберстайн даже не глянул в мою сторону, а вот мне вдруг стало ощутимо плохо. Ноги задеревенели, а в кишках стало крутить ледяным.

— Гутен таг, майн фрёйнд, — весело улыбнулся доктор Шмурге. — Для чего вся эта напускная театральность и такие жертвы среди моих людей?

— Ты идиот, — Хорберстайн стряхнул последние красные ниточки и едва заметную слизь глазного яблока. — Ты подставил меня, Шмурге.

— Нет. Это подставил сам себя, мой дорогой маг, — поделился собственными выводами доктор, — дал возможность самым обычным агенту и копу выследить меня, мое убежище, моего человека в проекте.

— Ты забываешься, человек.

Доктор насмешливо хрюкнул, что с его габаритами и внешностью смотрелось просто потрясающе. И почему-то казалось страшным. Поразительно, но даже сейчас эта гнида совершенно не боялась. Смотрела на одного из самых сильных магов Ночного Города, пустивших на фарш телохранителей самого доктора, наблюдала за разгорающимися зелеными огоньками на кончиках пальцев Хорберстайна и не боялась.

А меня корежило и крутило каким-то заклинанием, кинутым в меня походя. И, кажется, в этот раз все мои удачи с подарками от Блэкстоуна… закончились. Хотя? Может, я должен был сдохнуть сразу?

Когда прямо передо глазами вдруг возник узор ковра, расстеленного Ди на полу, даже не пришлось удивляться. Полежать иногда неплохо, особенно, когда все хорошо видно.

— Зачем ты пришел, Хорберстайн? — доктор Шмурге лениво и показушно зевнул. — Что тебе нужно?

— Твоя голова. — Хорберстайн вроде как улыбнулся, наверное, что даже торжествующе. — Твоя голова купит все, включая мое не пошатнувшееся положение. Я провел собственную операцию, выявил гнездо нацистских ублюдков и ликвидировал. И даже внедрил к тебе своего агента.

— А, — удивился Шмурге, — Люций, ну-ну. Он, так понимаю, живой и внизу?

— Правильно понимаешь, свинья. — Хорберстайн продолжал изливаться накопившееся, во всю копируя злодеев из самых обычных поделок Голливуда. — Я знал все про твои шаги и тебя самого. Жаль, ты прокололся, не смог замести следы, выпуская свою кровожадную сучку и не следя за ней.

— Ох, и действительно, — согласился доктор, не убирая револьвера. — Так чего ты ждешь, почему треплешься?

— Наслаждаюсь. Я не люблю вас, людишек, даже если вы полезны. А ты не смог оказаться полезным, не сумел помочь мне сделать задуманное и вернуть власть мне и моим товарищам. И мне, понимаешь ли, очень хочется показать тебе твое место, жирный ты хряк, показать, что ты всего лишь… насекомое, как клещ, раздувшийся от самомнения. Сейчас я щелкну пальцами и ты перестанешь быть. Жаль, вместе с тобой придется уничтожить одного из Воронов, он это заслужил, но он-то хотя бы из наших. А из-за тебя ему придется погибнуть.

Меня корежило от судорог, продирающих насквозь, от пяток до головы, но я все слушал. Слушал и со страхом начал понимать — это конец. Хорберстайн готов убить даже Абака, сейчас сидящего в машине под присмотром одного хитрого мага, ставшего двойным агентом.

Все так просто, как оказалось: заговор Старых против сторонников Договора, помощь нацистам, ищущим следы чудо-оружия, создаваемого учеными, заваруха в Европе, куда должны втянуться Штаты и удар в спину, чтобы забрать себе континент и с него начать крушить Договор.

И всякие побочные эффекты, вроде ложного следа, оставляемого неизвестной тварью из вполне известных трупов обычных людей. Ну, пусть не только. Сегодня к этому списку добавится несколько наци, одна обычная женщина, один дурной коп и один древний Ворон. Нормальный расклад, что тут скажешь?

— Ты готов умереть, Шмурге? — Хорберстайн оскалился в своей, явно любимой, зловещей улыбке и…

И поморщился, как-будто вслушиваясь. Дальше все завертелось, превратившись в ураган, где главными цветами оказались черное с алым. Черное от ворвавшегося внутрь вихря, переливающегося агатовыми перьями, а алое от, собственно, крови Хорберстайна.

Перья рассекали плоть как хорошо наточенная сталь. Ворон, как торнадо кружа вокруг моего бывшего куратора, напластал того кусками ветчины и развернулся к доктору. Хотя того уже не оказалось в кресле. Револьвер грохнул несколько раз, выстрелив в Абака, превратившегося в самого настоящего демона, покрытого кровью. Крикнула Ди, брошенная в сторону, а Шмурге, перехватив оружие в левую руку, правой знакомо хрустнул, создавая разовый портал. Ну, кто бы сомневался, что у самого настоящего германского резидента найдется что-то подобное.

Хотя уйти полностью у него не вышло. Мой саркастичный водитель-Ворон, сильно замедлившись после попаданий, успел махнуть крылом напоследок. Портал, сворачиваясь, донес до моих ушей рев боли доктора, а прямо на ковер шлепнулась его левая рука, отрубленная почти по локоть.

Чуть позже, истекая ею же, самой обычной красной кровью, туда осел Ворон. И уставился на меня блестящими глазами.

— Помираешь, Кроу?

Я чего-то там булькнул, понимая — смерть Хорберстайна никак не спасла меня от походя брошенного заклятья.

— А, — проворчал Абак, — наследство того демона никак не дает тебе умереть. Ты везучий сукин сын, Кроу. А я вот нет.

Да уж… Не знаю, что там было в пулях доктора, не знаю, как тот смог попасть в него, но из дырок текло не переставая.

— Жаль, — каркнул Ворон, — мир вокруг становится все красивее. Зато я уйду как воин, погибнув в бою. А не превращусь в пепел, воняющий векселями, банкнотами и чертовым капитализмом.

— Ди, — он скрипел все тише, — спаси этого дурака. Подтащи его ко мне, давай.

А?

Ди ухватила меня за пальто и послушно потянула по ковру. Боль проснулась, заставив кричать, но никого это не смущало. Ворон скрипел и булькал, истекая красным, но пока не умирал.

— Хочешь жить, Кроу?

Я моргнул, глядя на него с пола.

— Но в полиции тебе больше не работать. Никто, состоя в клане Ворона, не может работать в полиции.

Вот беда-то…

Абак макнул крыло в собственную кровь и мазнул перьями по моему лицу, что-то отрывисто кракая. Меня скрутило, боль прострелила насквозь и… И закончилась. Я даже смог сесть, ошалело смотря на эбеновый клюв и глаза, блестящие чуть слабее обычного.

— Запомни, фраер, — каркнул Абак, — такое прокатывает ровно один раз. Больше никто из моих тебя с того света не вытащит. Шаришь?

Я кивнул.

— Ну, живи, человек. Бывай.

«Лаки», из той самой пачки, что мне недавно зал именно он, пахла ошеломительно. Она пахла не только подкопченным табаком, фига. Она пахла самой жизнью и неожиданно стало сильно жаль из-за простой вещи: не предложишь ему сигаретку.

Потому что невозможно предложить закурить памятнику. Черному костяному памятнику, ведь именно в него превратился мой единственный знакомый Ворон.

Её ночь пахла опасностью, сталью и духами "Иранская яшма". Так себе аромат, если честно.

Но из-за него моя воняла кошками, улицей и десятой подряд "Лаки Страйк". И звучала саксофоном из вентиляции ночного клуба, на чьей крыше я ждал эту опасную чёртову суку. Я…

Я Алекс Кроу, детектив 13 участка Ночного Города, ждущий под дождем и в темноте суку, убивающую, когда звучит «Прогулка черной кошки». Я Лёха Воронин, попавший в другой мир, время и место, и просто пытающийся здесь жить. Пусть и не особо просто.

Да, я пока еще детектив, все верно. Надолго? Я не знаю.

Моросило. Неудивительно, это осень, пора привыкнуть, верно, дружок?

Внизу играл Луис, седой морщинистый чернокожий, любящий свой саксофон, бурбон и ночную жизнь. Скоро должны начать выступление «Моррис, Моррис и Мак-Кейн», отличная блюз-банда, переехавшая в Город из Орлеана. Ребята здесь уже второй месяц и каждую пятницу собирают полный зал, а «Прогулка чёрной кошки» стала настоящим хитом. Наверное, скоро стоит ждать пластинку с двумя белыми и одним чёрным лицом, на троих — пара улыбок и одна недовольная рожа. Мак-Кейн, вроде бы, никогда не улыбался.

Мы со Звездочкой, ждем другую черную кошку. Наша обожает гулять ночью. Каждая чертова прогулка заканчивается смертью, и, ну, вы знаете, не её. Давно стоит прекратить эти моционы, потому и приходится торчать здесь, под моросящим дождём, слушая пронзительную и рвущую душу музыку Луиса. Старый пердун на самом деле виртуоз, пользуется этим, катаясь как сыр в масле. Винченцо, хозяин «Вероны», понимает ценность древнего негра и платит даже больше, чем достаточно.

Луис подобрался к концу, саксофон, грешный, как жизнь его хозяина, плакал и смеялся. Звук идёт через вентиляцию, чуть дребезжащий и дерганый, совсем как переливающаяся лампами и красными бликами витрина салона приватных танцев «У Лу», напротив клуба. Пара ламп почему-то работают плохо, и красотка, смотрящая в ночь, как будто призывно подмигивает. Нет, детка, сегодня я не твой клиент. Но это так глупо и мило, что подмигнул в ответ.

Все, казалось бы, закончилось, но мне совершенно не верилось в такой исход. Не-не, просто ничего не бывает, даже кошки не родятся, что уж говорить о такой тонкой материи, как устройство этого мира.

Тогда, давным-давно, полтора суток назад, я поднял трубку телефона и сделал звонок в Участок. Примчался лейтенант, Макнамара и даже Смит. Ну и куча остальных ребят, от экспертов до просто любопытствующих. Меня погрузили в машину и отправили к кэпу, уже напрочь истоптавшему свой кабинет в ожидании блудного сына и известий от него.

Было даже весело…

— Кроу, ты понимаешь, что твои слова ничего не стоят?

Кэп прохаживался вокруг меня и Сейди, щурясь от дыма папиросы, соглашалась с ним без слов.

— У нас там труп куратора, трупы каких-то мутных типов и

чуть меньше половины чьей-то руки.

— И мертвый Ворон.

— О, да, сынок, еще и мертвый Ворон. Все просто прекрасно, так?

Я не спорил. Я выжил в третий раз за неделю, мои плечи жгла татуировка Морна, первого Ворона, возникшая сама по себе и мне мало чего хотелось. Я даже не достал свою очередную чертову сигарету.

Тут затрезвонил телефон. И не просто один из аппаратов, стоявших на столе кэпа, а очень важный. На него поступали либо звонки от мэра, либо СиКей, либо…

— Да, Майан, все верно, тебя не обманули.

Кто бы сомневался, право слово, что в этот раз звонила последняя из наших кураторов.

— Да, да, я понял. Хорошо. Да, мы не станем вмешиваться, это дело Каттинга. Я выставлю патрули, а твое письмо… Оно уже здесь.

Письмо пришло по пневмопочте, эдакому заменителю мессенджеров в мире Договора. Мне больше понравилась сова, если честно, но уж что есть…

В письме оказалось несколько фотографий, вроде бы того самого типа, что еще совсем недавно мы с Роецки видели в подземных коммуникациях, беседующего с Шмурге. Значит, дело на самом деле подошло к концу, почти подошло.

СиКей и Ковен искали ученого, сливавшего секреты нацистам. Как потом оказалось — Институт, на самом деле находившийся вовсе не на Манхэттене, а имевший тут лишь лабораторию, брали штурмом и того самого парня, оказавшегося вовсе не Джексоном, а каким-то потомков норвежцев, взяли во время бегства. Так что предосторожности оказались лишними.

Шмурге сбежал и, наверное, помер от потери крови после потери куска самого себя. Но я в это совершенно иррационально не верил. Эта громада, сумевшая выжить в черно-красной буре посреди квартиры Ди, явно имела в рукаве еще несколько козырей. Но это уже не моя забота, а дело СиКей и остальных.

Меня куда больше волновал другой вопрос. И я собирался его решить без одобрения кэпа, кураторов, проклятого Каттинга с его проклятущими самыми прекрасными женщинами-агентами и даже без помощь родственников Абака. Кстати, вряд ли они обрадуются моему заявлению о принятии в клан и спасении ценой гибели одного из них.

Меня волновал вопрос крови и смертей на улицах и я собирался его решить. И чем быстрее, тем лучше.

Так что…

Так что именно поэтому новая «Лаки Страйк» взорвалась с легким шипением. Дым окутал лицо, проходя в носоглотку и тонкими струйками улетел вверх, кружась вокруг шляпы. Здесь же нельзя ходить с открытой головой, если, конечно ты не притворяешься деревенщиной, эмигрантом или парией из гетто. Галстук… галстук мешал и капитан, не так давно, постоянно ворчал, терпя мои водолазки.

Да, во внутреннем кармане пальто пока еще есть значок детектива. Но, уж поверьте, публику Ночного Города этот значок порой лишь раззадорит. 13 участок, следящий здесь за порядком, любит малая часть горожан, обычно спящих днем и выбирающихся лишь к вечеру. 13 участок бельмо на глазу у многих и многих, любящих темноту.

Да и, наверняка Ворон был прав, значок у меня скоро заберут. Но пока кэп вернул его, вместе с моими стволами и ничего не спросил о моих планах. А я взял выходной и поперся сюда, в квартал с девочками, клубами, гуляками и остальными прожигателями жизни. Где искать себе жертву, если не здесь, верно? Ну, если не считать прямой уверенности в собственной правоте из-за куска металла, спящего в кармане пальто.

Почему я так открыто курю, выжидая её, бесшумно ступающую опасность? Это часть игры и, надеюсь, она ей понравится. Надеюсь, неуловимая незнакомка, прячущая за дурманящим восточным запахом медь засохшей крови, захочет поиграть со мной. Самооценка порой подводит и очень-очень сильно, заставляя переоценивать себя. Может быть, она на самом деле сильна, быстра и ловка, сумасшедшая любительница боли и страха, кто знает.

Но я её остановлю. Просто потому что так надо, ради справедливости и покоя этих чёртовых улиц, не родных и ставших лишь чуть знакомыми. И в память об одном отличном Старом, оказавшемся куда человечнее многих из известных мне людей.

Я уже не крутил в руках браслет, снятый с ошметка Шмурге, валявшегося на ковре у Ди. Я снял тот сразу и не спешил разбираться, пока не вышел из участка и не добрался до дома. Но разобрался и сейчас курю под моросящим дождем, дожидаясь эту суку, что должна откликнуться на призыв.

Если, конечно, все пойдет правильно. Она же один раз удрала от Шмурге, из той самой конторы с глупым названием. Да, доктор явно считал, что все еще может управлять ей и потому показал мне тот галстук Роецки. Но… но мало ли, вдруг браслет-манок сломался или тварь, убивающая людей, сумела выйти из-под контроля?

Но даже если так, надеюсь, она все равно учует зов и придет.

Убивая постоянно — невозможно не привыкнуть и не желать новой крови новых жертв. А уж отомстить тому, кто держал тебя взаперти?

Саксофон внизу бархатно расплакался и замолк. И, вместо с запахами сигарет, еды, женщин и остального, оттуда, снизу, вдруг тихонько коснулась едва уловимая ниточка того самого аромата, что так ждал.

Чертовой «Иранской яшмы».

Глава двадцать вторая и последняя

Клыки и когти против стали, свинца и серебра? Думаете, клыки и когти бесполезны? Не смешите мой пупок, леди и джентльмены. Это там, у вас, в нормальной жизни, хищник не всегда подерет охотника. А у нас, в Ночном Городе, такое сплошь и рядом, вот прямо совсем, как сейчас.

— Кроу! — возмутился Джимми, администратор клуба.

Было с чего, меня же почему-то не хотели пускать со стволами, напирая на какие-то правила, договоренности и все такое. Пришлось немного объяснить парням, что не надо чинить препятствия слуге закона, особенно если тот настаивает на своем проходе как есть. Тем более, что стволы я не доставал, спокойно хотел пройти вдоль темной части к бару и немного посидеть, наблюдая за серьезными блюзменами.

Ну и, заодно, за публикой конечно.

А они тут завозмущались прямо на входе, вот такие вот дела…

— Кроу! — снова возопил чертов итальяшка-полукровка, наблюдая за своими людьми, готовыми порвать меня на десятьтысяч маленьких Кроу, но косящихся на мое расстегнутое пальто. Вот ты, Джимми, идиот… Хотя, конечно, все же не Джимми. А я сам, решивший войти не с черного входа. Пришлось брать его за локоток и тащить для беседы подальше.

Хорошо, между входом в клуб и самим клубом есть длинный коридор и вряд ли нас слышали.

— Джимми!

— Я, Кроу, очень много лет Джимми! — продолжал тот кипятиться. — Тебя, черт тебя побери, Кроу, в городе не знали, когда Джимми выкидывал отсюда людей куда солиднее! Да я…

— Джимми, извини.

Тот заткнулся, уставился недоуменно и с интересом. Эх, Джимми, все проблемы у людей только из-за недопонимания, ты же должен знать.

— Ну?

Я колебался пару секунд, не больше. Чего тянуть кота за яйца, когда нужно действовать? Ошибаюсь? Так и так меня выкинут из копов, так что переживать из-за ещё одной ошибки совершенно не стоит.

— Ты знаешь про убитых девочек по всему городу?

Джимми побледнел.

— Да, Кроу, а…

— Она здесь.

— Кто она?

— Та, что убивает, Джимми. Я не знаю, как она выглядит, но она точно здесь. Духи «Иранская яшма», знае…

Джимми побледнел еще больше.

— Что?

— Я хотел за ней приударить, Кроу, честное слово. Красивая черная баба, ну, мулатка, что ли? Я её в первый раз видел, а ты думаешь, что она, а я…

Джимми, со всей своей артистичной натурой неудавшегося комика, вдруг побледнел сильнее и начал медленно сваливаться по стене, явно пытаясь удрать от меня в обморок. Пришлось влепить пощёчину, а как иначе? Не ждать же, пока он полностью просмотрит в своих фантазиях весь фильм о жестокой убийце, с чего-то изменившей привычке резать девочек и переключившейся за фертом, ухлестывающим за ней.

— А? — вскинулся Джимми.

— Сколько темнокожих в клубе?

— Женщин? Или мужчин?

— Женщин, хренов ты идиот!

— Десять, не меньше.

— Волосы, длина, кудрявые иди вдруг прямые, платье — цвет, до колен, щиколоток иди совсем короткое? Особые приметы или что-то из одежды?

— Мимо не пройдешь, Кроу… Красное платье, модное, с одной стороны до колена, с другой — до середины бедра, волосы… — Джимми явно лихорадочно соображал. — Волосы уложены, короткие, зачесаны набок. Ну и… ну и все. Очень красивая.

— Из главного зала можно уйти куда-то, минуя главный вход?

И тут Джимми на глазах начал затыкаться, врать и юлить. Надо же, еще один клуб занимается чем-то неразрешенным.

— Джимми, мать твою, плевать мне на…

Джимми сглотнул.

— Ты же не врешь, Кроу?

— Нет!

— Через кухню есть проход вниз, под Город. Кроу, она не сможет его найти!

Честно? Я почему-то в этом сомневался, вот прямо совсем сильно сомневался в таком раскладе, прямо так сильно, что становилось не по себе. Чутьем чуял — эта тварь, если что случится, сумеет найти выход, нюхом отыщет и скроется под городом.

— Ладно, Джимми, не переживай. Получишь от Ковена благодарность, если я справлюсь.

— Я вызову ваших, Кроу!

— Вызывай.

Переживать не стоит, парни, если что случится, смогут закончить дело. Но начну его именно я, так будет правильно. Кровь за кровь, это честно.

Охранники у входа уже успокоились и даже не смотрели в мою сторону, все такие занятые рассматриванием каких-то милых цыпочек, одевавшихся в гардеробе. Больше того, у дверей торчал один, а трое оставшихся вышибал топтались у гардероба. Рядом с объектом… объектами своего интереса. Плохо делаете свое дело, ребятки, вам бы не на красоток пялиться, а думать про администратора. Да и чего ж вы тут-то, в одном из самых злачных мест города, не видели? Однако…

Они смотрелись почти как кофе с молоком, будь чернокожая именно черной, а она была как раз того цвета, что получается, если в крепкую обжарку добавить хорошего молока. Белая — светленькая, тоненькая, совсем девчонка, с длинными светлыми волосами, облитая изумрудно-переливающимся платьицем, обтягивающим все, что требовалось обтянуть. И она сама смотрела на соседку как ребенок на цветастую ярмарочную карамель с палочкой, вся в надежде быстрее начать облизывать.

Поражены? Это Ночной Город, нравы тут свободнее, чем где бы то ни было. Даже мне захотелось облизнуться, рассматривая её.

Точеные ножки, тонкая талия, две равномерно прекрасные выпуклости, вверху и сперели и снизу сзади. Черные гладкие волосы, уложенные чем-то до блеска, переливающегося в тон небольшому узору красного платья. И пахла она просто прекрасно, завораживающе, чем-то нездешним, почему-то нарочито перебиваемым совсем лишними духами. Тяжелыми, сладкими и восточными.

«Иранской яшмой».

Мы уставились друг на друга, ненадолго, секунды на три, но я чуть не провалился в черный омут глаз, готовых проткнуть меня насквозь. Ах ты ж, су…

Вот как оно все просто. Мотыльки-бабочки, девчонки, попадающиеся ей ночью, просто не могли справиться с адским притяжением, волнами наступающим с её стороны. Даже если никогда в жизни не смотрели на других женщин, как на соседок по постели. А потом… а потом делай с ними, что хочешь, они все оказывались в её власти.

Внутри меня, ощутимо каркнув и шевельнув ворохом перьев,

мокрых от крови, шевельнулось что-то непонятное.

«Ты дурак, Кроу! — явственно протянул Абак. — Думай головой, а не чем еще!»

Нить, протянутая в мою сторону, натянулась и звонко, как стеклянная, лопнула.

Я потянул наружу кольт.

Она сделала неожиданное и ни разу не виденное.

Просто вытянула руку, тут же украсившуюся самыми настоящими когтями, одним небрежным взмахом рубанула по горлу сразу двух охранников, а третьего небрежно пнула ножкой. Точно в живот и отправив лететь на меня.

Я не успел уйти в сторону, сбитый живым снарядом и только наблюдал, как тварь умудрилась второй рукой ухватить светловолосую вокруг талии и, в один прыжок, скрыться в глубине гардероба.

Чертов врун Джимми!

Когда сам оказался внутри комнаты, густо завешенной пальто, манто и остальной одеждой, твари с пленницей и след простыл. Но хотя бы никуда не делать выбитая потайная дверца, уводившая вниз и под город. Сволочь ты, Джимми, никак больше не скажешь.

Кольт спрятался в кобуре, а моя малышка «астра» его заменила. «Звездочка» точнее, не отнять, а убойность у нее если и меньше, то ненамного. Хотя, как тут стрелять, если у твари с собой самая натуральная заложница? Хотя, опять же… какое мне до нее дело?

За дверью оказался темный коридор, убегающий дальше совершенно ровной, судя по ощущениям, полосой камня. Футах в ста светлел проем, и к нему, чернея сдвоенной фигурой, убегала тварь, тащившая с собой девчонку.

Так…

Хороший ли я стрелок? Ну, как сказать? Хотелось бы лучше, конечно. Но догнать сумасшедшую паскуду, явно из Старых или Других, у меня не получится. Если её немного не стреножить, конечно.

Спорное решение? Очень, только другого нет.

Выдохнуть, вдохнуть, не злиться и не считать убегавших секунд с сокращавшейся длиной коридора. Вскинуть «астру», положив стол на левое предплечье, оценить саму цель.

Тварь справа, она как раз и бежит, а ноги жертвы болтаются в воздухе. Чуть сместиться правее, чтобы тварь стала четче. Да, верное решение, Кроу, верное. Вон ее правая нога, единственный кусок сволочи, что точно никак не соприкасается с той молоденькой красоткой. Вдох-выдох, теперь думать не стоит,

прицелился, ну и…

«Астра» грохнула. Тварь подломилась прямо на бегу, почти выскочив из коридора, ударилась о стену, упала… Встала и смогла, подтаскивая ногу, выбраться наружу.

А я уже несся следом, несся, разрывая собственные прокуренные легкие и чувствуя тут, в каменной кишке, пролитую кровь. Её первую пролитую кровь. Я тебя достану, сука!

Клыки и когти против стали, свинца и серебра? Думаете, клыки и когти бесполезны? Не смешите мой пупок, леди и джентльмены. Это там, у вас, в нормальной жизни, хищник не всегда подерет охотника. А у нас, в Ночном Городе, такое сплошь и рядом, вот прямо совсем, как сейчас.

Я недооценил её и переоценил себя. Тварь не стала удирать, она заманила меня темными каплями кровавого следа, увела внутрь подземного лабиринта и, выбрав место, атаковала.

Впереди попалась очередная подземная рукотворная каверна, освещенная гулко трещавшими фонарями под потолком. Не иначе, как клуб являлся перевалочным пунктом чего-то очень важного и запрещенного. К чему еще такие усилия и вложения?

Тварь выскользнула из темноты, уже обратившись черт-пойми во что, злющая и все еще сильная. Высокая, в остатках разодранного платья, не перекинувшаяся в боевую форму полностью, смахивающая на жутко смешную куклу оборотня из аттракционов вроде «комнаты ужасов». Только мне было не до смеху. Она сумела ударить когтищами обеих лап, чуть не оскальпировав и выбив «астру».

Я отлетел к стене, приложился и откатился, видя, как она снова кинулась ко мне. Кольт выхватить не успел… потому что потерял, мать твою!

В спину твари прилетело из темноты, рассыпалось по покатым плечам, заросшим светло-пятнистой шерстью водопадом горящих звездочек. Вот так дела!

Тварь рявкнула, неуклюже прыгнула не стену, уходя от следующего удара и, оттолкнувшись, скрылась в темноте, прячущей ее жертву. Только та жертва оказалась самой настоящей ведьмой и…

И ничего. Девчонка вылетела из темноты, блеснув всплеском крови. Сволота полосанула ее по лицу и плечу, превратив те в жертву первых ударов мясника, разминающегося перед хорошей коровьей тушей.

А мне стало понятно, что теперь нужно спасать себя. Тем более, приметил «астру» и даже добрался до нее. Лишь бы не заклинило из-за удара и пыли, точно попавших внутрь. Я понял

— кто играется со мной и почему до сих пор жив.

Тварь была оборотнем, необычайно сильным оборотнем, почти справившимся с серебром, застрявшим в ней после попадания. Почему так? Она не обернулась полностью в чертового ягуара, которым становилась во время преображения. Серебро не дало, заставляя все её внутренние процессы с механизмами работать на пределе сил и не давая им закончиться полностью. Есть шанс.

Ну, как шанс?!

Левая рука наверняка сломана. Со лба, где задели ее когти, на лицо капает кровь, не давая что-то рассмотреть. Черт, черт!

Я пытался отползти, чуя, как тварь кружит свои последние петли, оттягивая мою смерть и сделать еще большее и страшнее перед ней. Ну, сволочь, иди ко мне, иди!

Она прыгнула.

Слева, откуда ее не ждал.

Прыгнула, родившись в темноте, никак не отдававшейся ее шагами или запахом.

Никакой чертовой «Иранской яшмы».

Никакой крови.

Тварь…

Сияющая полоса ударила из-за моей спины, стеганула оборотня по морде, рвущейся то в звериную, то в человеческую ипостась. Существо, обезумевшее от ярости из-за застрявшего в ней серебра, взвыла и откатилась, воняя опаленной шерстью и волосами.

Следующая, раскаленно-белая, плеть пришла оттуда же, из-за меня, и не одна. Целая стая, заплетаясь в сеть, пронеслась над головой, закрутилась вокруг орущей паскуды. Оплела, стянулась, повинуясь чьим-то командам, сжалась, заставив тварь внутри верещать еще сильнее.

— Ты жив, Кроу?

Ведьма Майан, бледная, в бетонной пыли, бросила вопрос на ходу и, наверное, из вежливости. Потому что сразу кинулась к светленькой девчонке-ведьмачке, сломанной куклой валявшейся на полу и подтекающей кровью из распоротого плеча и разодранного личика.

Тварь взвыла. Майан, не оглядываясь, сжала левую руку, затягивая свою сеть еще сильнее. Тварь угомонилась, начиная похрипывать. Майан творила волшбу, сыпля настолько сильными заклинаниями, что даже мне стало ясно — это не самая простая магия. И, возможно, запрещенная.

Только меня интересовало другое. Меня интересовали намерения Майан по поводу паскуды, тихонько плачущей внутри

бело-сияющей сети, но остававшейся живой. Так, значит?

Не подумайте, что я гений. Даже наоборот, если честно. Я просто удачливый сукин кот и не больше. Но кое-что понятно даже мне, тупому дураку Кроу из 13.

Оборотень, остановленная Майан, не погибла в пару мгновений только из-за своей нужности. Из-за страха и ужаса, наводимого на весь Ночной Город почти полтора месяца. Из-за своих возможностей, умений и силы.

Она оружие, страшное и очень опасное, попавшее в руки Ковена. В цепкие загребущие лапы Старых и Других. Оружие, должное быть изученным, разобранным по винтику, собранным и обращенным на пользу им.

А вот шиш. Большой и жирный кукиш вам, дамы и господа из Ковена. Через мой труп.

«Астра» грохнула, грохнула еще раз, темные глаза, уставившиеся на меня в последний миг, потухли. А я сел на пол и, наконец-то, вытер лицо.

— Дурак ты, Кроу, прости Господи, — проворчала Майан, утирая испарину со лба. Видать, уморилась возвращать девчонку с того света. — Творишь сам не знаешь, что, а потом еще хочешь, чтобы к тебе относились по-хорошему.

— Я ей жизнь спас, между прочим, — кивнул я на светловолосую, уже пришедшую в себя и хлопавшую глазенками. — Э?

Майан скривилась перед ответом и…

— Мама! — всхлипнула светловолосая и вцепилась в нее, а та заплакала в ответ.

Твою-то ма… дивизию, вот так дела.

Потом… потом вокруг вдруг появились парни из СиКей, наш лейтенант, какие-то мрачные типы, смотрящие то на убитую оборотня, то на меня. На меня они смотрели как на гов… в общем, так себе смотрели.

А я курил, сидя у стены, баюкая руку в лубке, сотворенном без всякой магии стариной Майки, притащившим, как всегда, с собой не только фото-кофр, но и большую сумку-укладку со всякой медициной.

Майан, как всегда сухая, спокойная и холодная, подошла незаметно. Стояла, смотрела и молчала.

— Ну? — я не выдержал первым. — Хотя…

— Чего?

— Как ты ее нашла?

Майан не ответила, но я знал и без того. Медальон, подающий сигнал матери, вот и все. Спрашивать, почему нельзя было раньше отыскать оборотня, убивающую всех подряд и

спеленать её той самой сетью… Глупо. Им, Старым и Другим, так было удобно. Точка.

А Майан начала говорить.

— У тебя есть одна просьба, Кроу.

— Последняя?

— Идиот, — отрезала куратор, — просто одна. Я выполню. Ты её спас, это правда.

— Просьба… — протянул я, затянувшись. — Просьба будет одна. И еще один вопрос.

— А ты нахал. — констатировала Майан.

— На том и стоим, — не стал отказываться я, — так что?

Эпилог

Моросило. Моросило привычно и без нее, этой мороси города, ставшего моим, даже непривычно.

Не сказать, что мне сейчас плохо. Даже наоборот, жизнь неожиданно успокоилась, вошла в твердое русло и несла меня вперед совсем как великая река Миссисипи: надежно, порой покачивая и на отличной скорости. Совсем как не так давно нес «бьюик» Ворона, оказавшегося куда больше человеком, чем я сам.

Ответы на вопрос с просьбой мне, Алексу Кроу, пришли сразу, на месте.

Дом мне не светит, оставался лишь Ночной Город и другой мир, куда меня занесло. Нес казать, чтобы это заставляло рыдать и переживать, но я же не бездушная скотина, у есть мама с папой, вот что на самом деле плохо.

Почему мне не светит дом? Потому что Договор четко регулирует действие магии, Старых и Других, не разрешая им проникать в другие миры. Да-да, оказывается, есть не только два, мой и этот, фига. В невозможность сделать прокол с помощью магии — мне не верилось. Казалось самым настоящим враньем, но откуда же взять правду?

Так что ответ на вопрос «попаду ли я домой?» оказался коротким. Нет, Кроу, не попадешь.

А просьба?

Когда вам скажут, что, мол, что-то там невозможно, попробуйте зайти с другой стороны. Но помните о запасном козыре в своем рукаве или чьем-то долге перед вами. Тогда двери-то точно откроются, особенно, если в ыне станете разыгрывать из себя благородство.

В случае с Майан, ведьмой высшего ранга, одной из Ковена, куратора 13 участка и даже СиКей, все оказалось не так просто. Майан могла бы оставить меня гнить под землей, обездвижив одним щелчком пальцев и плевать ей на оставшиеся пули в «астре». «Звездочка» может остановить Старого, Другую, да хоть черта лысого… но не с моим умением.

Но Майан, вот ведь, совершенно не желала оставаться неблагодарной. Кровь есть кровь, а единственная дочь, пусть и проблемная, есть дочь. А я, сам того не зная, помог спасти девчонке жизнь. Распоротое плечо и лицо, исхлестанное когтями? Для, повторюсь, ведьмы высшего ранга, это проблемы, но не самые сложные.

Клан Ворона и не спорил, вернее, не спорил единственный их представитель, вышедший к Майан и мне, когда мы завились в

высокое здание темного камня, служившее им штаб-квартирой.

— Нас не интересует человек Кроу! — каркнул незнакомый мне Ворон, одетый в красную накидку с гербом клана. — Но если ты просишь, Майан, мы отпустим его и снимем печать, наложенную нашим погибшим братом. А человек Кроу должен помнить — у него долг перед кланом Ворона, долг за жизнь нашего брата, драгоценную и неповторимую, отданную для его спасения.

И никаких вам чудес, фейерверков с прочим. Все просто: мы вышли наружу, а моя кожа чесалась, вновь став чистой и без признаков тату.

Потом…

Из участка меня никто не потурил, оказалось не за что. Да и тварь записали на мой счет, Майан определила это сама.

Леди Ди… Леди Ди теперь встречалась со мной редко и, в основном, в людном месте за чашкой кофе.

Панна Ковальска немного помягчела и даже оставляла мне поздний ужин, на столе в кухне.

Ее брауни перестал ломиться ко мне без разрешения, а ворон неожиданно выучил несколько строк Булгакова, недавно опубликованного даже здесь. Хотя, чему удивляться, учитывая мессира Воланда, верно?

А, да… Кэп пообещал, железно и твердо, назначить мне напарника.

Вот как-то так и живу, не жалуясь и даже не особо прикладываясь к бутылке. Все верно, пятничные вечера теперь неожиданно стали наполняться запахом солода, ячменя и остального, плещущегося внутри толстостенных зеленых бутылок.

Да не, на самом деле все хорошо. Особенно, если в кармане есть сигареты, курить-то я так и не бросил, силы воли не хватает.

«Лаки» хрустнула, окутала дымков, чуть пахнувшим копченым виргинским табаком, а ветерок загнал его сизые кольца под шляпу. Вместе с холодными мелкими каплями.

Моросило.

Читателям

Друзья, здравствуйте. Вы, кому интересна история Кроу и Ночного Города, только что ее дочитали.

Наверняка, минимум половина, подумала:

— Сколько опечаток и ваще!

И была права. Их на самом деле много, потому как мне было интересно и я торопился. Причем торопился для того, чтобы поделиться историей.

И вот, закончив, неожиданно понял, что:

1) мне хочется немного расширить саму книгу

2) читателю на самом деле хочется узнать начало без проблем, т. е, без оплаты

3) я не работаю, кое-что капает с сайтов с книгами и как быть в таком разрезе с "13"?

И у меня родилось предложение, на каковое мне хочется увидеть ваше мнение в комментариях.

А оно, собссно, следующее:

книгу надо рихтовать, это верно. Кроме рихтовки, я напишу три межглавия, больше раскрывающие Кроу и Город, равно как 13 участок, они будут называться "Дело о… нужное подставить"

Я сделаю книгу больше в процессе редактуры, так как мне уже понятно — что и где надо добавлять.

Я выложу заново сам черновик, что вы читали как "13 участок. Чужак (Черновик) для бесплатного чтения на сайте.

А эту книгу превращу в полную версию, за какую-то разумную плату и с возможностью скачки.

Вот такие дела. Если кто поделится своими мыслями — буду благодарен, т. к сейчас мои мысли кажутся мне честными и справедливыми.